

ЦИНО-БАЛКАРСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КБАССР

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Выпуск I

НАЛЬЧИК 1979

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Под общей редакцией кандидата филологических
наук **А. А. Ковшовой**

НАЛЬЧИК - 1979

Каб.-Балк. республиканская науч-
ная библиотека им. Ч. К. Крупской
г. Нальчик, ул. Ногмова № 42

47 (Voprosy)
T348

Редакционная коллегия:

*Ж. М. Гузеев (отв. ред.), Л. Ж. Жабелова,
А. А. Жаппуев*

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО
ЯЗЫКА**

ВЫПУСК I

Редактор *А. А. Ковшова*
Технический редактор *Г. Х. Албегова*
Корректор *В. А. Вымячкина*

Сдано в набор 10/X 1979 г. Подписано к печати 15/I 1980 г. Бумага типо-
графская № 3. Формат 60×90/16. Печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 11,0. Заказ № 10981.
Тираж 500 экз. 401063 Цена в переплете № 5 80 коп.

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.
Управление по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Совета Министров КБАССР. Нальчик, проспект им. Ленина, 33

© Кабардино-Балкарский ордена «Знак Почета» институт истории,
филологии и экономики при Совете Министров КБАССР, 1979 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Коллективный труд «Теоретические проблемы карачаево-балкарского языка», вып. 1 включает статьи, в которых освещаются актуальные вопросы карачаево-балкарского языкознания. Статьи группируются по трем разделам: «Грамматика», «Лексика и семантика», «Орфография».

Категориям объективного и грамматического времени посвятил свое исследование Х. С. Джанибеков. Соотношение этих категорий на материале различных языков издавна привлекает лингвистов. На материале карачаево-балкарского языка с таким вниманием к теории вопроса данные категории рассматриваются впервые. Отмечая общность основной семы трех презентных форм карачаево-балкарского глагола, Х. С. Джанибеков показывает специфику каждой из них.

И. Х. Ахматов, изучая образование безличных предложений в карачаево-балкарском, справедливо замечает, что вопрос о сущности этого типа предложений в тюркских языках до сих пор остается спорным. Рассматривая имеющиеся точки зрения, И. Х. Ахматов утверждает наличие этого типа предложений в карачаево-балкарском языке, анализирует их в логико-грамматическом аспекте. Соотношение подлежащего и логического субъекта, формы выражения логического субъекта, субъектно-предикативная связь и другие вопросы — в центре внимания автора статьи.

Конструкциям с приложением в русском языке и их эквивалентам в карачаево-балкарском языке посвятил свою статью И. М. Отаров. Сопоставительный аспект изучения одной категории на материале генетически различных языков позволяет автору видеть специфику приложения в каждом из них. Русские приложения легко калькируются в карачаево-балкарском языке, под влиянием русского языка они становятся здесь более употребительными.

Л. Ж. Жабелова определяет словообразовательную структуру парных существительных в современном карачаево-балкарском языке. В центре внимания автора соотношение корневых и производных компонентов в парном слове, лексико-морфологическая характеристика каждого из них, продуктивность словообразовательного типа парных слов и др.

Разнообразна тематика статей в разделе «Лексика и семантика».

Ю. Х. Джабоев, определив два основных источника развития лексики карачаево-балкарского языка, подчеркивает роль русского языка в развитии карачаево-балкарского. Огромен пласт заимствованных слов из русского языка, чрезвычайно продуктивным оказывается способ калькирования.

А. А. Жаппуев конкретным материалом из области земледельческой терминологии подтверждает ту же мысль. Однако автора привлекает изучение лексики карачаево-балкарского языка в сравнительном плане с другими тюркскими языками.

Табу и эвфемизмы на материале карачаево-балкарского языка специально не изучались. М. М. Текуев поставил скромную задачу — охарактеризовать некоторые из них: 1) относящиеся к названиям явлений природы, болезней, злых духов; 2) соотносимые со словами в значении «роды», «ребенок», «смерть»; 3) относящиеся к названиям родства и имен людей, а также 4) к названиям домашних и диких животных, зверей.

Происхождению гидронима *терек* посвятил свою статью К. А. Мизиев. Приводя различные этимологии данного слова, он склонен возводить его к древнетюркскому *ternäk* «родник, ручей».

Семантическому анализу парных слов посвящено исследование Л. Ж. Жабсловой. Привлекая большой фактический материал, автор показывает, сколько многообразно соотношение парного слова как целостной лексической единицы с его компонентами, определяет закономерности в семантической сочетаемости компонентов при образовании парных слов.

Забота о дальнейшем совершенствовании орфографии карачаево-балкарского языка выражена в трех статьях Ж. М. Гузеева. Научный характер исследования вопросов практической значимости определяет логичность рекомендаций автора по усовершенствованию орфографии карачаево-балкарского языка.

Знакомясь с содержанием данной книги, нельзя не заметить стремление лингвистов — карачаево-балкарцев, занимающихся проблемами родного языка, решать их с углубленным вниманием общелингвистическим проблемам, с привлечением материалов по родственным тюркским языкам, со стремлением решать практические вопросы на основе их научного исследования. Очевидно, не все положения бесспорны. Но они результат наблюдений и размышлений и поэтому заслуживают внимания читателя.

А. А. Ковшова

ГРАММАТИКА

ОБ ОБЪЕКТИВНОМ И ГРАММАТИЧЕСКОМ НАСТОЯЩЕМ ВРЕМЕНИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В системе времен единиц, соответствующей понятиям «здесь» и «теперь», является, как известно, настоящее время. Оно отражает одновременность события с постоянным поступательным моментом бытия говорящего. В лингвистических исследованиях в отношении настоящего времени подчеркивается одновременность действия и акта речи (момента мысли, письма и т. п.) (Макаров 1848 : 43; Пешковский 1956 : 86; Богородицкий 1935 : 178; Никитевич 1963 : 15; Керм 1952 : 211).

Общее определение категории настоящего времени, дающееся большинством языковедов, одинаково, что в некоторой степени отражает однотипность семантики презентных форм во многих языках. Спорной оказывается проблема экстралингвистического (т. е. объективного) настоящего, с которым соотносится семантика грамматической (языковой) презентной формы. С гносеологической точки зрения спорность вопроса создается противоречием, заключающимся в том, что, с одной стороны, семантика презентной формы характеризуется длительностью, а с другой — собственно настоящему присущ момент подвижности и «точечности».

Традиционные логико-лингвистические объяснения этого противоречия сводятся в основном к следующему: так как момент собственно настоящего представляет собой подвижную математическую точку, не имеющую протяженности, то в понятие настоящего времени включаются соответственно «прилегающие» к этой точке части будущего и прошедшего (Бринкман 1962 : 322; Хаймович, Роговская 1967 : 143; Гейзе 1856 : 423; Голанов 1965 : 194; Норейн 1923 : 423).

Для этой концепции характерен определенный психологизм, понимание же настоящего времени обосновывается чисто умозрительно.

Своеобразны взгляды Ф. Маутнера, который отмечает, что «время всегда соотносится с субъектом «я» или с субъектом высказывания. Говорящий всегда настоящ. Грамматический субъект мыслится или как настоящий или сопоставляется с настоящим говорящего субъекта». Противоречивость этой точки зрения в следующем: справедливо отмечая, что «говорящий субъект всегда настоящ», Маутнер одновременно утверждает, что «для нас настоящее неведомо», «настоящее лишь в нашем моз-

гу, в нашем сознании, но не в нашей действительности» (1902 : 670). Идеалистическая трактовка ведет к тому, что Маутнер проходит мимо факта: специфическая особенность презентной формы — ее длительный характер — объяснима тем, что «говорящий субъект всегда настоящ». В несовпадении понятия объективного времени и времени грамматического он склонен видеть не столько момент абстрагирования последнего соответственно специфическим внутренним законам языка как системы, сколько неточность и несовершенство грамматических форм. Далее Маутнер пытается от «субъективного» настоящего отделить другое — «реальное» настоящее: «Настоящее, к которому прикованы животные, является действительностью, которая всегда настояща. И растения должны воспринимать действительность как настоящее. Другое, грамматическое или логическое настоящее, т. е. математическая точка стыка между прошедшим и будущим, не действительна и не реальна; она — только в нашем сознании, в нашем языке». Из этих высказываний Маутнера выходит, что животные и растения «осознают» (!) свое настоящее, причем как постоянное. На самом же деле под реальным настоящим животных и растений следует подразумевать реальность их бытия безотносительно к моменту настоящего времени субъекта.

Абсолютизируя момент подвижности, «точечность» настоящего момента и не принимая во внимание его объективную данность как постоянство субъекта, Маутнер приходит к выводу, что «В языке формы для прошедшего и будущего времени существовали раньше, чем действительно осознанная форма для настоящего» (1902 : 70). Отсюда следует, что в противоположность будущему и прошедшему временам, имеющим протяженность, настоящее — всего лишь математическая точка, и что длительность последнего — это наше субъективное представление. Поэтому содержательная сторона презентной формы также субъективна и алогична.

Иная точка зрения представлена в трудах О. Есперсена. Буквально повторяя Маутнера в определении экстралингвистического настоящего, Есперсен, однако, более объективно оценивает содержательную сторону презентной формы. «Языки, имеющие дифференцированные времена, — пишет он, — используют для выражения настоящего презентное время. Но что такое настоящее? Теоретически это точка, не имеющая протяжения. Момент, «настоящее», «сейчас» является не более как вечно текущей границей между прошедшим и будущим...» (1965 : 258). Этим высказыванием О. Есперсен сходится с К. Гейзе, А. Норейном, Ф. Маутнером и др. Однако он считает ошибочным утверждение будто наши языки дефектны, поскольку они располагают для выражения «вечных истин» (Вода кипит при 100 градусах Цельсия; Дважды два — четыре и т. п.). только формой настоящего времени, ибо презентное время указывает на отнесение

таких фактов к настоящему времени, без указания их отнесенности к прошлому и будущему.

Исходная посылка Маутнера и Есперсена в понимании момента настоящего является общей («подвижная математическая точка, не имеющая измерения»), но выводы разные. Если Маутнер презентное время семантически считает субъективным, то Есперсен утверждает его объективность.

Анализу соотношения объективного и грамматического времени посвящены работы известного германиста Эрвина Кошмидера, который делит события на индивидуальные (конкретные) и общие (абстрактные). Те и другие противоположны по отношению к времени. Время реализации конкретного действия можно локализовать линией (осью) времени, где данное действие будет иметь свое индивидуальное место, свою значимость в смысле временной соотнесенности. Последняя в свою очередь применима исключительно к сущности понятия конкретного (индивидуального) действия. В противоположность этому сущность общих (абстрактных) действий такова, что они на линии времени не имеют своего индивидуального места, своей значимости временной соотнесенности (Кошмидер 1929 : 2). По Кошмидеру, временные формы, в частности презенс, выступают в одном случае со значением временной соотнесенности, а в другом — без этого значения. Но при кажущейся логичности схема Кошмидера обнаруживает уязвимость в том, что когда он говорит о конкретных и абстрактных действиях, речь фактически идет на уровне логико-морфологического понимания единичного и общего, т. е. о понятиях реального (действительного) и общего (нереального). В связи с глагольной семантикой это значит: конкретное действие — такое, когда его лексическое значение соотносится с понятием единичного, реального явления, например: Этот человек живет сейчас у знакомых; абстрактное действие, или абстрактный случай — когда лексическое значение глагола соотносится с общим понятием действия, например: Человек живет один раз. Но когда Кошмидер говорит о линии времени, он выходит в экстралингвистическую область, т. е. имеет в виду только понятие объективного (реального) времени. Поэтому к значению и употреблению грамматических времен, в частности презенса, Кошмидер подходит с логико-психологических позиций, а не с точки зрения относительной самостоятельности языковой семантики. По Кошмидеру получается, что собственное значение презенса, при котором эта форма имеет значимость временной соотнесенности, — это актуальность, конкретность, реальная или мнимая действительность, как бы отвечающая на вопрос: «Что ты сейчас делаешь?». Кроме этого собственного значения к функции презенса Кошмидер относит и выражение абстрактных действий, не имеющих временной значимости, при которых презенс употребляется как бы вынужденно, из-за неимения специальной формы выражения.

В данном случае можно было бы возразить Э. Кошмидеру, сославшись на О. Есперсена, хотя у последнего нет специально-го членения понятий действия на конкретные и абстрактные случаи. Однако как у Кошмидера, так и у Есперсена не расчленены и не разграничены языковые и неязыковые уровни, без учета которых нельзя представить себе картину соотношения объективного и грамматического времени. В этой связи и возникает вопрос: если конкретность и абстрактность являются функцией грамматического времени (презенса), то что же выражает лексическая семантика глагола? Поэтому исходным моментом при установлении соотношения объективного и грамматического времени является учет того, что 1) семы конкретности и абстрактности относятся первично к области лексической семантики глагола и базируются на логических понятиях единичного и общего, 2) их уточнение осуществляется на синтактико-контекстуальном уровне, 3) к грамматической временной форме они имеют вторичное отношение.

Примеры: Он сейчас работает в саду.— В саду обычно работает садовник; Сейчас он будет работать в саду.— В саду будет работать всякий, кто любит деревья; Только что он работал в саду.— Кто работал в саду, тот хорошо знает жизнь деревьев; Работая сейчас в саду, он отдыхает умственно.— Работая в саду, человек изучает особенности деревьев и т. д.

Поэтому не грамматическим временем определяется тот факт, с какой смысловой нагрузкой выступает глагол в высказывании — с конкретной или абстрактной, — ибо грамматическое время само базируется на языковом, обобщающем значении действия, составляющем лексическую семантику глагола, соотносимую через логические понятия отдельного и общего как с конкретно-реальным, так и с абстрактным процессом, что можно отобразить в следующей последовательности: грамматическое время — лексическое значение глагола — логическое понятие действия: отдельное//общее — действительность. И в собственном смысле слова языковое (грамматическое) время характеризует и определяет не объективный процесс действия, а языковое (обобщенное) понятие действия: с первым же оно соотносится через глагольную лексическую семантику.

Узвизное место в концепции Кошмидера заключается как раз в смешении двух категориально разных моментов: синтаксической модификации лексического значения (употребления) глагола и значения грамматического времени, более абстрагированного и с единой значимостью как для конкретного, так и для абстрактного понятий действия. Кошмидер не выделяет в лично-временной форме глагола тесно взаимосвязанные, но категориально разные значимости двух порядков: а) то, что относится к функции собственно лексической семантики глагола и б) то, что относится к значению и функции грамматического времени. А между тем, как отмечает А. А. Реформатский,

грамматическая абстракция качественно отличается от лексической, и поэтому явления лексики более конкретны по сравнению с абстрактными фактами грамматики. Связь грамматики с действительностью осуществляется только посредством лексики, так как грамматика как таковая лишена всякой конкретности (Реформатский 1955:255). Отсюда видно, что лично-временную форму глагола Э. Кошмидер рассматривает как целостную единицу, не разграничивая этих двух видов языковой абстракции, т. е. лексической и грамматической, и, следовательно, проходит мимо того факта, что значение грамматического времени должно быть «над» лексическим значением глагола, базироваться на нем независимо от того, конкретным или абстрактным случаем является его употребление.

Определенный интерес представляет точка зрения Уильяма Булля на соотношение объективного и грамматического времени. Его понимание данного вопроса представляется более убедительным, чем механическое «емкостное» толкование времени как некоего несубстанционального потока.

Действия, происходящие в объективной реальности, У. Булль называет космическими событиями и отмечает, что возможны три порядка отношений между ними и осью ориентации: воспринимаемое действие может быть до или после «одновременности» с чем-то, используемой как ось ориентации (восприятия)..., поэтому мы можем или воспринимать, или вспоминать, или представлять себе действие (Булль 1960 : 12). Акт наблюдения является таким объективным (космическим) событием, при котором наблюдающее «Я» может испытывать только один порядок отношения с ним, т. е. одновременность (там же).

В пользу этой точки зрения Булля можно привести следующее высказывание Ю. Б. Молчанова: «Понятие одновременности отражает не имманентные свойства событий, присущие им самим по себе, а определенные отношения между ними. Это одно из трех отношений, которые устанавливают временной порядок, разбивая все события Вселенной по отношению к данному на предшествующие, одновременные и последующие. Отношения «до» и «после» фиксируют классы предшествующих и последующих событий, отношение «одновременно» устанавливает класс событий, которые произошли ни «до», ни «после» данного» (1964 : 56—58).

При трактовке сущности настоящего времени У. Булль оказывается на той же логико-психологической позиции, что и Гейзе, Маутнер и др. При объяснении соотношения объективного и грамматического настоящего Булль повторяет традиционную точку зрения: в основе значения презентной формы лежит понятие отрезка настоящего времени, состоящее из частей прошлого и будущего, поскольку собственно настоящее является всего лишь точкой.

Своеобразное понимание соотносительности объективного и грамматического времени, в частности, презенса, а также иной принцип определения грамматического времени как отношения действия к моменту речи находим в трудах Н. С. Поспелова (1966:17)¹.

Н. С. Поспелов пишет, что «в современном русском языке, как известно, одни и те же глагольные формы в зависимости от контекста или ситуации речи могут иметь временные значения, не сводимые к единому семантическому комплексу и объединяемые только единством формы, выражающей эти значения, таковы, например, значения нераскрытого и раскрытого настоящего, с одной стороны, и презенс историкум, с другой стороны, в формах настоящего времени» (1966 : 17).

Само по себе выделение нераскрытого и раскрытого настоящего (соответственно — неразрешенного и разрешенного настоящего) в известной степени сближается с традиционным выделением производственных функций презенса — употребление в значении ближайшего будущего и непосредственного прошлого. Но за счет чего выделяется раскрытое и нераскрытое настоящее? Н. С. Поспелов пишет, что «в речевом плане коммуникации опорой высказывания является не момент речи, а целостная ситуация настоящего как содержательного временного синтеза, в котором завершается прошлое субъекта речи и который обращен к его будущему» (1966 : 18).

Отсюда видно, что «целостная ситуация настоящего» есть по существу традиционное понятие «настоящего времени, включающего часть прошедшего и часть будущего». В содержании конкретного настоящего помимо частей прошлого и будущего есть и момент собственно настоящего в виде времени высказывания. В понимании Поспелова «зоны конкретной ситуации настоящего» моменту настоящего как такового вообще не остается места: содержательной стороной данной зоны оказывается лишь сектор «нераскрытого» и сектор «раскрытого». Здесь неясно: если содержательной стороной «конкретной ситуации настоящего» (или «зоны конкретного настоящего») являются секторы раскрытого и нераскрытого настоящего, а момента речи при этом вообще нет, то чем тогда определяются «границы» собственно прошлого и будущего и по какому критерию отграничивается от них «зона конкретной ситуации настоящего».

Следует отметить, что наиболее уязвимым местом в традиционном определении зоны настоящего (или настоящего, имеющего определенное протяжение) является произвольность предполо-

¹ Интерпретацию и критический анализ концепции Н. С. Поспелова см., например: Иванова 1959 : 336 и сл.; Фишкель 1963 : 53 и сл.; Зайнулин 1963; Ахундов 1958; Жеребеков 1970.

жения в настоящем части прошлого и части будущего. Этим и объясняется наличие субъективизма как в определении понятия объективного и грамматического настоящего, так и в их соотношении. Более того, такое понимание настоящего, как механической суммы частей прошлого и будущего, противоречит тому, что в содержательной стороне формы настоящего времени через отношение к моменту речи (письма, мысли и т. п.) должна найти отражение сама объективность бытия говорящего, т. е. поступательное движение постоянного настоящего момента, его непрерывность и постоянная данность. Момент настоящего не имеет измерения, и не поддается экстракции, но в то же время он непрерывен и постоянен, так как субъект непрерывно одновременно с чем-то.

Об отношении грамматического настоящего к моменту речи А. И. Смирницкий пишет: «понимание настоящего времени как времени той или иной длительности, включающего в себя момент данной речи, составляет основу значения категориальной формы настоящего времени (презентс) в английском языке, как, впрочем, и во многих других языках» (1959 : 337 и сл.). Это объяснение в основном совпадает с традиционными определениями соотношения объективного и грамматического настоящего. Представляется, что в подходе А. И. Смирницкого рациональным является положение о том, что, во-первых, не полоса или отрезок времени составляют количественную протяженность акта речи, а понятие настоящего не имеет претеритально-футуральной основы, и, во-вторых, понятие настоящего момента содержит косвенное указание на динамизм.

Диалектика противоречивости настоящего момента в том и заключается, что он находится в поступательном движении, оставаясь одновременно непрерывным и, следовательно, постоянным; он является мгновенным (преходящей математической точкой), но в то же время для него характерна абсолютная протяженность, так как она представляет собой непрерывность бытия субъекта: преходящ по отношению к объектам, но непреходящ по отношению к самому субъекту. Поэтому любое другое действие (космическое событие) для субъекта предельно, ограничено, если даже и измеряется тысячелетиями, а собственная данность субъекта (его одновременность с чем-то) неограничена. Субъект постоянно с чем-то одновременен, и это отношение постоянной одновременности с чем-то лежит в основе протяженного характера семантики презентной формы.

В этом смысле справедливы, с одной стороны, замечание Ф. Маутнера о том, что «говорящий субъект всегда настоящий», а с другой стороны, проводимая Э. Кошмидером аналогия между постоянным поступательным движением момента настоящего и ходом часовой стрелки.

В этой связи необходимо обратиться к традиционным гра-

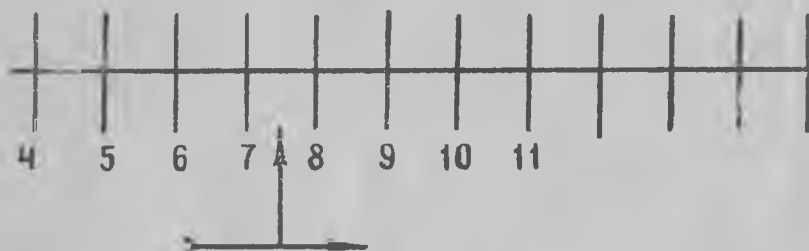
фическим изображениям линии (или оси) времени и ее отношения к субъекту (моменту речи):

У. Буль: ∞ ————— Оси ————— ∞

О. Есперсен:

А: прошедшее В: настоящее С: будущее

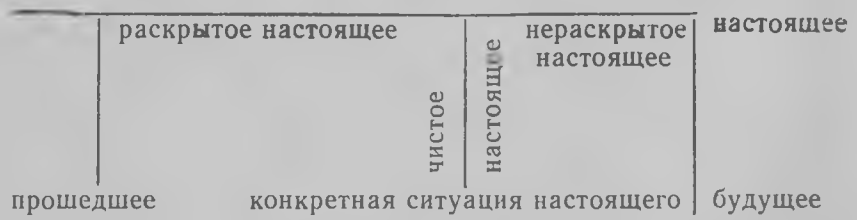
Э. Кошмидер:

А. И. Смирницкий:

Н. С. Поспелов:

Несмотря на специфические модификации этих схем, основной принцип у них остается общим: 1) представление прошедшего и будущего линией через точку настоящего; 2) прошедшее и будущее не претерпевают никаких вертикальных смещений по отношению к настоящему моменту; 3) момент настоящего представлен математической точкой, в то время как прошедшее и будущее изображаются как линейные.

В предлагаемой ниже схеме учитываются: а) поступательная подвижность и в то же время постоянная данность и непрерывность момента настоящего; б) разнонаправленность прошлого и будущего по горизонтали (соответственно: от субъекта и к субъекту); в) их вертикальное смещение (преломление) по отношению к субъекту. В таком случае она условно будет иметь вид спирали с отходящими в противоположных направлениях линиями прошлого и будущего; круг спирали выражает относительно подвижное постоянство поступательного настоящего момента субъекта:

При установлении соотношения объективного и грамматического настоящего времени надо исходить не из «точечного» характера настоящего момента и факта его непостоянства в силу его подвижности, а наоборот, из его постоянной данности в силу непрерывного поступательного движения. И единственным выводом, вытекающим из такой постановки вопроса, может быть то, что в основе значения презентной формы как категории грамматического времени лежит не мнимое «объемное» настоящее, складываемое из смежных отрезков прошлого и будущего, и притом произвольно взятой, неопределенной длины, а постоянная данность собственного момента настоящего: поэтому и дуративность презентной формы, отражающая это постоянство, носит по отношению к той или иной длительности событий, устанавливаемой на лексико-синтаксическом уровне, абсолютный и всеобъемлющий характер. Иными словами, любое мыслимое действие, какой бы длины оно ни было, можно «вместить» в дуративность презентной формы.

Возражая Ф. Маутнеру относительно того, что якобы значение презенса субъективно, ибо субъективно понятие собственно настоящего, и что презенс будто бы вторичное явление в языке по сравнению с претеритом и футурумом, следует скорее признать обратное, а именно: коль скоро в языке существует система грамматических времен, она обязательно предполагает наличие формы, которая выражает настоящее. Более того, история ряда языков показывает, что генетически и функционально-семантически презентные формы, как правило, являются исходными по отношению к претеритальным и футуральным формам.

Исходя из сказанного можно заключить, что центральное место в системе глагольных времен занимает категория настоящего времени, а это является в известном смысле отражением центрального положения момента настоящего в системе объективных времен².

Данный тезис подтверждается фактами из разных языков. В качестве примера можно сослаться на следующее явление.

Прошрое — настоящее — будущее (соответственно: претерит — презенс — футурум), являясь коррелятами системы, в то же время оказываются асимметричными величинами. На это обстоятельство указывает Ганс Глинц, хотя общезначимость презентной формы (ее протяженность) им абсолютизируется, а претерит рассматривается как величина, составляющая какую-то долю от этого абсолютного целого (Глинц 1952 : 103).

О том, что настоящее (соотв. презенс) является большей величиной, чем прошлое (соотв. претерит) и будущее (соотв. футур), свидетельствует, в частности, дистрибуция лексем вчера — сегодня — завтра, которые репрезентируют эти величины. Величина «сегодня» объемна для всех трех времен, и соответственно сочетаемость данной лексики является узуральной для презенса, претерита и футура: сегодня еду; сегодня ехал; сегодня буду ехать (поеду). Величина «вчера» объемна для прошедшего, и ее сочетаемость узуральна для претерита: вчера ехал; для презенса она окказиональна: еду вчера; для футурума она нереальна: буду ехать (поеду) вчера.

Величина «завтра» объемна для будущего, и ее сочетаемость узуральна для футурума: завтра поеду; для презенса она окказиональна: завтра еду; для претерита нереальна: ехал завтра.

Таким образом, сквозная сочетаемость оказывается у презентных величин: лексики «сегодня» и презентной формы, тогда как у претеритальных и футуральных величин она ограничена, носит частичный характер.

Из всего вышеизложенного следует:

1) основное (исходное) значение презентной формы состоит в том, что оно выражает одновременность глагольного действия и высказывания о нем, независимо от модификации глагольной семантики в контексте. Если глагол выступает со значением конкретного действия, реализация действия одновременна с высказыванием; если глагол выступает со значением общего понятия действия, то с высказыванием одновременна возможность реализации действия;

2) посредством выражения одновременности глагольного действия и высказывания о нем презентная форма указывает на наличие носителей действия в настоящем, т. е. на одновременность бытия субъекта, объекта, инструмента, места и т. д.;

² Ср. утверждение И. Керайна: «В немецком языке презенс выступает основополагающим для всех прочих времен» (1852: 61).

3) основное (исходное) значение презентной формы неделимо, что является абстрагированным выражением в языке неделимости и непрерывности объективного настоящего (а также момента бытия говорящего);

4) абстрагированная временная значимость презенса соотносится с объективным настоящим опосредованно, ибо грамматическое время как языковая категория базируется непосредственно на языковых понятиях действия, выражаемых лексической глагольной семантикой. Иными словами, если в объективном времени, в частности в настоящем, происходят реальные действия, то в грамматическом времени, в частности в настоящем, «происходят» обобщенные понятия действий, выраженных словом-глаголом.

Эти положения правомерно рассматривать как отправные для выяснения динамики сложного взаимодействия и зависимости между временной формой и структурно-семантической базой контекста в парадигматическом и в синтагматическом плане.

Применительно к карачаево-балкарскому языку, где категория настоящего времени индикатива представлена тремя формами, данные положения находят своеобразное отражение.

Все три презентные формы карачаево-балкарского глагола, объединяемые общностью основной семы настоящего, по-разному взаимодействуют 1) с понятиями единичного (конкретного) и общего действия, 2) с аспектуальными характеристиками последнего, 3) имеют различную совместимость с темпоральными, пространственными, модально-стилистическими, квантитативными и квалитативными уточнителями предложения, 4) имеют различный объем основного и производного значений и различный диапазон прямого и переносного употребления, 5) неодинаково сближаются с футуральными и претеритальными формами индикатива, и с другими наклонениями, 6) обнаруживают различную функциональную мобильность и различную степень грамматической абстракции и вследствие этого неодинаково зависят от контекста при актуализации своих значений в высказывании.

Наиболее универсальной формой в этом отношении является длительное (процессуальное) настоящее (см. ГКБЯ 1976 : 250; Урусбиев 1963 : 121), образуемое от основы деепричастия на -а, -е, -й и личных аффиксов: *жаза+ма* «я пишу», *окъуй+ма* «я читаю» и т. д.

Значение данной формы соотносимо как с понятием конкретного действия, так и с понятием общего «вневременного» действия, представленного в пословицах, поговорках, сентенциях, научных определениях, вечных истинах и т. п. Например:

конкретное действие: *Ары къара! Къолларында да байракълары бла адамла къайры барадыла?* (Н. Баташев. Пьесала, 29) «Смотри! Куда идут люди со знаменами в руках?»;

общее действие: *Жигит тууса, халкѡгѡ насыпха ту-уады* (там же, 40) «Герой рождается на счастье народу».

Между этими полярными случаями обычно выделяются промежуточные градации по различным коннотативным оттенкам, как-то:

длительное действие: *Иги кесекден бери жашдан хапар бил-мейбиз, бек жарсып турабыз* (там же, 65) «Уже давно не получали вестей от сына, очень беспокоимся»;

постоянное действие: *Таулу улу Аслан мындамы жашайды?* «Здесь ли живет Таулиев Аслан?»;

результативное действие: *Кѡзым, бу мени кѡайдан таный-ды?* (там же, 66). «Дочка, откуда знает меня этот человек?»;

действие, представляемое как положительный или отрицательный признак субъекта: *Байла бла бийле уа... ачы кѡабадыла* (там же, 39) «Богачи и господа кусаются больно»;

действие как способность субъекта: *Игитда жазады, грамотнады энди бизни Асланыбыз* (Байрамукѡланы Х. Жылла бла таула, 175) «Конечно, будет писать. Ведь наш Аслан уже грамотный»;

обычное действие: *Мен юйде кѡуруда болушама* (там же, 143) «Дома я всегда помогаю».

Значение данной презентной формы как длительной процессуальности претерпевает известные модификации при взаимодействии с видовыми особенностями глагола, что определяется ее совместимостью или несовместимостью с видовой характеристикой глагольного действия. Совместимость имеет место при глаголах длительного вида. Например:

Жерлеринден тепмей, сакѡлап турадыла (И. Боташев. Пьесала, 82) «Не двигаясь с места, ждут»; *Битеу таулу полкла Кавказѡга жетип келедиле* (там же, 60) «Все горские полки приближаются к Кавказу»; *Биягѡыла алгѡынча инжитгенлей турамыдыла?* (там же, 38) «Те же самые и сейчас продолжают мучать вас?»; *Кѡыяма кюндеча, дуния, тюбю башына бола турады* (там же, 34). «Сейчас весь мир ходуном ходит, как в день страшного суда».

Несовместимость наблюдается при глаголах мгновенного вида. В этом случае выражается; 1) многократная повторяемость завершенных актов действия в настоящем, происходящих легко, внезапно, быстро, или 2) предстоящее действие, к возможной реализации которого субъект относится с чувством опасения, тревоги. Одной из просодических особенностей фразы при этом является своеобразное распределение логического ударения. При многократном действии в настоящем оно, как правило, не падает на модифицирующий (вспомогательный) глагол, при предстоящем действии оно стоит на этом глаголе. Например:

многократное действие в настоящем: *Бир затны айта келип, башха сѡзге буруп кѡяды* (И. Боташев. Пьеса-

ла, 30) «Начинает говорить об одном и сразу переходит на другое»;

предстоящее действие: *Асыры арыгъанджан аууп къаласа да* (там же) «От усталости ты еле держишься на ногах (букв. вот-вот упадешь)».

Форма длительного настоящего факультативно употребляется для выражения прошлого и будущего действий, придавая последним разнообразные эмоционально-стилистические и экспрессивные оттенки: образности, значимости, актуальности, осуждения или одобрения — о прошлом, несомненности, желательности или нежелательности — о будущем.

Прошедшее действие: *Былай кеч нек келесиз?* (Байрамукъланы Х. Жылла бла таула, 284) «Почему приехали так поздно?» (действие завершилось в данной ситуации); *Мен аны кёрюрге деп бир элден бир элге барама, ол а, биле тургъанлай, кетип къалады* (там же) «Чтобы увидеть его, я делаю путь из одного аула в другой, а он, зная, об этом, взял да уехал» (говорящий выражает свое недовольство действием), *Кеч, этген терслигими, — деп сен айлай жазаса* (Биджиланы Б. Жюрекин ауазы, 89) «Ты пишешь, чтобы я простила твою вину» (результат действия имеется в настоящем); *Хамитге тюбеп сёлешдим. Бизни бла ишлерме, дейди* (там же). «Договорился с Хамитом, сказал (говорит), что будет работать с нами» (действие значимо в настоящем).

Будущее действие: *Къычырма алай, адамланы уятаса!* (И. Боташев. Пьесала, 103) «Не кричи так, разбудишь людей!» (действие возможное, но осуществление которого недопустимо); *«Виктор Данилович, тебирейбизми?» — Хау, адамла ауузланып бошагъанлай, чыгъабыз* (там же, 10) «Виктор Данилович, отправимся в путь?» — «Да, как только люди поедят, выходим» (действие, осуществление которого должно быть ускорено); — *«Кел, юйюгюзге элтмейим»... — Анам тюерикди, бармайма* (Байрамукъланы Х. Жылла бла таула, 137) «Идем, поведу тебя домой... — Не пойду, мать будет бить» (действие, противоречащее воле собеседника); — *Олтур, тап сёлешейик... Олтурмайма! Мен бери олтурурга деп келмегенме* (Ж. Токумаев. Ыфчык, 37) — «Садись, поговорим обстоятельно» — «Не сяду! Я пришла сюда не для того, чтобы сидеть!»; *Ишими тындыра эсем, бош болама* «Закончу свою работу — и я свободен» (действие, представляемое как несомненное следствие определенных условий); *Нек болушмайды, болушур* «Как это не поможет, — обязательно поможет» (действие риторического вопроса, выражающего уверенность говорящего в обратном действии); *Ол мени урама деп урмагъанды* (Шаманланы М. Окъа бёрк, 72) «Он меня ударил нечаянно» (действие в оборотах типа *айтама деп, кёреме деп* и т. д., выражающих цель, намерение субъекта).

На основе волюнтативной модальности с футуральным упот-

реблением данной формы сближается ее императивное употребление:

Не ойнагъанды ол, бусагъат дерслеринги этесе да, атанга болушаса! «Какая там еще игра, сейчас выполнишь уроки и будешь помогать отцу!» и т. п.

Выражая претеритальное, футуральное и императивное действие, а также общезначимое действие в настоящем, форма длительного настоящего преимущественно связывается с невидовыми глаголами, в случаях же конкретизированного презентного употребления преобладает связь с видовыми глаголами (Урусбиев 1963 : 120).

Относительной глобальности семантико-функционального диапазона формы длительного настоящего оппозиционно противопоставлены семантико-функциональная узость и одноплановость, формы обычного многократного настоящего, с одной стороны, формы результативного состояния — с другой.

Форма обычного многократного настоящего, образуемая от основы причастия на *-чу/-чую, -чан/-чен* и личных аффиксов (*кёрючюме* «вижу, бывает», *айтыучуду* «говорит, бывает» и т. д.) связана только с общим понятием действия и выражает обычный повторяющийся процесс с оттенком спорадичности и не строгой регулярности. Например:

Халал адамла женгил болуучандыла (Биджиланы Б. Жюрекни ауазы, 18) «Добрые люди обычно бывают вспыльчивы». Действие выступает как склонность, привычка или свойство субъекта (ГКБЯ 1976 : 252).

По сравнению с формой длительного настоящего эффект утвердительной модальности в значении данной формы ниже, что проявляется главным образом в двух моментах: во-первых, выражаемая этой формой повторяемость действия носит нерегулярный (эпизодический) характер, во-вторых, повторяемость часто складывается из собственных восприятий и наблюдений говорящего, т. е. на основе его субъективного опыта. Такое семантическое своеобразие выступает особенно четко в тех случаях, когда этой формой как фрагментарное (прерываемое) представляется логически или объективно непрерывное действие или состояние. Например:

Аргъы къаяны тубюнден бир суукъ шаудан чыгъыучуду «У подножия противоположной скалы бьет (бывает) холодный родник»; *Къыргъыз таулары ёзенлерини биринде Жангызтал деп бир уллу терек ёсюучюдү. Ол жерни кесине да Жангызтал деп айтыучандыла* «В одном из ущелий киргизских гор растет (бывает) большое дерево, названное Одиноким ивой. И само то место называется (бывает) Одиноким ивой».

Другой семантико-функциональной особенностью формы обычного многократного настоящего является несовместимость ее значения с конкретизаторами или ограничителями временных пределов действия (как-то, сегодня, в течение недели, года, ме-

сяца и т. п.). Сема беспредельной повторяемости сопряжена с совместимостью презентного значения этой формы с любым глагольным действием независимо от аспектуальных характеристик последнего. Как при невидовых, так и при всех классах **видовых глаголов** ее значение презентно:

Урушда алайда болуучуду (И. Боташев. Пьесала, 25) «На войне бывает и так»; *Сиз алай айта туруучусуз* (там же, 89) «Вы это повторяете часто»; *Айтханынга тынгылап туруп, жууап бермей кзойуучуду* «Молча слушает тебя и обычно не дает ответа».

Форма обычного многократного настоящего употребляется только в основном (презентном) значении; факультативные функции прошлого, будущего или императива для нее не характерны. Но в то же время она выступает, как правило, функционально-стилистическим синонимом формы длительного настоящего, когда говорящий намерен смягчить категоричность утверждения:

Мен билгенге кёре, душманла шуёх болмаучудула (там же, 51) «Насколько мне известно, между врагами дружбы не бывает».

Форма результативного состояния в настоящем (статив), образуемая от основы деепричастия на **(ы)-п**, и личных аффиксов (*жазылыпды* «написано», *ачылыпды* «открыто» и т. д.), по своим структурно-семантическим признакам занимает промежуточное положение между синтаксической категорией сказуемости и морфологической категорией временных форм и находится в современном карачаево-балкарском языке на стадии перехода из первой во вторую. Об этом свидетельствует, в частности, активизация и возрастающая частотность употребления этой формы в языке. Если в пословицах, поговорках, сказках, легендах, старинных песнях она почти не встречается, то в современной художественной литературе, в публицистике и в обиходной речи форма статива расширяет сферу своего употребления.

В соответствующей языковедческой литературе двойственность природы статива находит отражение прежде всего в расхождении его категориального определения (см. Джанибеков 1966 : 293). Так, например, У. Б. Алиев относит эту форму к разряду сказуемости (1962 : 42). И. Х. Урусбиев причисляет ее к системе грамматических времен и определяет ее как «прошедшее результативное время» (1963 : 142; Ахматов 1968). Последнее правомерно в той мере, в какой оно относится не к эксплицированному результативному состоянию в настоящем, а к предшествующему имплицированному завершению действия, по-скольку как для прошедшего, так и для будущего статив имеет специальные формы, образуемые при помощи вспомогательных глаголов *эди* и *бол*. Например:

Зурият юёге келгенинде, тенг кызылары жукъялап эдиле (Биджиланы Б. Жюрекни ауазы, 66) «Когда Зурият вернулась,

подруги уже спали»; *Атасы ауруп болгъанды*. «Отец его был болен»; *Биз кёлге жетер заманга суу жылынып боллукъду* «Пока мы придем, вода в озере будет уже теплой».

Заметим, что в «Грамматике карачаево-балкарского языка» (Пальчик, 1976, стр. 242 и 246) статив настоящего и статив прошедшего определены как «прошедшее результативное время».

В отличие от форм длительного и обычного многократного настоящего, охватывающих все классы невидовых и видовых глаголов, статив образуется только от невидового глагола, что указывает на преобладание в нем признаков синтаксического характера и на ограниченность грамматической абстракции. Ограничиваясь сферой невидовых глаголов, статив дифференцирует семантическую двойственность последних, потенциально включающую значение как предельного действия, так и неопредельного действия (состояния). Например:

предельное действие: *Сабий бусагъатдан жукълайды* «Ребенок скоро уснет (засыпает)»;

неопредельное действие (состояние): *Сабий эртдеден бери жукълайды* «Ребенок спит давно».

В форме статива глагол выступает с предельным значением: *Сабий жукъланды* «Ребенок спит (уснул есть)».

Если форма обычного многократного настоящего связана с понятием общего действия и не поддается сужению временных рамок, то статив, наоборот, соотносится с понятием конкретного действия и сочетается с темпоральными уточнителями типа сейчас, сегодня, с утра и т. д. Например: *Бюгюнлю бери бетинг, не эсе да, жарынды* «Сегодня почему-то твое лицо сияет весь день».

Как и форма обычного многократного настоящего, статив лишен факультативных функций будущего и императива, а также соответствующего разнообразия модальных или экспрессивных оттенков.

Прошрое действие он может обозначать в том случае, когда повествование ведется на презентном фоне:

Кюн тауладан ташайып, жерни ингирги салкъын ийнаклагъанды «Солнце скрылось за горами, и прохлада вечерних сумерек облюбовала землю»; *Ожакъладан чыкъгъан тютюн тик ёрге чыгъып, аязны болмагъанына шагъатлыкъ этеди* «Вертикальные столбы дыма над трубами домов выдают отсутствие ветра»; *Къар болмагъанлыкъгъа, къара сууукъчукъ тутунду* (Биджилены Б. Жюреки ауазы, 82) «Снега еще нет, но уже холодно (букв. черный холод схватил/держит)».

Библиография

- Алиев 1962: *Алиев У. Б.* Главные члены предложения карачаево-балкарского языка и средства их выражения.— Сб. «В помощь учителю балкарской школы». Нальчик, 1962.
- Ахматов 1968: *Ахматов И. Х.* Главные члены предложения и средства их выражения в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1968.
- Ахундов 1958: Категория времени глагола (на материале азербайджанского языка). Баку, 1958.
- Богородицкий 1935: *Богородицкий Б. А.* Общий курс русской грамматики. М.—Л., 1935.
- Бринкман 1962: *Brinkmann H.* Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1962.
- Булль 1960: *Bull William E.* Time, tense, and the verb. Berkley and Los Angeles, 1960.
- Бейсребер 1954: *Weisgerber L.* Vom Weltbild der deutschen Sprache, 2. Hbd. Düsseldorf, 1954.
- Гейзе 1856: *Heyse K.* Das System der Sprachwissenschaft. Berlin, 1856.
- ГКБЯ 1976: Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1976.
- Глинц 1952: *Glinz H.* Die innere Form des Deutschen. Berlin, 1952.
- Голанов 1965: *Голанов И. Г.* Морфология современного русского языка. М., 1965.
- Джанибеков 1966: *Джанибеков Х. С.* Форма состояния в карачаево-балкарском языке и ее соответствия в немецком.— «Уч. зап. КБГУ», вып. 32. Нальчик, 1966.
- Есперсен 1940: *Jespersen O.* A modern English Grammar on historical Principles. Syntax. Third Volume Copenhagen/London, 1949.
- Есперсен 1965: *Jespersen O.* The Philosophy of Grammar. New York, 1965.
- Жеребков 1970: *Жеребков В. А.* Опыт описания грамматической категории времени в системе немецкого глагола. Калинин, 1970.
- Зайнулин 1963: *Зайнулин М. В.* Категория времени глагола изъявительного наклонения в современном башкирском языке. Автореф. канд. дис. Казань, 1963.
- Иванова 1959: *Иванова И. П.* Временные отношения глагола в современном английском языке.— «Труды Ин-та языкозн. АН СССР». М., 1959.
- Керайн 1852: *Kehrein J.* Grammatik der neuhochdeutschen Sprache nach Jacob Grimms deutscher Grammatik, 2. Tl., Syntax. Leipzig, 1852.
- Керм 1952: *Керм Дж.* Грамматика немецкого языка. Нью-Йорк, 1952.
- Кошмидер 1929: *Koschmieder E.* Zeitbezug und Sprache. Ein Beitrag zur Aspekt — und Tempuslehre. Leipzig und Berlin, 1929.
- Кошмидер 1945: *Koschmieder E.* Zur Bestimmung der Funktionen grammatischer Kategorien, vorgetragen am 8. Juli 1944. Neue Folge, Hft. 25. München, 1945.
- Кошмидер 1959: *Koschmieder E.* Die Aufhebung morphologisch-syntaktischer Opposition. Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, Hft. 13. München, 1959.
- Макаров 1848: *Макаров Т.* Татарская грамматика кавказского наречия. Тифлис, 1848.
- Маутнер 1902: *Mauthner F.* Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Dritter Band Zur Grammatik und Logik. Stuttgart und Berlin, 1902.
- Молчанов 1964: *Молчанов Ю. Б.* Понятие одновременности и его эволюция.— «Вопросы философии», 1964, № 9.
- Никитевич 1963: *Никитевич В. М.* Грамматические категории в современном русском языке. М., 1963.
- Норейн 1923: *Noreen A.* Einführung in die wissenschaftliche Betrachtung der Sprache. Halle/Saale, 1923.

- ОРЯ 1971: Очерки развития якутского литературного языка в советскую эпоху. Якутск, 1971.
- Пешковский 1956: *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Поспелов 1966: *Поспелов Н. С.* О двух рядах грамматических значений глагольных форм времени в современном русском языке.— ВЯ, 1966, № 2.
- Реформатский 1955: *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1955.
- Смирницкий 1959: *Смирницкий А. И.* Морфология английского языка. М., 1959.
- Урусбиев 1963: *Урусбиев И. Х.* Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1963.
- Финкель 1963: *Финкель А. М.* О времени грамматическом и времени объективном. — «Филол. науки», 1963, № 1.
- Ханмович, Роговская 1967: *Хаймович Б. С., Роговская Б. И.* Теоретическая грамматика английского языка. М., 1967.

* * *

Использованные источники:

- Биджиланы Борис.* Жюрекни ауазы. Черкесск, 1964.
- Боташев И. Ж.* Пьесала. Нальчик, 1972.
- Байрамукъланы Халимат.* Жылла бла таула. Черкесск, 1964.
- Жагъафар Токумаев.* Ыфчык. Нальчик, 1972.
- Шаманланы Медиха.* Окъа бёрк. Черкесск, 1970.

ОБРАЗОВАНИЕ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ТИПОВ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о сущности безличных предложений в тюркских языках до сих пор остается спорным. Относительно данной синтаксической категории высказывались самые противоречивые мнения.

В начальный период изучения синтаксического строя тюркских языков, когда доминирующим было логическое истолкование природы предложения, многие исследователи ограничивались изучением лишь тех предложений, структура которых включает в себя словесно выраженные субъект и предикат, при этом односоставные конструкции оставались вне поля зрения.

В этот период вопросы синтаксиса тюркских языков освещались тюркологами в сопоставительном плане. Тюркские языковые факты сопоставлялись с безличными предложениями русского языка, что не способствовало решению проблемы, а лишь приводило исследователей к отрицанию наличия в тюркских языках безличных конструкций. Так, Н. К. Дмитриев, сопоставляя данные турецкого языка с безличными предложениями русского, утверждал, что «строго говоря, в турецком языке существуют не безличные, а обобщенно-личные обороты» (1962 : 54). А. Н. Кононов также отмечает, что «факты не дают возможности говорить о безличных предложениях в узбекском языке даже в том условном значении этого термина, в котором он употребляется в русском языке» (1948 : 228).

Многие тюркологи вопрос о безличных предложениях связывали с наличием безличных глаголов, т. е. «предикатов с нулевой предикацией», как их называет С. Д. Кацнельсон, которые «лишь называют событие, не расчленяя его» (1974 : 107).

Анализ языковых фактов приводил их к мнению о том, что в тюркских языках безличные глаголы отсутствуют. К такому выводу пришел еще А. Казембек в первой половине прошлого столетия (1839 : 336). Данная точка зрения разделяется почти всеми современными исследователями синтаксиса тюркских языков (Балакаев 1959 : 209; Баскаков 1956 : 95; Сатимов 1977 : 4 и др.). Однако о наличии в языках тюркской системы безличных предложений мнения тюркологов расходятся. Одни из них утверждают, что в тюркских языках в силу отсутствия безличных глаголов не может быть и безличных предложений (Баскаков

1956 : 95), по мнению же других ученых, несмотря на отсутствие безличных глаголов, безличные предложения имеются. При этом безличные предложения ими определяются как конструкции, в которых при единственном главном члене — сказуемом нет и не может быть субъекта в форме грамматического подлежащего (Алиев 1972 : 106; Неустроев 1972 : 12; Джавадов 1956 : 7 и др.).

Исследователь узбекского языка И. Расулов основным признаком безличных предложений узбекского языка считает то, что эти конструкции «не допускают возможность определения лица по форме сказуемого» (1973 : 24), и поэтому предлагает заменить термин «шахсиз гап» («безличное предложение») термином «эгаси топилмайдиган гап» («предложение, не допускающее возможность определения подлежащего» (1973 : 25).

Материалы карачаево-балкарского языка показывают, что для выделения, определения и классификации безличных предложений необходимо разграничить понятия подлежащего и субъекта.

Подлежащее — это элемент структуры предложения. Оно имеет присущие ему средства выражения (слова, выражающие предметные значения и специфичную форму (основной падеж)). Слово, выступающее в качестве подлежащего, характеризуется грамматическими категориями лица и числа. Как и прочие элементы плана выражения предложения, подлежащее связывается с другими его компонентами (сказуемым и определением) определенным образом. По мнению одних ученых, связь сказуемого с подлежащим является подчинительной (согласование), другие же называют ее координацией, т. е. связью взаимозависимости (например, Белошапкова, 1977 : 38).

На уровне плана содержания подлежащее выступает в роли выразителя логического субъекта. Однако подлежащее — не единственное средство выражения субъекта. Например, в подлежащих предложениях со сказуемым, выраженным глаголом в страдательном залоге, подлежащее не выполняет функции выразителя логического субъекта: *Бичен чалынады* «Сено косится»; *Директор школгъа чакъырылгъанды* «Директор вызван в школу».

В роли средств выражения субъекта выступают лично-предикативные аффиксы и слова в дательном-направительном падеже. Первые в данной функции выступают самостоятельно (морфологические средства) или вместе с подлежащим (лексическое средство). Субъект, выраженный морфологически, всегда бывает соотносимым с субъектом, выраженным лексически. Лексические средства выражения субъекта по своей грамматической форме бывают двух типов: 1) основной (прямой) падеж и 2) косвенный падеж. В соответствии с этим субъекты по форме своего выражения также делятся на две группы: 1) прямые субъекты и 2) косвенные субъекты.

В зависимости от того, что обозначается в предложении субъектом — лицо или неліцо (предмет), субъекты также могут делиться на два вида: 1) личные субъекты и 2) предметные субъекты. Личные субъекты в зависимости от характера выражаемого ими лица могут быть подразделены на три вида: а) первый личный субъект, выраженный словами со значением 1-го лица и лично-предикативными аффиксами того же лица, б) второй личный субъект, выраженный словами со значением 2-го лица и лично-предикативными аффиксами того же лица, в) третий личный субъект, выраженный словами со значением 3-го лица. Аффикс лица при таком субъекте всегда нулевой. Ср.: а) *Мен алды+м* «Я взял», *Сен алдың* «Ты взял», *Ол алды+нулевой аффикс лица* «Он взял»; б) *Биз алды+кэ* «Мы взяли», *Сиз алды+гъыз* «Вы взяли», *Ала алдыла+нулевой аффикс лица* «Они взяли».

Такую же форму имеет сказуемое при предметном и косвенном личном субъекте (см. табл. 2).

Как видно из данной таблицы, 1-й личный субъект и 2-й личный субъект двусоставного предложения выражаются лексикоморфологически. Поэтому опущение подлежащего двусоставного предложения при таких субъектах приводит к образованию односоставной личной конструкции, в которой субъект выражен морфологически. Третья разновидность личного субъекта выражена лексически, т. е. подлежащим. Показатель лица сказуемого при данном субъекте является нулевым. Вследствие этого опущение подлежащего, выражающего 3-й личный субъект, приводит к образованию не односоставной конструкции, а неполного предложения. Предложения с опущенными подлежащими, обозначающими 1-й и 2-й личный субъект, в плане содержания продолжают оставаться идентичными двусоставными предложениями. Субъект в таких предложениях всегда известен, так как он обозначает участников речи — элементов знаковой ситуации. Поэтому данные предложения, всегда оставаясь личными, функционируют как самостоятельные высказывания. А предложения с опущенным 3-м личным и предметным прямыми субъектами вследствие их зависимости от контекста не могут выступать в качестве самостоятельных высказываний. Их зависимость от контекста объясняется неопределенностью 3-го личного и предметного прямых субъектов, которые при опущении подлежащих выражаются через нулевой лично-предикативный аффикс сказуемого и конкретизируются и индивидуализируются лишь в контексте. Поэтому такие предложения являются репликами в диалоге или ситуативно неполными предложениями.

Из вышесказанного видно, что предложения с лексикоморфологически или морфологически выраженными прямыми личными и предметными субъектами не могут рассматриваться как безличные. Для образования безличного предложения необходимо опущение подлежащего, причем предложение с опу-

Таблица 1

Разновидности субъекта				
По характеру обозначения лица или не-лица (предмета)	По характеру отношения к элементам знаковой ситуации	По характеру средств выражения	По характеру форм выражения	
1	2	3	4	
1. Личный субъект	1. Первый личный субъект (говорящий)	1. Субъект, выраженный лексико-морфологически	1. Прямой субъект, выраженный лексико-морфологически или морфологически (основной падеж имен и лично-предикативный аффикс или лично-предикативный аффикс)	
	2. Второй личный субъект (слушатель)	2. Субъект, выраженный морфологически	2. Косвенный субъект, выраженный лексически (косвенный падеж имен)	
	3. Третий личный субъект (лицо, не участвующее в речи)	3. Субъект, выраженный лексически		
2. Предметный субъект	4. Предметный субъект (предмет экстралингвистической действительности)			

Таблица 2

Разрядности субъекта	Лексические средства выражения	Синтаксическая форма	Морфологические средства
1-й личный (прямой) субъект	Личные и лично-возвратные местоимения 1-го л. ед. и мн. ч.: <i>мен, биз, кесим, кесибиз</i> ; местоименные словоформы: <i>барыбыз, бизгеуяубуз, болганыбыз, кэагэуяубуз, экибиз, ючюбюз</i>	Основной падеж	-мэ, -мэж, -ум, -мэ, -мэ, -им юм, -биз -буз, -биз, -буз кэ, -мэж, -укэ к, -мэ, -юж
2-й личный (прямой) субъект	Личные и лично-возвратные местоимения 2-го л. ед. и мн. ч.: <i>сен, сиз, кесин, кесигиз</i> ; местоименные словоформы: <i>барыгыз, бизгеуяугыз, болганыгыз, кэагэуяугыз, экигиз, ючюгюз</i>	Основной падеж	-са, -мэ, -сэ, -сэж -сиз, -гыз, -гыз -из, -из -угыз, -гыз -югыз
3-й личный (прямой) субъект	Личные и лично-возвратные местоимения ед. и мн. ч.: <i>ол, ала, кеси, кеслер, а</i> также слова, обозначающие 3-е лицо.	Основной падеж	
Предметный прямой субъект	Все слова, обозначающие лица (предметы)	Основной падеж	
Личный косвенный субъект	Средства, которыми выражаются 1-го, 2-го и 3-го личные субъекты	Дательный падеж	

щенным подлежащим должно быть независимым от контекста, т. е. самостоятельно функционирующим полным предложением.

Предложения с опущенным 1-м или 2-м личным прямым субъектом отвечают этим требованиям. Но их предикативный член, оформленный лично-предикативным аффиксом, указывает на конкретные индивидуальные субъекты, вследствие чего такие предложения остаются личными. Значит, для обезличивания предложения недостаточно опущения 1-го или 2-го личного прямого субъекта, при которых сказуемое оформляется наличествующими аффиксами 1-го и 2-го лица, а необходимо исключение субъектов, при которых сказуемое двусоставного предложения имеет нулевую форму лица. Все типы безличного предложения в карачаево-балкарском языке отвечают этому третьему условию, обеспечивающему обезличивание предложения.

Исключению такого субъекта, следовательно, и образованию безличных предложений способствуют различные факторы, выявление и описание которых имеет важное научное и практическое значение.

Исследователь узбекского языка М. М. Муждабаев пишет: «Окончание 3-го лица единственного числа глаголов в узбекском языке выполняет по меньшей мере три функции: обозначает конкретное лицо в личных предложениях, неопределенное лицо в неопределенно-личных и устраняет из предложения грамматическое лицо в безличных конструкциях с непереходным глаголом в форме страдательного залога» (1963 : 7).

Как отмечено выше, в образовании безличных предложений глагольное окончание 3-го лица ед. числа весьма существенно. Но необходимо учесть, что этот аффикс всегда употребляется в ед. числе именно потому, что в предложении нет подлежащего. А при отсутствии последнего нулевой аффикс не может указывать на какое-либо конкретное лицо, в результате чего предложение становится безличным.

Следует отметить, что в некоторых случаях предикативный член простого предложения вообще не может сочетаться с подлежащим и поэтому такое предложение, главный член которого имеет нулевой аффикс лица, должно рассматриваться как безличное.

Учитывая сказанное, безличные предложения в зависимости от способа их образования можно условно разделить на две группы: 1) безличные предложения, образовавшиеся в результате невозможности сочетания их предикативного члена с грамматическим подлежащим в основном падеже; 2) безличные предложения, образовавшиеся в результате опущения грамматического подлежащего.

Предложения первой группы в современном карачаево-балкарском языке являются наиболее распространенными и отличаются большим семантико-грамматическим многообразием. Не-

возможность сочетания их предикативного члена с грамматическим подлежащим вызывается различными причинами.

Так, например, одной из наиболее часто встречаемых в карачаево-балкарском языке безличных конструкций является предложение, главный член которого выражен формой страдательного залога переходных глаголов. Такие глаголы в данной функции выступают в нулевой личной форме, т. е. в форме так называемого 3-го лица ед. числа, не имеющей личностного значения. Ср., например:

Тюкенде китапла сатыладыла «В магазине продаются книги».

Шахаргъа бу жол бла барылады «В город едут (букв. едется) по этой дороге».

Для первого предложения характерно, что его предикативный главный член выражен переходным глаголом в страдательном залоге. При нем имеется грамматическое подлежащее, выражающее объект, подвергающийся действию (продаже), однако сам субъект никакими средствами не выражен. Главный член второго предложения выражен переходным глаголом в том же залоге и в той же форме лица и числа, что и в первом предложении. Однако в отличие от главного члена первого предложения, выраженного переходным глаголом, аналогичный член второго предложения не может сочетаться с подлежащим, а его форма не способна выражать значение какого-либо лица. Поэтому в таких предложениях действие мыслится безотносительно к какому-либо лицу. Глагольное окончание здесь имеет не только нулевую форму, но и нулевое значение лица.

Следует отметить, что в роли предикативного главного члена в таких безличных конструкциях выступают не все переходные глаголы, а только те из них, которые могут выражать определенные действия человека: его движение, перемещение и положение в пространстве. Например:

Москвагъа бусагъатда тынч барылады «В Москву сейчас легко ехать».

Чалгъыгъа танг аласында чыгъылады «На сенокос выходят (букв. выходится) на заре».

Однако из вышеизложенного нельзя делать вывод, что переходные глаголы в указанной залоговой форме не могут функционировать в роли предикативного главного члена безличных предложений. Ср. примеры:

Биз ол вопросну сюздюк «Мы обсудили этот вопрос»; *Вопрос сюзюлдю* «Вопрос обсужден»; *Жыйылыуда ол вопросха къаралды*. «На собрании рассмотрен этот вопрос».

Сказуемое первого предложения выражено переходным глаголом в действительном залоге, требующим наличия местоимения *биз*, функционирующего в роли выразителя прямого личного субъекта. Поэтому данное предложение является двусоставным.

Во втором предложении сказуемое выражено тем же глаголом, но в форме страдательного залога,— почему и субъект опущен. Однако это не приводит к образованию односоставного предложения, так как здесь имеется слово в форме основного падежа, являющееся подлежащим. Сказуемое в третьем предложении, как и во втором, выражено переходным глаголом в страдательном залоге. Несмотря на это, данные предложения существенно отличаются друг от друга, что опять-таки вызвано свойствами сочетаемости страдательной формы переходных глаголов, *сюзюлдю* и *къаралды*. В отличие от первого глагола второй не может сочетаться со словом в форме основного падежа, а требует постановки слова *вопрос*, являющегося во втором предложении подлежащим, в форме дательно-направительного падежа, что и приводит в конечном счете к утрате личного характера третьего предложения. Ср.: *Вопрос сюзюлдю* и *Вопрос-ха къаралды*.

В карачаево-балкарском языке часто встречаются предложения типа: *Мени жырларыгъым келеди* «Мне хочется петь»; *Бизни окъуругъубуз келеди* «Нам хочется читать»; *Аланы ишлериклери келеди* «Им хочется работать».

Такие конструкции некоторые исследователи относят к двусоставным предложениям, что не может не вызывать возражения. Дело в том, что эти предложения в современном языке осмысливаются двояко. Первое из приведенных предложений можно перевести на русский язык следующим образом: 1) «Мне хочется петь»; 2) «Идет тот из моих, который поет». Во втором случае предложение действительно является двусоставным, в котором глагол *келеди* выступает в роли сказуемого, причастие будущего времени *жырларыгъым* — в роли подлежащего, а местоимение *мени* — в роли притяжательного определения. В данном случае сказуемое согласуется с подлежащим в лице и числе: *Жырларыгъым келеди*; *жырларыкъларым келедиле*.

Во втором случае это предложение не может быть расчленено на подлежащее и сказуемое. Причастие *жырларыгъым* и глагол *келеди* всегда употребляются только в ед. числе. (Исключение составляет случай, когда причастие в такой конструкции употреблено с аффиксом притяжательности 3-го лица. В данном случае причастие употребляется во мн. числе. Однако глагол не согласуется с ним в числе, что говорит о неподлежащем характере причастия.). Сочетание *жырларыгъым келеди* является устойчивым, поэтому оно рассматривается как один член предложения — сказуемое. Другого же главного члена — подлежащего — здесь нет и быть не может, потому что его позиция занята именным компонентом составного сказуемого, т. е. причастием в основном падеже, всегда употребляющимся с притяжательным аффиксом.

Предложение *Жырларыгъым келеди* «Идет тот из моих, который поет» в плане содержания состоит из двух элементов.

Что касается того же предложения в значении «Мне хочется пить», то оно, по-видимому, в древние времена понималось как двухкомпонентная конструкция.

То же самое можно сказать о происхождении и других фразеологизированных моделей односоставных предложений: *Сени жанынг кетди* «Ты испугался (букв. Твоя душа ушла)»; *Сени кёлюнг бокъланады* «Тебя тошнит (букв. Твою душу мутит)»; *Санга кёз тийди* «Тебя сглазили (букв. В тебя попал глаз)» и т. п.

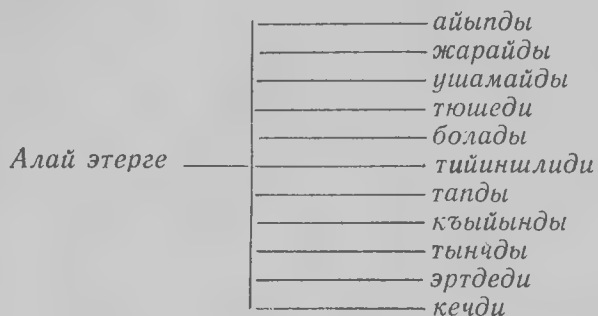
В этих предложениях позиция подлежащего также занята именной частью сказуемых (*жанынг, кёлюнг, кёз*), которая раньше понималась как подлежащее. Говоря о фразеологизмах, выступающих в роли главного члена предложений рассматриваемого типа, З. Г. Ураксин пишет, что их «можно соотносить с предложениями лишь формально, по наличию в их составе компонентов, находящихся в отношениях подлежащего и сказуемого. Несмотря на такую структуру, фразеологизмы выполняют номинативную функцию, а не коммуникативную» (1975₁: 21), у данного же автора читаем: «Отношение их к ряду глагольных словосочетаний связано с тем, что они выполняют функцию предиката...» (1975₂: 75).

С этими высказываниями З. Г. Ураксина нельзя не согласиться. Компоненты рассматриваемых словосочетаний еще полностью не утратили своего вещественного значения. Но несмотря на это, они не могут функционировать в роли самостоятельных членов предложения, так как находятся в очень тесной связи между собой и выражают единый процесс, в результате чего предложение становится безличным.

В роли именного компонента рассматриваемых фразеологических сочетаний выступает ограниченное количество слов. Большинство из них употребляется только с аффиксом притяжательности: *жаным* (-ынг, -ы) «моя душа (твоя, его)», *эсим* (-инг, -и) «мое внимание (твое, его)», *акъылым* (-ынг, -ы) «мой ум (твой, его)» и т. д. Поэтому в структуре предложений, в роли предикативного члена которых выступают такие фразеологизмы, всегда наличествуют морфологические (аффиксы принадлежности) или лексико-морфологические (местоимения, имена существительные и афф. принадлежности) средства выражения «субъекта принадлежности» (об этом см. Тачмурадов 1959: 6).

Исследователи отмечают, что в тюркских языках для образования безличных предложений используется сочетание неличных форм глагола со вспомогательными глаголами и различными предикативными словами. Например, И. Д. Джакубов указывает, что в современном киргизском языке в функции предикативного члена безличных предложений выступают сочетания имени действия со словами *керек, мюмкюн, тийиш, ышты-мал, болот, туура келет*, при этом имена действия в данных сочетаниях, как правило, выступают в форме дательного падежа

(1966 : 32—36). Подобным конструкциям в карачаево-балкарском языке соответствуют предложения с «предикативным членом», выраженным сочетанием инфинитива глагола в дательном падеже с предикативными словами, глаголами и некоторыми прилагательными и наречиями. Это можно представить в следующей схеме:

Тюркологи считают, что все эти предложения образовались одним и тем же способом — путем выражения главного члена односоставного предложения указанными сочетаниями (Джакубов 1966 : 35; Балакаев 1959 : 209—210).

На самом же деле эти предложения отличаются друг от друга как по своему образованию, так и по структурным и семантическим характеристикам. Это вызвано многими причинами, одна из которых объясняется различными валентностными свойствами компонентов, из которых состоят предикативные члены данных предложений, и самих этих членов.

Вторые компоненты главного члена таких предложений, если их взять отдельно, в принципе могут сочетаться с грамматическим подлежащим, но эта сочетаемость у каждого компонента различна. Например, *айынды* сочетается только с подлежащим, выраженным причастием или причастным оборотом, а с подлежащими, обозначающими прямые личные субъекты, это слово не может вступить в предикативную связь. Сочетания же «инфинитив + *айынды*», «инфинитив + *жарайды*», «инфинитив + *ушамайды*» и т. д., когда они образуют безличные предложения в традиционном понимании, предполагают сочетание с именем в падеже.

В образовании таких предложений большая роль принадлежит инфинитиву, который, имея не характерные для подлежащего форму и значение, занимает в этих предложениях его позицию.

Ср. предложения: 1) *Сен айтыргъа жарамаз*, 2) *Санга айтыргъа жарамаз*. В первом из них местоимение *сен* относится к инфинитиву, тем самым образуется инфинитивный оборот. Допустим, что этот оборот выполняет роль развернутого подлежащего, где сказуемое выражено сло-

ном жарамаз. Тогда местоимение *сен* не имеет непосредственной связи со словом *жарамаз*. Второе же предложение может быть осмыслено двояко: а) «говорить тебе — нельзя»; б) «тебе говорить нельзя». В первом случае местоимение *санга* относится к инфинитиву, который в сочетании с последним образует оборот, выполняющий функцию подлежащего при сказуемом *жарамаз*. Во втором случае *санга* относится к *айтыргъа жарамаз*. При этом местоимение меняет свою форму, ибо иначе оно не может сочетаться с предикативным членом данного предложения: *Сен айтыргъа* (S) + *жарамаз* (P) *Санга + айтыргъа жарамаз* (P).

Рассматриваемые предложения употребляются с именем в дательном падеже и без него. Во втором случае в предложении выражается действие, которое совершается или должно быть совершено безотносительно к какому-либо лицу. Во втором случае дательный падеж всегда обозначает косвенное лицо, которому приписывается какое-либо действие, состояние.

Вопрос о синтаксической функции дательного падежа в данной позиции — один из сложных в грамматике. Одни тюркологи этот вопрос обходят стороной (Алиев 1972 : 106), другие считают, что эта форма имеет субъектное значение (Джакубов 1966 : 35).

Но признание последнего заводит исследователей в тупик. Каким образом предложение, в котором содержится лицо (субъект), отнести к безличным? Не находя ответа на этот вопрос, некоторые ученые такие предложения относят к определенноличным (Закиев 1971 : 38).

Большинство же исследователей синтаксиса тюркских языков, учитывая, что здесь выражается не прямой, а косвенный субъект, безоговорочно относят такие предложения к безличным (Балакаев 1959 : 209; Джакубов 1966 : 31—36).

Как отмечалось выше, чтобы выйти из создавшегося положения, И. Расулов предлагает заменить термин «безличное предложение» термином «предложение, не допускающее возможность определения подлежащего по форме сказуемого» (1973 : 25).

В тюркских языках встречаются безличные предложения, главный член которых выражается глаголом (*Сууукъсуратады* «Морозит», *Къалтыратады* «Трясет» и т. д.) или именной частью речи (*Къарангыды* «Темно»; *Мында аманды* «Здесь плохо»). Такие предложения образовались в результате опущения предметного субъекта. М. А. Сагитов правильно подчеркивает, что «их образование было связано с определенными целями сообщения, а именно: потребностью выразить действие-состояние отвлеченно от производителя действия или носителя состояния, т. е. в виде самопроизвольно происходящего процесса» (1964 : 29).

При образовании безличных предложений редуцированным оказывается предметный субъект,

Библиография

- Алиев 1972: *Алиев У. Б.* Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1972.
- Балакаев 1959: *Балакаев М. Б.* Современный казахский язык. Синтаксис. Алма-Ата, 1959.
- Баскаков 1956: *Баскаков Н. А.* Структура простого предложения в тюркских языках.— «Труды ИЯЛ АН Кирг. ССР», вып. VI. Фрунзе, 1956.
- Белошапкова 1977: *Белошапкова В. А.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
- Джавадов 1965: *Джавадов А. М.* Безличные предложения в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дис. Баку, 1956.
- Джакубов 1966: *Джакубов И. Д.* Основы синтаксиса простого предложения современного киргизского литературного языка. Автореф. докт. дис. Фрунзе, 1966.
- Дмитриев 1962: *Дмитриев Н. К.* Строй турецкого языка. Л., 1962.
- Закиев, Курбатов 1971: *Закиев М. З., Курбатов Х. Р.* Современный татарский литературный язык. М., 1971.
- Казембек 1839: *Казембек А.* Грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1839.
- Кацнельсон 1974: *Кацнельсон С. Д.* О категории субъекта предложения. Универсалии и типологические исследования.— «Мещаниновские чтения». М., 1974.
- Кононов 1948: *Кононов А. Н.* Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948.
- Муждабаев 1963: *Муждабаев М. М.* Безлично-страдательные конструкции в современном узбекском языке. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1963.
- Неустров 1972: *Неустров Н. Н.* Безличные предложения в современном якутском языке. Якутск, 1972.
- Расулов 1973: *Расулов И. П.* Односоставные предложения в современном узбекском языке. Автореф. докт. дис. Ташкент, 1973.
- Сагитов 1964: *Сагитов М. А.* Структурно-семантические типы безличных предложений в современном татарском литературном языке. Автореф. канд. дис. Казань, 1964.
- Сатимов 1977: *Сатимов Г.* Безличные и неопределенно-личные предложения в современном английском языке (в сопоставлении с узбекским языком). Автореф. канд. дис. М., 1977.
- Тачмурадов 1959: *Тачмурадов Т.* Категория принадлежности в современном туркменском языке. Автореф. канд. дис. Ашхабад, 1959.
- Ураксин 1975: *Ураксин З. Г.* Фразеология башкирского языка. Автореф. докт. дис., Уфа, 1975.
- Ураксин 1975₂: *Ураксин З. Г.* Фразеология башкирского языка. М., 1975.

КОНСТРУКЦИИ С ПРИЛОЖЕНИЯМИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ

Как известно, цель перевода — «выразить точно и полно средствами одного языка то, что уже выражено средствами другого языка в неразрывном единстве содержания и формы» (Федоров 1958: 11). Для достижения этой цели переводчику приходится преодолевать немало трудностей. Определенные трудности имеются и при переводе русских конструкций с приложениями на карачаево-балкарский. Этому вопросу и посвящена данная статья.

ПЕРЕВОД НЕОБОСОБЛЕННЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ

В русском языке приложением (или аппозицией) называется определение, выраженное именем существительным и согласующееся с определяемым словом, как правило, в падеже, а иногда и в числе (ГРЯ 1954:551).

При переводе с русского языка на карачаево-балкарский необособленное приложение обычно не согласуется с определяемым словом. Например:

Между тем Малиновский давал, оказывается, эти речи на предварительный просмотр директору департамента полиции Белецкому (Казакевич) — *Ол сёзлени уа Малиновский, артда белгиленгеннге кёре, сёлеширни аллында къараргъа деп полицияны департаментини директору Белецкийге берип тургъанды.*

Если бы в этом примере приложение и определяемое им слово были согласованы в падеже, перевод стал бы более точным: *полицияны департаментини директоруна, Белецкийге, берип тургъанды.* При этом определяемое слово становится обособленным приложением.

При переводе необособленных приложений возникает трудность в случае, если определяемая конструкция является притяжательным определительным словосочетанием. Ср. два способа перевода таких конструкций:

Товарищи делегаты съезда! («Материалы...») — *Съездни делегатлары, жолдашла!*

Товарищи животноводы колхоза! — *Жолдаш колхоз малчыла!*

В последнем примере перевод сохраняет конструкцию с приложением и тем самым является более адекватным. Интересно,

что в различных тюркских языках одна и та же конструкция с приложением, выраженным притяжательным определительным словосочетанием, при переводе с русского языка передается одним из этих двух способов. Ср. перевод первого примера: тат. *Интештер, съезд делегатлары!*¹; уйг. *Съезд делегатлары, йолдашлар!*; башк. *Интештер, съезд делгатлары!* Наиболее соответствует русскому оригиналу азерб. *Йолдаш гурултай нюмай-енделери!*

Наблюдения над переводом русских препозитивных необособленных приложений показывают, что и в карачаево-балкарском языке они остаются в препозиции. Например:

Наши переговоры с канцлером Брандтом... позволили улучшить взаимоотношения и продвинуть вперед сотрудничество с ФРГ в экономике и других областях («Материалы...») — *Бизни канцлер Брандт бла... сёлешиулерибиз бизни арабызда халланы игилендирирге эм да экономика эм башха бёлюмледе ГФР бла бирге ишлеуюбуюзю алгъа къымылдатыргъа онг бергендиле.*

Расширились добрые отношения с крупнейшей страной Африки Нигерией («Материалы...») — *Африканы бек улуу къыралы Нигерия бла огъурлу халларыбыз да кенгергендиле.*

В последнем примере приложение крупнейшей страной Африки переводится на некоторые тюркские языки причастным оборотом: кирг. *Африканын энг ири ёлкёсю болгон Нигерия...*; азерб. *Африканын эм бёйюк ёлкэси олан Нигерия...*; уйг. *Африканинг чонг мэмликити болгъан Нигерия...*

Относительно препозитивных необособленных приложений тюркологи придерживаются различных точек зрения. Одни исследователи считают, что препозитивные приложения не характерны для тюркских языков (Амиров 1961 : 33; Андреев 1974 : 10; ГКЯ 1967 : 83 и др.), другие авторы, напротив, утверждают распространенность конструкций с такими приложениями в тюркских языках (Атенов 1971 : 6; Жапаров 1958 : 41 и сл.; ГКБЯ 1976 : 448, Саидова 1975 : 6 и др.). Ш. Атенов, изучив категорию приложения в современном казахском языке и показав употребительность конструкций с приложением, справедливо замечает, что «приложение, выраженное существительным, даже не обособленное и стоящее на месте прилагательного (перед определяемым словом), несет иную коммуникативную нагрузку и выполняет функцию, отличную от чистой атрибуции» (1971 : 7).

Если в русском языке препозитивное приложение обозначает различные качества и свойства определяемого предмета, то на карачаево-балкарский язык оно переводится прилагательным и несет функцию обычного определения: красавица Волга — *ариу Волга*, старик-плотник — *къарт плотник*.

¹ Здесь и далее примеры из других тюркских языков по техническим причинам даются балкарской графикой.

Особого внимания заслуживает перевод русской аппозитивной конструкции, в которой приложением является слово «товарищ», в большинстве тюркских языков — *жолдаш* ~ *йолдаш*. Еще в 20-е годы при переводе на балкарский язык данное приложение употреблялось в постпозиции: *Уллубашов жолдаш сё-лешгенди* («Карахалк») «Выступил товарищ Ульбашев». Это правило, имеющее много преимуществ в стилистическом отношении, сохраняется до сих пор в ряде тюркских языков. Например:

к.-балк. *КПСС-ни АҚ-сыны Баш секретары Л. И. Брежнев джолдашны доклады* («Ленин байргъы») «Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева»;

кум. *Докладны арагъа салып ойлашывда КПСС-ни Татария обкомуну биринчи секретары Ф. А. Табеев, КПСС-ни Москва обкомуну биринчи секретары В. И. Конотоп ёлдашлар ортакъчылыкъ этген* («Ленин ёлу») «В обсуждении доклада участвовали товарищи: Ф. А. Табеев — первый секретарь Татарского обкома КПСС, В. И. Конотоп — первый секретарь Московского обкома КПСС»;

азерб. *Совет космонавтары Валери Фёдорович Быковски, Владимир Викторович Аксенов йолдашлара* (Азербайджан гянджляри) Советским космонавтам товарищам Валерию Фёдоровичу Быковскому и Владимиру Викторовичу Аксенову.

В настоящее время под влиянием русского языка в карачаево-балкарском языке слово *жолдаш*, употребляясь в качестве приложения, занимает место перед определяемым словом, что вызывает иногда неудобство при переводе аппозитивных конструкций, в которых приложение и определяемое слово не согласованы в падеже. Например:

Получив письмо от товарищей Ахметова, Кимова и Федорова, мы поехали в город — *Жолдашла Ахметовдан, Кимовдан эм Федоровдан письмо алгъанлай, биз шахаргъа бардыкъ*.

Более естественным в карачаево-балкарском языке представляется употребление слова *жолдаш* после определяемых слов: *Ахметов, Кимов эм Федоров жолдашладан письмо алгъанлай, биз шахаргъа бардыкъ*.

Необособленные русские приложения, находящиеся в постпозиции, при переводе на балкарский язык занимают место перед определяемым словом. Например:

Не то чтобы рабочие, а тем более рабочие-большевики, не понимали до апреля своих классовых интересов (Казакевич) — *Апрелге дери ишчиле, бютюн да большевик ишчиле, кеслерини класс сейирлерин ангыламагъандыла дерча туююлдою*;

Положение в отраслях группы «Б» не может нас удовлетворить («Материалы...») — *«Б» къауумну бёлюмлеринде ишни болуму бизни ыразы этмейди*;

Коллективы московского завода «Динамо», Горьковского и Минского автомобильных заводов показали пример повыше-

ния производительности труда («Материалы...») — Москваны «Динамо» заводуну, Горькийни бла Минскени автомобиль заводларыны коллективлери ишни хайырлылыгын кётюрююню юлгюсюн кёргюзтгендиле;

Босые мальчики осетины, неся за плечами котомки с сотовым медом, вертелись вокруг меня (Лермонтов) — Жаланаякъ дюгерли жашчыкъла таракъ балланы аркъаларына кётюрюп, мени тегерегимде бурула эдиле.

Препозитивное положение занимают при переводе почти все приложения, обозначающие названия газет, журналов, предприятий, организаций, городов и т. п.: газета «Правда» — «Правда» газет, журнал «Огонек» — «Огонек» журнал, город Москва — Москва шахар. Исключения составляют единичные случаи, например: шахар Тебердини суу алсын «Пусть пострадает от наводнения город Теберда» («Карачаевские народные песни», 100).

При переводе приложений, обозначающих лозунги, названия литературных произведений, докладов и т. п., между приложением и определяемым словом ставится служебное причастие деген (в значении «именуемый», «называемый»). Например:

Снять в нынешний момент популярнейший лозунг «Вся власть Советам!»? (Казакевич) — Бусагъатда «Битеу власть Советлеге» деген улуу белгили лозунгду кетериргеми?;

...военные прожекторы, осветившие красные флаги и надписи «Привет Ленину»... (Казакевич) — ...къызыл байракъланы бла «Ленинге салам» деген жазулану жарытхан аскер прожекторла...»

Вспомогательное слово деген особенно часто употребляется при переводе аппозитивных конструкций, в которых определяется не одно слово, а словосочетание из двух и более слов:

В Ревеле разгромлены большевистские газеты «Утро правды» и «Кийр» (Казакевич) — Ревелде «Утро правды», «Кийр» деген большевик газетле чачылгъандыла;

Значительно увеличится производство освоенных в прошлом пятилетии самоходных зерновых комбайнов «Колос», «Нива», «Сибиряк» ... («Материалы...») — Озгъан бешжыллыкъда чыгъарылып башланган «Колос», «Нива», «Сибиряк» деген кеси аллына жюриген мирзеу комбайнланы чыгъаруу иши да кёбейтиликди...

Следует отметить, что перевод последнего примера на азербайджанский, татарский, башкирский и уйгурский языки осуществлен без причастия деген. При переводе оно часто опускается и в карачаевском языке:

С докладом «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» выступил Председатель Совета Министров СССР товарищ А. Н. Косыгин — «СССР ни халкъ мюлкюню 1976—1980 джыллагъа ёсюмюню баш джолла-

ры» докладны СССР-ни Министерлерини Советини Председатели А. Н. Косыгин джолдаш этгенди («Ленинни байрагы»).

Можно полагать, что и в балкарском литературном языке сфера употребления слова *деген* в конструкциях с аппозитивными членами в дальнейшем должна будет суживаться.

О том, какие трудности возникают при переводе постпозитивных приложений, свидетельствует следующий пример:

Новое подтверждение этого — представленный на рассмотрение съезда проект Центрального Комитета партии «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» («Материалы...») — *Партияны Ара Комитетини «1976—1980 жыллада СССР-ни халкъ мюлкюн айнытыуну баш жолларыны» съездини къарамына салгъан проекти анга жангы шагъатлыкъды.*

При переводе этого предложения на карачаево-балкарский язык русская конструкция с приложением не сохранена. Она сохранилась при переводе лишь в четырех языках — татарском, азербайджанском, башкирском и уйгурском — из семи сопоставляемых здесь тюркских языков.

То, что при переводе на карачаево-балкарский язык русских конструкций с постпозитивными приложениями приложение занимает место перед определяемым словом, обусловлено, вероятно, тем, что в прошлом в карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, постпозитивное положение занимали все приложения, указывающие, к какой категории относится то или иное лицо по социальной принадлежности, по родству, профессии, роду занятий и т. п. Например: *Николай падчах* «царь Николай», *Мухаммат пайгъамбар* «пророк Магомет», *Салих эфенди* «мулла Салих», *Харун шуъх* «друг Харун», *Исса хонишу* «сосед Исса», *Хасан аппа* «дед Хасан» и т. п.

В некоторых тюркских языках такая конструкция приложения широко распространена и сейчас: казах. *Сейдехан болыс* «председатель Сайдехан», *Къурбан уста* «мастер Курбан», *Мырзаш бригадир* «бригадир Мырзаш», *Аскъар мугъалим* «учитель Аскар» (ГКЯ 1967: 82); чуваш. *Петер пичче* «дядя Петя», *Анюк аппа* «тетя Анюк», *Йаканат тиймерче* «кузнец Игнат», *Хеветер хуралча* «сторож Федор» (Андреев 1974: 16); кирг. *Барпы-ырчы* «певец Барпы», *Калый-карыя* «старик Калый» и т. д. (Жапаров 1958: 41).

В последнее время в карачаево-балкарском языке в подобных конструкциях приложение употребляется преимущественно препозитивно: *бригадир Алиев*, *президент Кеннеди*, *устаз Харун* «учитель Харун», *профессор Иванов* и т. д. Это отмечают и исследователи других тюркских языков. Например, в турецком языке «все новые чины, звания, титулы употребляются в препозитивном положении: *марешал Н.* «маршал Н.», *бинбашы А.* «майор А.», *йюзбашы Б.* «капитан Б.» (Кононов 1956: 410).

В русском языке широко распространены сочетания с постпозитивными приложениями типа школа-интернат, летчик-космонавт, телефон-автомат, ракета-носитель, корабль-спутник, колхозники-ударники. Такие конструкции на карачаево-балкарский язык переводятся двояко: в одних приложение переходит в препозицию и все сочетание пишется без дефиса, как обычное атрибутивное сочетание, например: *интернат школ* «школа-интернат», *элтиучю ракета* «ракета-носитель»; *ударник колхозчула* «колхозники-ударники»; другие же оформляются по русскому образцу: *летчик-космонавт, телефон-автомат*.

И. А. Андреев для чувашского языка считает более правильным следующий перевод: русск. летчик-космонавт (какой летчик?) — чуваш. *космонавт летчик*, русск. телефон-автомат (какой телефон?) — чуваш. *автомат телефон* и т. д. (Андреев 1974 : 10) Необходимо отметить, что такая форма перевода ближе и карачаево-балкарскому языку.

ПЕРЕВОД ОБОСОБЛЕННЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ

Обособленные приложения в тюркских языках употребляются издавна, о чем свидетельствуют памятники тюркской письменности (ГКЯ 1967 : 83) Однако быстрому распространению этих конструкций в современных тюркских языках способствовало прежде всего влияние русского языка.

При переводе русских обособленных постпозитивных приложений на карачаево-балкарский язык обособление в основном сохраняется, причем само приложение может перейти и в препозитивное положение. Например:

Она говорила своему кавалеру, драгунскому капитану (Лермонтов) — *Ол кесини кавалерине, драгун капитаннга, айта эди*;

Сзади судей сидел... городской голова, полный, солидный мужчина (Горький) — *Сюдюлени артында... шахарны таматасы, толу, аслы киши, олтура эди*;

Но жизнь Ленина, вождя самой революционной партии в России, следовало сохранить обязательно (Казакевич) — *Алай, Россияны бек революциялы партиясыны бачамасыны, Лонинни, жашуун сёзсюз сакъларгъа керекди*;

Соседка Власовых, Марья Корсунова, вдова кузнеца, торговавшая у ворот фабрики съестным, встретив на базаре мать, тоже сказала (Горький) — *Власовланы хоншусу, фабриканы къабакъ эшиклерини къатында аш сатыучу темирчини тул къатыны, Марья Корсунова да, анагъа базарда тубен айтды*.

В некоторых случаях обособленные приложения при переводе становятся необособленными препозитивными приложениями:

Так жил и Михаил Власов, слесарь, волосатый, угрюмый, с маленькими глазами (Горький) — *Гитче кёзлери бла, мудах, тюкю темирчи Михаил Власов да ол халда жашагъанды*;

Однажды Власову остановил на улице трактирщик Бегунцов, благообразный старичок, всегда носивший черную шелковую косынку на красной дряблой шее (Горький) — *Хуууру, къызыл бойнуна да къара гюлменди къысып жюрюую, мархабатлы къартчыкъ харчевначы Бегунцов бир жолда орамда Власованы тохтатды.*

В отличие от обособленных приложений, обособленные в карачаево-балкарском языке согласуются с определяемыми словами в падеже и числе. Это существенно облегчает перевод, что особенно заметно при передаче конструкций, в которых определяемыми словами служат личные местоимения. Например:

Мы, советские коммунисты, считаем защиту пролетарского интернационализма святой обязанностью каждого марксиста-ленинца («Материалы...») — *Биз, совет коммунистле, пролетар интернационализмни къоруулау хар марксчыны-ленинчини сыйлы борчуду деп санайбыз;*

Эта гордая знать смотрит на нас, армейцев, как на диких (Лермонтов) — *Ол ёхтем айырмала бизге, аскерчилеге, кийик адамлагъа къарагъанча къарайдыла;*

Эсеры считали себя всегда романтиками, а нас, социал-демократов, — сухарями (Казакевич) — *Эсерле кеслерин хар заманда романтикlege, бизни, социал-демократланы уа, — къургъакъ сёзлюlege санап тургъандыла.*

Как известно, обособленные приложения несут большую семантическую нагрузку, концентрированное выражение содержания (Амиров 1961 : 167). Поэтому перевод без грамматических трансформаций наиболее ценен. Однако «самая точность в передаче грамматических категорий нетипична, и вполне нормальными, неизбежными, необходимыми являются отступления от грамматической точности... Необходимость в грамматических трансформациях вызывается в первую очередь различием в структуре двух языков, которое проявляется в полных или частичных несовпадениях... Умение легко и свободно ими пользоваться — залог адекватного перевода» (Федоров 1958 : 167).

В русском языке придаточное предложение можно заменить обособленным приложением, имеющим добавочное обстоятельственное значение (Левницкая, Фитерман 1971 : 22). Подобная замена возможна и в карачаево-балкарском языке, где она используется при переводе русских обособленных приложений:

Человек партии, я признаю только суд моей партии (Горький) — *Партияны адамы болгъаным себепли, мен жалан да кесими партиямы сюдюне боюн саллыкъма* (букв. «Поскольку являюсь человеком партии, я признаю только суд моей партии»).

Здесь обособленное приложение заменено придаточным предложением причины. Такая замена используется и при переводе приложения, присоединяемого к определяемому слову союзом *как*:

Иван Федорович, как самый передовой рабочий, был избран депутатом — *Бек алчы ишчи болгъаны себенли, Иван Федорович депутатха айырылгъан эди* (букв. «Иван Федорович был избран депутатом, потому что был самым передовым рабочим»).

Так же трансформируются русские конструкции с приложением при переводе на другие тюркские языки: башк. *Къарагъай, ысмалалы, агъас булгъанлыкътан, тиз сиремей* «Сосна, как дерево смолистое, с трудом поддается гниению» (букв. «Сосна с трудом поддается гниению, потому что является смолистым деревом») (Терегулова, Ахмеров 1953:187).

Обособленные препозитивные приложения при переводе на карачаево-балкарский язык могут быть заменены уступительными придаточными предложениями:

Прославленный разведчик, Травкин оставался тем же тихим и скромным юношей, каким был при их первой встрече (Казакевич) — *Аты айтылгъан разведчик болгъанына да къарамай, Травкин биринчи тюбешгенлериндеча тынч эм къошакъсыз жашлай тура эди* (букв. «Несмотря на то, что стал прославленным разведчиком, Травкин оставался тем же тихим и скромным юношей, каким был при первой встрече»).

При переводе конструкций с обособленными приложениями допустима также замена последних причастными оборотами. Такая трансформация особенно желательна при переводе предложений, в которых определяемое слово и обособленное приложение не согласованы в числе:

Мы, как и прежде, будем заботиться о наших славных Вооруженных Силах — гордости советского народа («Материалы...») — *Биз совет халкъны ёхтемлиги болгъан Сауутланган Кючлерибизни юсюнден дайым къайгъыргъанлай турлукъбуз* (букв. «Мы как и прежде, будем заботиться о наших славных Вооруженных Силах, являющихся гордостью советского народа»).

И наконец, еще одним видом трансформации при переводе обособленных приложений является замена простого предложения сложным. Такая замена чаще всего употребляется при переводе предложений, где приложение содержит большое количество слов.

Иногда вместо Наташи являлся из города Николай Иванович, человек в очках, с маленькой, светлой бородкой, уроженец какой-то дальней губернии... (Горький) — *Бир бирде Наташаны орнуна шахардан Николай Иванович келгучю эди, ол кёзлюкю, гитче жарыкъ сакъалчыгъы бла, кыйсы эсе да узакъ губернияладан биринде туугъан адам эди* (букв. «Иногда вместо Наташи являлся из города Николай Иванович, он был человеком в очках, с маленькой светлой бородкой, уроженцем какой-то дальней губернии»).

Наиболее полно итоги экономического развития характеризует национальный доход страны — источник народного потребления и увеличения национального богатства («Материалы

лы...») — Экономика жаны бла айныну артыкъ да толу кыыралны миллет файдасы кѳгюзтеди, ол халкъ хайырланган ырысхыны эм да кыыралны миллет байлыгъын кѳбейтиучю шауданды (букв. «Наиболее полно итоги экономического развития характеризует национальный доход страны, он является источником народного потребления и увеличения национального богатства»).

Таким образом, русские конструкции с аппозитивными членами в основном легко переводятся на карачаево-балкарский язык на основе полного калькирования. Некоторые трудности, возникающие при переводе, объясняются тем, что необособленные приложения в карачаево-балкарском языке не согласуются с определяемым словом в падеже и числе. При переводе обособленных приложений иногда используется замена приложения придаточным предложением или причастным оборотом. Следует отметить, что приложения в русском языке употребляются шире, чем в карачаево-балкарском. Сфера употребления их в карачаево-балкарском языке расширяется под влиянием русского языка.

Библиография

- Амиров 1961: Амиров Г. С. Из сопоставительного синтаксиса русского и татарского языков. Казань, 1961.
- Андреев 1974: Андреев И. А. Есть ли в чувашском языке приложение? — «Вопросы чувашской филологии», вып. 1. Чебоксары, 1974.
- Атенов 1971: Атенов Ш. Категория приложения в современном казахском языке. Автореф. канд. дис., М., 1971.
- ГКБЯ 1976: Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1976.
- ГКЯ 1967: Грамматика казахского языка, II. Синтаксис. Алма-Ата, 1967 (на казах. яз.)
- ГРЯ 1954: Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, ч. 1. М., 1954.
- Жапаров 1958: Жапаров А. Грамматика киргизского языка, ч. II. Синтаксис (для VI—VII классов). Фрунзе, 1958.
- Кононов 1956: Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.
- Левницкая, Фитерман 1971: Левницкая Т. и Фитерман А. Почему нужны грамматические трансформации при переводе? — «Тетради переводчика», «Уч. зап. 1-го МГПИИЯ» № 8, под ред. проф. Л. С. Бархударова. М., 1971.
- Саидова 1975: Саидова Р. Х. Приложения в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1975.
- Терегулова, Ахмеров 1953: Терегулова Р. Н., Ахмеров К. З. Сравнительная грамматика русского и башкирского языков. Уфа, 1953.
- Федоров 1956: Федоров А. В. Введение в теорию перевода (Лингвистические проблемы). М., 1958.
- Цвиллинг 1963: Цвиллинг М. Использование немецких относительных прилагательных при переводе с русского. — «Тетради переводчика», «Уч. зап. 1-го МГПИИЯ», № 1, под ред. проф. Л. С. Бархударова. М., 1963.

Источники:

- Газеты: «Карахалк», 1927, № 786.
 «Ленинни байрагы», 1976, № 25.
 «Ленин ёлу», 1976, № 26.

- «Азербайджан гянджляри», 1976, № 116.
«Карачаевские народные песни». М., 1969 (на карач. яз.).
«Материалы XXV съезда КПСС» (на азербайджанском, башкирском, карачаево-балкарском, киргизском, кумыкском, татарском и уйгурском языках).— Сокращ. («Материалы...»).
- М. Горький.* Мать. Нальчик, 1959 (на балкарском языке).
Э. Казакевич. Синяя тетрадь. Нальчик, 1965 (на балкарском языке).
М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени. Нальчик, 1959 (на балкарском языке).

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПАРНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопросу словообразовательной структуры тюркских парных слов тюркология последних десятилетий уделяет большое внимание. В основном это объясняется тем, что «морфологическая структура парных слов отражает в себе сложный путь развития слова и словообразовательных процессов и словоизменительных принципов в языке. Поэтому изучение ее представляет исключительный интерес, особенно в плане историческом» (Кайдаров 1958: 120).

Словообразовательная структура парных слов в карачаево-балкарском языке до сих пор не получила всестороннего исследования.

В данной статье делается попытка, во-первых, выявить, на каких началах базируется сочетание компонентов парных слов и в каком морфологическом оформлении они выступают; во-вторых, определить, какие части речи, наряду с именами существительными, участвуют в образовании парных существительных; и, в-третьих, установить, как присоединяются словообразовательные и словоизменительные аффиксы к компонентам парных существительных.

С точки зрения словообразовательной структуры для парных существительных современного карачаево-балкарского языка, как и других тюркских языков, характерно то, что преобладающее их большинство образуется на базе корневых слов. Чаще всего это простое соположение существительных с конкретным значением, не имеющих какого-либо дополнительного морфологического оформления. Так образуются парные слова с обобщающим значением: *аш-суу* собир. «еда, напиток», *сакъал-мыйыкъ* собир. «борода и усы», *аякъ-къол* собир. «конечности» и т. д.

Корневые парные существительные карачаево-балкарского языка — наиболее архаичный пласт общетюркской лексики. Это подтверждается тем, что многие парные существительные современных тюркских языков представлены в древнетюркских письменных памятниках. Например: *ата-ана* <др.-тюрк. *ata-ana* «родители, отец и мать», *estip ata—apangning savlarini qadirma* «услышав слова (наставления) родителей, не отвергай их» [ДТС, 65], *жер-суу* «земля и вода, необходимые для жизни» <др.-

тюрк. *jer—sub* «материк, земля» (букв. «земля и вода»): *jerim — subum* «моя земля» [ДТС, 256] и т. д.

Значительная часть парных существительных образуется от имен существительных как исконно тюркских, так и заимствованных. Например, из арабского: *мюлк-ырысхы* «богатство, добро, состояние», *адеп-намыс* «воспитанность, честность, вежливость»; из перс.: *дос-душман* «друг и недруг»; из русск.: *конфет-къалач* «кондитерские изделия» и т. п.

В зависимости от строения производящих основ различаются парные существительные, в которых:

1) оба компонента являются корневыми словами: *ата-баба* «предки» (букв. «отец, дед, прадед»), *окъ-топ* «вооружение» (букв. «пуля-пушка»), *жер-суу* «земельные угодья, необходимые для ведения хозяйства, содержания скота и т. д.» (букв. «земля-вода»), *эл-жер* «родина, родные края» (букв. «селение, народ-земля»);

2) оба компонента являются производными и имеют в своем составе словообразовательные аффиксы: а) *-лыкъ/-лик*: *ата-лыкъ-аналыкъ* собир. «родительские обязанности» (букв. «отцовство — материнство»), *байлыкъ-бийлик* собир. «власть богатых» (букв. «богатство — княжеское правление»); б) афф. *-чы/-чи*. *оюнчу-кюлкючу* «весельчак, балагур» (букв. *оюнчу* «шут, комик, игрок» — *кюлкючу* «хохотун»), *тойчу-оюнчу* «любитель танцев, игр» и т. д.

3) один из компонентов является корневым, а другой — производным: *кёлек-кёнчек* «белье, одежда» (букв. *кёлек* «рубашка», «сорочка» — *кёнчек* «штаны, брюки», от *кён* «дубленая кожа» + афф. *-чек* (Хабичев 1971 : 152);

4) одним из компонентов выступает простое слово, а вторым — сложное: *кзул-къарауаш* собир. «рабы, невольники и слуги» (букв. *кзул* «раб» — *къарауаш* «рабыня, домашняя прислуга» <др.-тюрк. *qara bas* (*qarabas*), караим. *къара ваш* (*karavas*), *къаравааш* «слуга, служанка», кум. *къаравааш* «раба, рабыня», *жан-жаныуар* собир. «все живое, все что имеет душу» (букв. *жан* «душа, дух» — *жаныуар* «животное, зверь, живое существо» <др. -тюрк. *janvar* «животное, зверь, живое существо» <*жаны бар* «зверь, имеющий душу».

В качестве компонентов парных существительных выступают и отглагольные имена существительные с непродуктивными аффиксами. Например: *тёшек-жастыкъ* собир. «постель, постельные принадлежности» (букв. *тёшек* «перина, матрац» от глагола *тёше-* «разостлать, складывать друг на друга что-либо» + афф. *-к* (Хабичев 1971 : 86) + *жастыкъ* «подушка» от глагола *жаз-* «выравнивать, сплющивать, раскатывать» + афф. *-тыкъ* (Хабичев 1971 : 124); *тюйме-илгик* собир. «застежка» (букв. *тюйме* «пуговица», в к.-балк. также «женский нагрудник» от глагола *тюй-* «завязывать узел» + афф. *-ме* + *илгик* «петля» от глагола *ил-* «зацепить, прикрепить» + афф. *-гик*); *ашарыкъ-иче-*

рик собир. кушанья, угощения» (букв. *ашарык* «еда, пища», от глагола *аша-* «есть, кушать» + афф. *-рык* + *ичерик* «напиток, молочный продукт» от глагола *ич-* «пить» + афф. *-рик* (Хабишев 1971 : 223), *кѣонакѣ-тюшюм* собир. «гости, посетители дома, ближние и дальние» (букв. *кѣонакѣ* «гость» от глагола *кѣон-* «остановиться, расположиться, садиться, переночевать» + афф. *-акѣ* (Хабишев 1971 : 83) + *тюшюм* (гость» от глагола *тюш-* «спешиться, остановиться на ночлег» + афф. *-юм*) и т. д.

Иногда парные существительные образуются путем сочетания служебных имен существительных типа *юс* «верх, верхняя сторона, верхняя часть, поверхность» и *баш* «голова», *ич* «внутренность, внутренняя сторона, часть» и *тыш* «наружность, внешняя сторона, часть» и др. с наращением аффикса принадлежности 3-го лица ед. числа: *юсю-башы* «(его) внешность, одежда, (его) внешний вид» и т. д. Например, парное существительное *юс/ю/-баш/ы/* имеет лексическое значение «внешность (человека), верхняя одежда (его, ее), общий вид (его, ее), наружность (его, ее)» и употребляется исключительно в отношении человека. Например: *Кѣарнынг ач туююл эсе, юсюнг-башынг жаланнгач туююл эсе: андан сора адамгѣ не керекди?* (А. Узденов. Насыпны сатып алмайдыла, 48) «Что еще требуется (необходимо) человеку, если он сыт и прилично одет?»; *Юйдегиси болмагѣан кѣыяулу адамгѣ школгѣ жууукѣ жерде ашына-суууна юсюне-башына да кѣарай турурча, тап кѣонакѣ-бай керек эди* («Шуѣхлукѣ», № 71, 64) «Человеку, одинокому и болезненному, необходимо было найти подходящего хозяина, поблизости от школы, чтобы удобнее было за ним присматривать (т. е. кормить его и стирать ему)».

Отдельные парные слова бытуют исключительно в одной из форм имени существительного. Например, парное слово *айла-жылла* с собирательным значением «годы» употребляется только в форме мн. числа, а *кѣонакѣ-тюшюм* собир. «гости» — только в ед. числе.

Парные существительные образуются не только за счет имен существительных. В их словообразовании участвуют и другие части речи. Например, для образования отдельных парных существительных в качестве производящих выступают имена прилагательные: *уллу-гитче* собир. «все взрослые и дети, старшие и младшие» (букв. «большой-маленький»), *кѣарт-жаш* собир. «и стар и млад, люди всех возрастов» (букв. «старый, старик — молодой, парень, мальчик»), *жууукѣ-тенг* «родственники, близкие знакомые» (букв. «близкий, родственник — равный, одинаковый») и т. д. Данный вид образования парных существительных малопродуктивен. Примеры: *Элде уллу-гитче ѓлсе да, аны сау эл жыйылып, алай ашырадыла* (З. Толгуров. Кѣызгѣыл кырдыкла, 193) «Если в селе кто-нибудь умирает (взрослый или ребенок), то все селение, собравшись вместе, провожает его в последний путь»; *Эллиле, кѣарт-жаш демей, жашланы аскерге*

ашырыргъа, правленни аллыни жыйылдыла (Шуёхлукъ», № 71, 61) «Чтобы проводить ребят в армию, около правления колхоза собрались все односельчане и стар и млад (букв. «не считаясь с возрастом, собрались все — и старики и дети»). Ср. др.-тюрк. *Uluŷga—kiciŷka aŷuŷ tutti jüz* «к большим и малым он был приветлив» (ДТС, 7).

Парные существительные могут образовываться и от некоторых глагольных форм, которые выступают в определенном морфологическом оформлении, что и позволяет их рассматривать как специальную словосложительную модель.

Производящая основа при образовании парного слова принимает здесь строго определенную форму, которая благодаря постоянной частоте употребления приобретает значение предметности, субстантивируется и получает падежное оформление. Такими производящими основами могут быть: 1) причастие прошедшего времени на *-гъан*: *ёлген-къалгъан* «живые и мертвые» (букв. «умерший-оставшийся»), *суюген-суюмеген* «друзья и недруги» (букв. «любящий-нелюбящий»), *баргъан-келген* «прохождение» (букв. «пошедший-пришедший»), *кирген-чыкъгъан* «посетители, гости» (букв. «вошедший-вышедший») и т. д. *Ёлгенинг—къалгъанынг бла, сени къартлыгъынг бла тилейме, ол жангыз сабийге, кесинги баланга къарагъанча къара* (Аппаланы Х. Къара кюбюр, 93) «От имени всех твоих живых и мертвых, твоей старости прошу присмотреть за этим единственным ребенком, как за своим родным»;

2) имя действия на *-ау/-уу*: *ажай-жашай* «жизнь-бытьё, образ жизни, поведение», *тигуу-бичиу* «рукоделие» (букв. «кройка и шитьё»), *сатыу-алыу* «торговля» (букв. «купля-продажа»), *жылау-сарнау* «плач с причитанием» (букв. «плач, рыдание — плач с причитанием») и т. д. *Сатыу этер ючюн а къурулушчу усталыкъ угъай, совет сатыу-алыуну жорукъларын билген адам керек эди* (А. Узденов. Насыпны сатып алмайдыла, 179) «Для того, чтобы торговать, нужен был человек не с профессией строителя, а понимающий или знающий правила советской торговли»;

3) архаичная форма имени действия на *-ыш/-иш*: *атыш-ту-туш* «стрельба, борьба» (букв. «выстрел, перестрелка — борьба, состязания»), *уруш-туйюш* «ссора, препирательства» (букв. «ругань, скандал — драка, раздоры»), *алыш-бериш* «взаимообмен» (букв. «взятие — давание»), *къагъыш согъуш* «потасовка», *барыш-келиш* «хождение» и т. п.

От последней разновидности рассматриваемого типа парных слов иногда образуются производные (вторичные) парные имена в значении деятеля: *алышчы-беришчи* «спекулянт» (компоненты этого парного слова в современном карачаево-балкарском языке как самостоятельные не употребляются. В отдельных случаях имена существительные со значением деятеля образуются с помощью афф. *-чы/-чи* непосредственно от глаголь-

ных основ, минуя стадию их превращения в существительное, ср. *барчы-келчи* «мальчик на побегушках, посыльный, человек, выполняющий всякие поручения, бегающий куда прикажут». *Бийче кызыла кеслерине бирер къарауаш кызыны шапагъа, къумгъанчыгъа, барчы-келчиге жюрютедиле* (С. Шахмурзаев. Танг ала-сында, 18) «Княжны держали при себе по одной девушке-рабыне в качестве служанки, водоноса и мальчика на побегушках».

В карачаево-балкарском языке имеется парное имя существительное, состоящее из модальных слов *бар* и *жокъ* (ср. аналогичное образование в турецком языке: Аганин 1959 : 69). *Бар-жокъ* может принимать аффиксы направительного и винительного падежа. Например: *Баргъа-жокъгъа бийик жухдан къараучу, къойланыча кийиклени санаучу* (И. Боташев. Аууш, 137) «На все (что имеется) с высокого утеса смотрящий, как овец, туров считающий; *Шахарда уа аны (Ожийни) барын-жокъун, ишлегенин-къалгъанын да билмегенлерин, ол эсине алалмайды* (З. Толгуров. Къызгъыл кырдыкла, 156) «Он (Ожий) никак не мог понять того, что в городе никто не знает, здесь он или нет его, работает он или нет».

Парные слова, образуясь от слов, принадлежащих к различным лексико-грамматическим классам, относятся к классу существительных и приобретают грамматические категории, свойственные последним (категорию числа, склонения, принадлежности).

Таким образом, среди парных существительных можно выделить два структурных типа, которые, помимо остальных формальных признаков (отсутствие синтаксических отношений между компонентами, примыкание одного к другому, устойчивое местоположение каждого из них), имеют морфологическое оформление компонентов или же не имеют.

По своей словообразовательной структуре парные существительные карачаево-балкарского языка характеризуются тем, что: 1) по своему внешнему строению компоненты парных существительных могут быть как корневыми, так и производными; 2) парные существительные образуются не только от существительных, но и от других частей речи.

ОСОБЕННОСТИ ПАРНЫХ СЛОВ В СИСТЕМЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И В ДАЛЬНЕЙШЕМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Парные имена, как и одиночные, имеют в предложении формы различных падежей. При этом словоизменятельные аффиксы и аффикс принадлежности принимают или последний компонент (в соответствии с правилами агглютинации), или оба компонента (вопреки правилам), что отражает древнее свойство парных слов.

В настоящее время среди тюркологов существуют различные точки зрения по вопросу о характере присоединения словоизме-

нительных аффиксов к парным словам. Одни исследователи, в частности, В. А. Гордлевский (1961:64), А. И. Кононов (1956:124), Л. Н. Харитонов (1947:128) и др. отмечают, что при словоизменении оба компонента принимают/словоизменяемый аффикс.

По мнению других ученых, аффиксы принадлежности и падежные аффиксы могут присоединяться только ко второму компоненту парных слов: Н. П. Дыренкова (1940:61); А. Т. Кайдаров (1958:41); А. Хаджиев (1963:77); К. Т. Рамазанов (1971:103).

Н. К. Дмитриев, М. И. Адилов, С. Н. Муратов и другие считают, что в парных словах словоизменяемый аффикс принимают или оба компонента, или только второй компонент. Например: кум. *агълусу-магълусу йокъ* «у него никакой семьи-мемьи нет» (Дмитриев 1940:48), башк. *баланг-саганг* или *бала-саган* «твои дети» (Дмитриев 1948:78), азерб. *элинги-аягыны* (йе-маг) «приструнить» (Адилов 1958:14) и т. п.

В карачаево-балкарском языке, как и в некоторых других тюркских языках, в парных словах словоизменяемый аффикс присоединяется то к последнему компоненту, то к обоим, отражая древние традиции.

Следует отметить, что в карачаево-балкарском языке преобладает второй тип оформления компонентов, т. е. присоединение словоизменяемых аффиксов к обоим компонентам. Например, *атам-анам* «мои родители», *элинг-жеринг* «твоя родина, твоя земля», *жаны-къаны* «вся плоть и кровь (его)», *тойну-оюнну*, «свадьбы, пира, игр, веселья», *къартны-къуртну* «стариков и старух (всяких)» и т. д. *Ата кетдим да отум-огъум аз болду* (Фольк.) «Когда я изрядно пострелял, то боеприпасов оказалось мало»; (Ачемез:) *Башыбызда жарыкъ айны батма къой, Тийре-леде къартны-къуртну жатма къой* (Фольк.) «(Ачемез:) Дай возможность спрятаться луне над головой (над нами), Дай возможность лечь и уснуть (успокоиться) старикам и старухам в округе»; *Аны (Отарны) кёзюн-къашын да санын-чырайын да Халимат эртде окъуна унутмазча болгъан эди* (А. Тёппеев, Ашыру) «Его (Отара) образ давно и навсегда запомнился Халимат». Нередки случаи параллельного присоединения падежных и личных аффиксов к обоим компонентам, например: *къанларын-жанларын (аямай)* «(не жалея) своей жизни», *ата-сын-анасын* «его родителей» и т. п. Такие же парные существительные, как *ата-баба*, *туз-гыржын* и некоторые другие, употребляются только с оформленным вторым компонентом, напр.: *ата-бабалары* «его предки», *туз-гыржынынг* (твой) «хлеб-соль», *туз-гыржыны* «(его) хлеб-соль» и т. п.

Подобное явление подтверждает наличие двух способов морфологизации компонентов парных слов в карачаево-балкарском языке, что характерно, по свидетельству Н. К. Дмитриева, и

для других тюркских языков, в частности кумыкского и башкирского (Дмитриев 1949 : 48; 1948 : 78).

В тюркологии имеются различные точки зрения и по вопросу о характере присоединения словообразовательных аффиксов к парным словам. Так, по мнению большинства тюркологов, словообразующие аффиксы принимают оба компонента парных слов (Гордлевский 1961 : 64; Дмитриев 1948 : 79; Убрятова 1948 : 300; Кайдаров 1958 : 41; Адилов 1958 : 13; Муратов 1961 : 79 и др.).

Это явление, как отмечают Е. И. Убрятова, А. Кайдаров, было весьма распространено еще в древности, о чем свидетельствуют парные слова, встречающиеся в различных памятниках древнетюркской письменности (Убрятова 1948 : 298; Кайдаров 1958 : 41).

Отдельные исследователи, в частности А. Хаджиев, допуская возможность присоединения словообразовательных аффиксов к обоим компонентам, считают, что в этом случае признак парности утрачивается. Между тем «в случае присоединения словообразовательных аффиксов только ко второму компоненту,— пишет А. Хаджиев,— парное слово сохраняет все свои особенности» (Хаджиев 1963 : 64, 65).

Ряд ученых полагает, что характер присоединения словообразовательных аффиксов зависит от способа образования парных слов. В частности, Е. И. Убрятова утверждает, что парные слова образуются в тюркских языках двумя способами (посредством примыкания и согласования), и придерживается того мнения, что «парные слова, построенные на примыкании, при словоизменении и словообразовании принимают аффиксы только к своему последнему члену. При втором способе образования парных слов, согласования, словообразовательные и словоизменяющие аффиксы принимают оба члена парного сочетания» (1948 : 298).

В настоящее время общепринято, что синтаксические связи «примыкание» и «согласование» свойственны подчинительным словосочетаниям. О наличии же синтаксической связи между компонентами парного слова следует говорить весьма условно, ибо в противном случае мы будем иметь дело не со сложными словами, а со словосочетаниями. «Среди категориальных свойств сложного слова,— отмечает А. А. Юлдашев,— ...ведущим предстает отсутствие актуальной связи со словосочетаниями...» (Юлдашев 1972 : 193).

Таким образом, можно считать, что в карачаево-балкарском языке в подавляющем большинстве случаев словообразовательные аффиксы присоединяются к обоим компонентам при условии образования парных существительных 1) от имени существительного, например: *аталыкъ-аналыкъъ* «родительские обязанности», *байлыкъ-бийлик* «власть богатых», *тойчу-оюнчу* «любитель танцев, игр», *оюнчу-кюлкючу* «шут, комик, игрок»

и т. д.; 2) от прилагательного: *ачлыкъ-жалангачлыкъ* «голод, нищета», *тюзлюк-тенглик* «справедливость и равенство», *ахишлыкъ-аманлыкъ* «добро и зло» и т. д.

Реже встречается присоединение словообразовательного аффикса только ко второму компоненту, например: *сау-саламатлыкъ* «благополучие, спокойствие».

Следует также отметить, что в карачаево-балкарском языке словоизменительные и словообразовательные аффиксы в большинстве случаев принимают оба компонента парных слов, реже — только второй. По своей словообразовательной структуре парные существительные здесь во многом совпадают с подобными же образованиями в языке памятников древнетюркской письменности.

Библиография

- Абдурахманов 1975: *Абдурахманов Н.* Парные слова в тюркских языках. Автореф. докт. дис. Алма-Ата, 1975.
- Аганин 1959: *Аганин Р. А.* Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком языке. М., 1959.
- Адилов 1958: *Адилов М. И.* Сложные слова в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дис. Баку, 1958.
- Бозиев 1965: *Бозиев А. Ю.* Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1965.
- Баскаков 1952: *Баскаков Н. А.* Каракалпакский язык, II, ч. 1. М., 1952.
- Гарипов 1958: *Гарипов Т. М.* Башкирское именное словообразование. Уфа, 1958.
- Гордлевский 1961: *Гордлевский В. А.* Избранные сочинения, т. 2. М., 1961.
- ДТС 1969: Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Дмитриев 1940: *Дмитриев Н. К.* Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940.
- Дмитриев 1948: *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948.
- Дыренкова 1940: *Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940.
- Егоров 1971: *Егоров В. Г.* Словосложение в тюркских языках.—В кн. «Структура и история тюркских языков». М., 1971.
- Кайдаров 1958: *Кайдаров А. Т.* Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958.
- Кононов 1956: *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.
- КМТГ 1966: Къарачай-малкъар тилни грамматикасы. Нальчик, 1966.
- Муратов 1961: *Муратов С. Н.* Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., 1961.
- Орузбаева 1964: *Орузбаева Б. О.* Словообразование в киргизском языке. Автореф. докт. дис. Фрунзе, 1964.

- Рамазанов 1971: *Рамазанов К. Т.* Парные слова в тюркских языках юго-западной группы.— «Советская тюркология», 1971, № 6.
- Севортян 1966: *Севортян Э. В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.
- Убрятова 1948: *Убрятова Е. И.* Парные слова в якутском языке.— «Язык и мышление», XI. М.—Л., 1948.
- Хабишев 1971: *Хабишев М. А.* Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971.
- Ходжиев 1963: *Ходжиев А.* Узбек тилида кушма, жуфт ва такрорий сузлар. Тошкент, 1963.
- Харитонов 1947: *Харитонов Л. Н.* Современный якутский язык. Якутск, 1947.
- Юлдашев 1972: *Юлдашев А. А.* Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972.

ЛЕКСИКА И СЕМАНТИКА

О СПОСОБАХ ОБОГАЩЕНИЯ ЛЕКСИКИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Лексика карачаево-балкарского языка имела и имеет два основных источника своего развития: 1) внутренние ресурсы, 2) заимствования из русского и других языков.

Большую группу слов, вошедших в состав лексики карачаево-балкарского языка в советский период, представляют заимствования в основном из русского языка и через его посредство из других языков. Заимствуются интернациональные лексемы, эквиваленты которых отсутствуют в карачаево-балкарском языке, а также термины, относящиеся к развивающимся областям науки, техники, культуры и быта.

Наряду с прямым заимствованием большого количества слов наблюдается влияние русского языка на саму систему карачаево-балкарского словообразования. В частности, здесь большую роль играет калькирование русских слов, которое осуществляется по нормам морфологического способа словообразования, путем сокращения сложных слов и путем семантического заимствования (семантические кальки, образуемые по модели лексического словопроизводства). Калькирование в основном наблюдается в создании терминологической лексики. По своей структуре кальки могут быть одно-, двух- и многословными: *асламла* «массы», *ишсиз* «безработный», *къол кётюрюу* «голосование», *эл мюлк* «сельское хозяйство», *Къабарты-малкъар къырал университет* «Кабардино-Балкарский государственный университет» и т. д.

Кроме того, различаются полные кальки, состоящие целиком из собственно карачаево-балкарских слов (ср. приведенные выше примеры) и частичные, где карачаево-балкарские слова сочетаются с заимствованными: *политика-ниет магъана* «идейно-политическое значение», *проект-къурулуш организация* «проектно-строительная организация» и т. д.

В ряде работ, посвященных терминологическим проблемам в тюркских языках, к калькам относятся и такие слова, как *забастовкачы* «забастовщик» *агрономлукъ* «обязанности, профессии агронома», *реформачы*, «реформист», с чем, на наш взгляд, нельзя согласиться. В данном случае мы имеем дело с аффиксаль-

ным способом словообразования, где производящими выступают заимствованные основы: забастовка, агроном, реформа.

Среди заимствований обращают внимание слова, имеющие эквиваленты в карачаево-балкарском языке. Их параллельное употребление сопутствует процессу замены более ранних заимствований из арабского и персидского языков, а также некоторых собственно карачаево-балкарских слов русизмами и интернациональными словами, что связано с развитием русско-карачаево-балкарского двуязычия.

Замена карачаево-балкарских фамильных окончаний русскими фамильными флексиями относится к числу новых явлений в развитии языка послеоктябрьского периода. К фамильным основам присоединяются суфф. *-ов/-ев*, *-ова/-ева*. Для образования форм отчества используются русские суфф. *-ович/-евич*, *-овна/-евна*.

Под влиянием русского языка в карачаево-балкарском языке в послеоктябрьский период образовано значительное количество аббревиатур и сложносокращенных слов.

Касаясь классификации аббревиатур туркменского языка М. С. Харланова отмечает, что эти слова можно классифицировать по их соответствию полному, расшифрованному названию, по способу образования, т. е. по принципу сокращения (1965 : 114). Мы классифицируем аббревиатуры по способу, предложенному А. Ю. Бозиевым (1968 : 85).

Поскольку сам принцип создания аббревиатур является заимствованным, то основные его модели представлены заимствованными аббревиатурами и сложносокращенными словами. Однако аббревиатуры и сложносокращенные слова создаются и на основе исконной лексики карачаево-балкарского языка.

Среди аббревиатур можно выделить: 1) аббревиатуры, заимствованные из русского языка в их русской форме: *ВАК*, *КПСС*, *ДОСААФ*, *ВПП*, *Вуз*, *ВТЭК*, *СССР колхоз*, *комбат*, *политэкономия*, *пролеткульт* и т. д.

2) аббревиатуры, образованные тем же способом, что и первая группа, на базе карачаево-балкарской лексики: *АБШ* — *Американы Бирлешген Штатлары* (Соединенные Штаты Америки), *БАР* — *Бирлешген Араб Республика* (Объединенная Арабская Республика), *МХР* — *Монголия Халк Республика* (Монгольская Народная Республика), *КъМАССР* — *Къабарты-Малкъар Автоном Совет Социалист Республика* (Кабардино-Балкарская Автономная Советская Социалистическая Республика);

3) аббревиатуры, вошедшие через посредство русского языка из других языков: в них инициальные буквы не отражают ни русские, ни карачаево-балкарские сокращенные слова: *НАТО*, *СЕАТО*, *СЕНТО*, *ЮНЕСКО* и др.

Что касается сложносокращенных слов, то они в карачаево-балкарском языке полностью заимствуются из русского. Исклю-

чение составляет лишь полукалька *шахарком* «горком». Обычно аббревиатуры и сложносокращенные слова исследователи относят к лексике, образованной синтаксическим способом. Действительно, они образованы на основе определенной сочетаемости слов. Однако от словосочетаний, как синтаксических единиц они отличаются семантическим единством и грамматической цельнооформленностью. Таким образом, они представляют определенный тип словообразовательных моделей.

В карачаево-балкарском языке имеются заимствования не только из русского, но и из других языков. Это слова из тюркских языков Средней Азии и Казахстана, с которыми непосредственно контактировал карачаево-балкарский язык. К ним относятся *бешбармакъ*, *чайхана*, *кемпир* (значение данного слова переосмыслено: в казахском и киргизском оно означает «старуха», в карачаево-балкарском — «жена»), числительные *отуз* «тридцать», *къыркъ*, «сорок», *элли* «пятьдесят» и т. д. (все названия десятков, начиная с тридцати) и другие слова.

В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, издревле наличествует аналитический способ образования слов. В грамматиках данный способ зачастую именуется синтаксическим (Н. Баскаков 1952; Батманов 1940; Кононов 1960; КМТГ 1966 и др.).

В. В. Виноградов называет данный способ синтаксико-морфологическим (1951 : 5). Образование сложных слов является одним из продуктивных способов именного и глагольного словообразования в карачаево-балкарском языке.

Большое количество сложных образований наблюдается в терминологии, относящейся к различным областям — общественно-политической, экономической, технической, административно-управленческой, научной и культурной. Наиболее часто компонентами сложных слов выступают заимствованные русские и интернациональные слова, их корни и основы. Многие сложные слова представляют собой кальки с русского: *бешжыллыкъ* «пятилетка», *жетижыллыкъ* «семилетка», *битеухалкъ* «всенародный», *битеудуния* «всемирный» *къол кётюр* «голосовать», *асфальт сал* «асфальтировать», *телефон сал* «телефонизировать» и др. Среди подобных образований имеются и полукальки типа *авиабёлек* «авиачасть», *гидрокъзурулуш* «гидростроительство», *жарым фабрикат* «полуфабрикат», *аэроchана* «аэросани», *электрокъюч* «электроэнергия», *электровыз* «электролиния» и др., где один компонент — карачаево-балкарская лексема, а другой — заимствованное слово.

Говоря о сложных словах приведенного типа, следует отметить, что часть их из-за неупорядоченности орфографических норм пишется раздельно. Сюда относятся слова типа *къол къап* «рукавица», *бел бау* «пояс» *къол жаулыкъ* «носовой платок», *жан жаулыкъ* «полотенце» и многие другие, которые правильнее бы было писать слитно, как это делается в ряде других тюрк-

ских языков. Например, по-казахски слитно пишутся сложные слова типа *баспасёз* «печать», *кёолжазба* «рукопись», *басма-кёала* «передовица», *кёзкёарас* «точка зрения» и т. д., тогда как они в карачаево-балкарском языке пишутся раздельно: *басма сёз*, *кёол жазма*, *кёз кёарам* и т. д.

В современном карачаево-балкарском языке продуктивен и синтаксический способ словообразования.

Основными признаками, отличающими сложные имена от простых словосочетаний, по А. Ю. Бозиеву, являются: 1) номинативная функция, 2) семантико-синтаксическая цельность и структурно-морфологическое единство компонентов (1968 : 59). Однако не всегда легко дифференцировать сложные слова этого типа и словосочетания, несмотря на наличие таких признаков, как: цельнооформленность, одно объединяющее ударение, однозначность (Бозиев 1968 : 59).

Большое количество цельнооформленных сложных слов — это в основном кальки: *алыпсатар* «спекулянт», *битеуаскер* «общевойсковой», *битеумиллет* «общенациональный», *боранбилгич* «буревестник», *беишжыллыкъ* «пятилетка», *сегизмжойуш* «восьмиугольник», *этимсыфат* «причастие», *кёпжыллыкъ* «многолетний», *онкюнлюк* «декада» и т. д.; слова-полукальки, состоящие из заимствованного слова и карачаево-балкарского: *аэроchана* «аэросани», *авиабёлек* «авиачасть», *битеусоюз* (всесоюзный), *битеуросей* «всероссийский», *гидрокёзурулуш* «гидростройка», *гидрокёзурулушчу* «гидростроитель», *радиобайламлыкъ* «радиосвязь», *электрожип* «электропровод», *электрочыракъ* «электролампа» и т. д. Из данных примеров видно, что заимствованный компонент может занимать как препозитивное, так и постпозитивное положение.

Значительное место в лексике карачаево-балкарского языка, созданной в советский период, занимают парные слова, один или оба компонента которых могут быть заимствованными из русского языка. Эти парные слова пишутся через дефис: *аскер-хауа* «военно-воздушный», *культура-асламлы* «культурно-массовый», *культура-жашау* «культурно-бытовой», *культура-жарыкъландырыу* «культурно-просветительный»; *лиро-эпикалы* «лиро-эпический», *илму-излем* «научно-исследовательский», *марксчы-ленинчи* «марксистско-ленинский», *жер-миллет* «территориально-национальный» и др.

В отличие от ряда сложных слов, компоненты которых утрачивают свое значение, парные слова сохраняют их.

Выделяется группа парных слов, состоящих из прямых заимствований из русского языка и через русский язык, а также полукальки и кальки: *марксизм-ленинизм*, *вагон-ресторан*, *политика-асламлы* «политико-массовый», *ангылатыу-асламлы* «разъяснительно-массовый» и т. п.

Компоненты парных слов могут быть близки по значениям: *ырысхы-техника* «материально-технический», *илму-производство*

«научно-производственный», *кѣзулуш-монтаж* «строительно-монтажный», *вольфрамо-молибден* «вольфрамо-молибденовый» и др.

Парные слова могут состоять из антонимичных компонентов; *барыу-келиу*, «уход-приход», *сатыу-алыу* «купля-продажа», *жюклеу-кѣотарыу* «погрузка-разгрузка», *жюклеучю-кѣотарыучу* «погрузочно-разгрузочный» и др. Они менее продуктивны выше-рассмотренной группы.

Особую группу парных слов образуют слова типа *кѣзыл-мызыл* «красный (всякий)», *ат-мат* «лошадь (всякая)», *артист-мартист*, «артист (всякий)» и др. В них второй компонент — слово-эхо, занимающее постпозитивное положение.

В литературном языке данные слова не имеют широкого употребления. В основном они используются для характеристики речи персонажей, их отношения к окружающему.

Семантический способ словообразования или лексический (Н. Баскаков 1952; Хабишев 1971; Джамалханов 1958) выражается в переосмыслении слов, утрате старого значения и замене его новым, расширении и сужении значения. В советский период расширение значений слов под влиянием многозначности слов русского языка очень продуктивно. Примеры: *кѣанат*: «крыло 1) птицы, 2) самолета»; *атлаууч*: 1) «ступенька», 2) «подножка автомобиля»; *ыз*: 1) «след», 2) «линия» (*электроыз* «электролиния»; *белги*: 1) «примета», 2) «отметка», 3) «значок»; *жар*: 1) «расколоть», 2) «оперировать»; *сюз*: 1) «цедить», 2) «анализировать» и т. д.

Слов, приобретших дополнительные значения в советский период, много. Некоторые из них являются семантическими кальками (Шанский 1957), или, как их еще называют, словами, образованными способом «семантической индукции» (Сорокин 1965 : 116—179). Суть данного способа заключается в том, что одно из значений многозначного слова заимствуется из русского языка. Примеры: *хорлау* «достижение», означавшее ранее только «победа»; *ингир* «торжество, вечер, посвященный торжеству», ранее — «вечер» (время суток); *жүлдүз* «звезда» (нагрудный знак) — ранее «небесное светило», *эришиу* «соревнование» — ранее «соперничество» и т. д.

Изменение значения в слове приводит к образованию омонимов. А. Т. Бертагаев по поводу данного явления пишет, что «одно слово в виде оттенка предшествующего значения, нанизывается на другое значение, включаясь, таким образом, в единую цепь значений и становясь опорой для возникновения дальнейшего нового значения» (1952 : 582).

Примерами омонимов, образованных в советский период, могут служить лингвистические термины: *ат* «существительное», *сыфат* «прилагательное», *санау* «числительное», базой возникновения которых послужили — *ат* «имя», *сыфат* «признак, вид, цвет», *санау* «счет».

В развитии лексики карачаево-балкарского языка оказывается значительным и употребление одной части речи в значении другой. Так, в качестве определений в предложении могут выступать существительные как родного языка, так и заимствованные причастия и прилагательные, русские окончания которых в карачаево-балкарском языке опускаются. Такие заимствования в большинстве случаев самостоятельно в языке не употребляются. В значении же имен прилагательных они встречаются в определенных словосочетаниях. Например: *регионал конференция* «региональная конференция», *пролетар интернационализм* «пролетарский интернационализм», *граждан къурулуш* «гражданское строительство», *смен иш* «сменная работа», *ядро сынау* «ядерное испытание» и т. д.

Некоторые исследователи в подобных заимствованиях видят особую модель лексического словообразования (Н. Баскаков 1952; Гочияева 1973 : 94).

Итак, лексика карачаево-балкарского языка в дооктябрьский и послеоктябрьский период развивается на базе исконных слов и заимствований. Однако в советский период появляются новые способы образования слов в карачаево-балкарском языке, происходит перераспределение способов по степени их продуктивности, значительная роль русского языка в обогащении лексики карачаево-балкарского языка не только благодаря прямым заимствованиям, но и влиянию на всю его словообразовательную структуру.

Библиография

- Баскаков 1952: *Баскаков Н. А.* Каракалпакский язык, II. Фонетика и морфология, ч. 1. М., 1952.
- Батманов 1952: *Батманов Н. А.* Грамматика киргизского языка, вып. II. Имена. Фрунзе — Казань, 1940.
- Бертагаев 1952: *Бертагаев А. Т.* К вопросу о внутренних законах полисемии. — «Изв. АН СССР», ОЛЯ, т. 10. вып. VI.
- Бозиев 1968: *Бозиев А. Ю.* Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1968.
- Виноградов 1951: *Виноградов В. В.* Вопросы современного русского словообразования. — «Русский язык в школе», № 2. М., 1951.
- Гочияева 1973: *Гочияева С. А.* Наречие в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1973.
- Джамалханов 1958: *Джамалханов Х. А.* Из истории формирования и развития узбекской ботанической терминологии. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1958.
- КМТГ 1966: *Къарачай-малкъар тилни грамматикасы.* Нальчик, 1966.
- Кононов 1960: *Кононов А. Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960.
- Сорокин 1965: *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90-е годы XIX века. М.—Л., 1965.
- Хабичев 1971: *Хабичев М. А.* Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971.
- Харланова 1965: *Харланова М. С.* Развитие общественно-политической терминологии туркменского языка в советский период. Автореф. канд. дис. Ашхабад, 1965.
- Шанский 1957: *Шанский Н. М.* Лексика и фразеология современного русского языка. М., 1957.

ЗАИМСТВОВАННАЯ И ОБЩЕТЮРКСКАЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

В составе земледельческой терминологии четко выделяются пласты исконной карачаево-балкарской (включая общетюркские слова) лексики и заимствованной из арабского, персидского, русского и некоторых других языков. Заимствованные термины довольно многочисленны. Среди них — прямые заимствования и кальки. Заимствованные термины хронологически относятся к разным периодам истории карачаево-балкарского языка и свидетельствуют о его контактах с другими языками, о значимости этих контактов для развития карачаево-балкарского языка и культуры его носителей.

Иноязычная терминология проникала в карачаево-балкарский язык не только непосредственно из какого-либо языка, но и опосредованно, т. е. через язык-посредник (например, интернациональная лексика заимствуется через русский язык).

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ АРАБСКОГО И ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКОВ

Арабских и персидских заимствований терминов, относящихся к земледелию, в карачаево-балкарском языке встречается немного. Причем большинство из них персидского происхождения.

В настоящее время трудно точно установить, когда и как происходило заимствование тех или иных лексических единиц из данных языков. Однако можно утверждать, что большинство терминов, относящихся к производственно-экономической области, были заимствованы в древнейшее время. Известно, что одним из этнических компонентов карачаево-балкарского народа был кыпчакский. На кыпчакском языке написан ряд тюркских памятников, например, «Кодекс Команикус», 1303 г.; «Тюркско-арабский словарь» 1245 г. Сравнение языка этих памятников с карачаево-балкарским показывает, что в нем преобладает кыпчакская основа.

В названных памятниках имеются заимствованные слова из арабского и персидского языков. Можно предположить, что эти заимствования (например: *мюлк* «хозяйство, имущество, владение»; *терек* «дерево»; *шекер* «сахар» и др., имеющиеся и в современном карачаево-балкарском языке, унаследованы из кыпчакского.

Интенсивное проникновение арабских и персидских слов происходило с начала XVII в. в связи с распространением мусульманской религии среди карачаевского и балкарского народов. В этот период преимущественно заимствуется религиозная и общественно-политическая терминология, а также термины, относящиеся к земледелию.

Термины арабского происхождения как отдельные слова малочисленны, причем в некоторых случаях в карачаево-балкарском языке они сохраняют не все значения, иногда только производное. Например: *арба* «арба, подвода, телега» (в арабском — «араба, телега, коляска, экипаж»); *мюлк* «владение, хозяйство» (в арабском *мүлк* — «владение, имущество, собственность»); *къаранпил* (из греч.) «гвоздика» (в арабском — *къаранфул* «гвоздика»); *кёкен* «терен» (в арабском — *кокан* «слива») ¹ и др.

А. К. Курышжанов замечает вслед за Хоутсма, что само слово *кокан* арамейское и заимствовано через арабский (1970 : 66). В остальных случаях арабские заимствования употребляются в составе сложного слова или словосочетания, иногда включающего два арабских слова. Пример:

а) *мал аш* «корм» (араб. *мал* «имущество, богатство, скот» — кбл. *мал* «скот»); *асыраучу мекам* «хранилище» (араб. *мекан* «место, жилище» — кбл. «жилище, хозяйственная постройка»); *заранчы къурт-къумурсха* «вредные насекомые» (араб. *зарар* «вред, ущерб, убыток»; — кбл. *заран* «вред, ущерб, убыток»);

б) *ёсюмлюкню хауа низамы* «воздушный режим растения» (араб. *хауа* «воздух» — кбл. *хауа* «воздух»; араб. *низам* «режим»; — кбл. *низам* «режим»).

Персидские заимствования в большинстве своем являются названиями растений, плодов, а также продуктов, получаемых из них, названиями участков земли, где выращиваются растения, или же места их хранения. Приведем примеры:

В персидском языке

бэрэндж «рис»
шэфталу «персик»
гол «цветок»
тут «тутовник»
харбузе «дыня»
пямбе, панбук «хлопок» «вата»
бигъче «садик»
ш.кэр «сахар»
торсб «редька»
амбар «амбар»
хийар «огурец»

В карачаево-балкарском языке

пиринч «рис»
шантал «абрикос»
гюл «цветок», «роза»
тут, тутуйа «тутовник»
хағбыз «арбуз»
мамукъ «хлопок», «вата»
бахча «огород», «плантация»
шекер «сахар»
тирма «репа»
амбар «амбар»
хийар «тыква»

¹ Здесь и далее значения слов в различных языках, а также сведения этимологического характера даны по словарям и источникам, список которых приведен в конце статьи.

Шекер З. Акылбекова относит к арабизмам (1966 : 233). Возможно, из греческого (1971 : 401) оно попало в арабский, оттуда в персидский, а из персидского в кыпчакский язык. Карачаево-балкарский язык мог получить его из кыпчакского.

Турма А. Ю. Бознев возводит к *тур* «встать, стоять» (1965 : 32). Г. Дёрфер отмечает неясность происхождения слова *турма* (1965 : 504), однако более вероятным считает его персидское происхождение, объясняя это тем, что в персидском оно известно с XI в., а в тюркских с XIV в. Этой же точки зрения придерживаются другие исследователи (Саруева 1959 : 169; Юнусалиев 1952 : 225).

Амбар В. Радлов относит к арабскому (1887 : 8). Однако в других работах (см.: Рясенен 1969 : 19; Шанский и др. 1971 : 26) оно считается персидским (перс. *анбар* «магазины» мн. ч. от *нибр* «магазин, кладовая»).

Хыяр обычно относят к персидскому языку (Егоров 197 : 104; Хаджилаев 1970 : 120; Юнусалиев 1959 : 225; Рясенен 1969 : 160). К. М. Мусаев же считает его арабским (1964 : 71). Вероятно, это тот случай, когда слово относится к арабско-персидскому пласту лексики, и трудно точно определить его принадлежность к конкретному языку. Встречаются персидские слова и в составе сложных терминов и терминов-словосочетаний. Здесь могут быть случаи, когда оба компонента являются персидскими словами. Примеры:

а) *Уулу дарман* «ядохимикат» (перс. *дэрман* «лекарство, сырье, средство» — кбл. *дарман* «лекарство»); *тахта кёгет* «овощ» (в персидском языке *тахта* многозначно: «доска, щит, вывеска, фанера; полка; памятная книга; штука (при счете ковров)»). (ПРС 1960 : 112). В карачаево-балкарском языке *тахта* — название специально обработанного небольшого участка земли для выращивания овощей;

б) *шекер чюгюндюр* «сахарная свекла»; *гюл тахта* «цветник» (здесь оба слова в термине персидского происхождения).

Среди терминов земледелия в карачаево-балкарском языке имеются единичные примеры заимствований из разных языков. Трудно сказать, являются ли они прямыми заимствованиями или же проникли в тюркские языки через другие (возможно, через арабский или персидский).

Например, слово *къоз* «греческий орех» относится к древнееврейскому (Мусаев 1964 : 173). Может быть, в тюркские языки оно проникло через персидский (*гоуз*) или арабский (*джоуз*); *пурч* «перец (черный)». М. Рясенен (1969 : 345) вслед за Мункачи (1905 : 377) считает заимствованным тюркскими языками из санскрита (*марица*). Того же мнения придерживается В. Г. Егоров (1971 : 45).

Ряд исследователей отмечают генетическую близость тюркских и монгольских языков, которая проявляется в регулярных фонетических, лексических и грамматических сходствах (Баскаков 1962 : 71; Владимирцов 1929 : 45; Рамстедт 1957 : 26; Поппе 1960 : 3 и сл.). В связи с этим при выявлении монгольских лексических единиц в тюркских языках, а также тюркских в монгольских встречаются большие трудности.

При установлении принадлежности слова к тому или другому языку важное значение имеет фонетический анализ. Однако (ввиду того, что в фонетических системах тюркских и монгольских языков много общего при определении лексических заимствований, фонетический анализ не является столь результативным. Г. Д. Санжеев пишет: «Всякое тюркское слово, оказавшись на монгольской почве, не будет противоречить фонетическим нормам монгольского языка, и при таких условиях часто невозможно установить, что из общего монгольско-тюркского словарного состава относится к общему праязыковому достоянию, а что представляет собой заимствование» (1960 : 31). Поэтому фонетический анализ должен непременно сочетаться с всесторонним морфологическим и этимологическим анализом.

В нашу задачу не входит специальное исследование всех лексических сходжений в карачаево-балкарском и монгольских языках. Этот вопрос получил достаточно полное освещение в работе Х. И. Суюнчева «Карачаево-балкарско-монгольские лексические параллели» (1968), касается его и Х.-М. И. Хаджилаев (1970). Мы приведем здесь примеры из земледельческой терминологии карачаево-балкарского языка, заимствованной из монгольского, либо относящейся к общему пласту лексики обоих языков.

З а и м с т в о в а н и я: *нохта* «недоуздок» (монг. *ногта*), *улоу* «рабочий скот, транспорт» (монг. *улаа* «подвода, почтовые лошади»), *жубуран* «суслик» (монг. *зурам, жумбра*), *жыжым* «веревка» (монг. *жижим* «шнур, веревка»).

Лексические параллели: кбл. *алма* монг. *алим* «яблоко», *билеу/билюю* «оселок», *будай/буддай* «пшеница», *бутақ/бутағъа* «ветвь», *бурчақ/буурцағ* «горох» (в монг. также «бобы»), *кебек/хэвэг* «шелуха» (кбл. также «мякина» монг. — «отруби»), *топуракъ* «почва, земля» — *товроғ* «пыль, прах», *кюрек/курзэ* «лопата», кбл. *элек* «сито», «решето», монг. *элек* «сито, решето».

Вполне возможно, что среди карачаево-балкарско-монгольских лексических параллелей есть еще не выявленные слова, которые могли бы оказаться заимствованными из того или иного языка.

Наибольшее количество заимствованной лексики в карачаево-балкарском языке составляют русские слова, а также слова, заимствованные через посредство русского языка из других языков, в том числе интернациональные термины.

Русские слова проникали в карачаево-балкарский язык в разные периоды и отражают экономические и культурные связи между русским, карачевским и балкарским народами. Подавляющее большинство этих заимствований относится к советскому периоду, что объясняется коренными изменениями в жизни карачаевского и балкарского народов, в области их культурного и экономического развития. Появление письменности, создание общественно-политической, художественной и учебной литературы на карачаево-балкарском языке, с одной стороны, и быстрое развитие социалистического хозяйства, с другой, привели к необходимости разработки соответствующей терминологии. Естественно, ресурсов родного языка не было достаточно для ее создания, поэтому ее источником стал русский язык с богатой и развитой терминологией. Кроме того, к заимствованию слов из русского языка побуждало и его изучение, как языка межнационального общения.

Русский язык и сейчас является основным источником для пополнения словарного состава карачаево-балкарского языка.

Существует мнение, что начало заимствования русской лексики в карачаево-балкарском языке относится ко второй половине XVIII в. — ко времени присоединения к России территории Карачая и Балкарии (1965 : 83), хотя русско-балкарские связи уже существовали к началу XVII в. (ОИБН 1961 : 35). Следует отметить, что некоторые заимствования относятся к более раннему периоду (ср. такие слова, как *салам* «солома», *пец* (печ) «печь», зафиксированные еще в Кодексе Команикусе; *лыбыта* соотв. тат. *алабута*, возводимому Э. Ахунзяновым к русск. «лебеда» (1968 : 74); встречается оно с тем же значением и в ряде других тюркских языков: узб., башк. *алабута*; каз., кум., ног. *алабота*. В карачаево-балкарский язык, как и в другие тюркские языки, это слово, очевидно, попало через кыпчакский язык.

Хронологически заимствования из русского языка принято подразделять на заимствования до Великой Октябрьской социалистической революции и заимствования в советскую эпоху.

Дореволюционные заимствования в карачаево-балкарский язык проникали через устную речь, подвергаясь фонетическим изменениям под влиянием родного языка. В некоторых случаях эти изменения были довольно значительны. Так, например, русск. *мерка* и *бочка* в карачаево-балкарском языке превратились в *мерке* и *бёчке*.

Среди дореволюционных заимствований имеются слова, ко-

торые появились посредством русского языка из других языков. Их число незначительно.

Дореволюционные русские заимствования, относящиеся к сельскохозяйственной терминологии, по семантическому признаку можно сгруппировать следующим образом:

1) Термины — названия культурных и сорных растений, их составных частей: *хобуста*/*кзобуста* «капуста», *хрен* «хрен», *картоф*/*гардош* «картофель», *качан* «кочан», *речка* «гречиха» (из разг. «гречка»); *лыбыта* «лебеда», *салам* «солома».

2) Термины, относящиеся к земледельческой обработке: *хамыт* «хомут»; к орудиям земледелия, к хозяйственной утвари: *бараза* «борозда», *десетина* «десятина», *участка* «участок»; *мешина* «машина», *машок* «мешок», *карзина* «корзинка»; *бёчке* «бочка», *ашчик* «ящик».

3) Термины — названия единиц измерения: *пуд* «пуд», *гюренке* «гривна» (мера веса, равная фунту), *мерке* «мерка» (около 40 кг), *хунт* «фунт», *сажна* «сажень»; *гири* «гиря».

Некоторые из перечисленных терминов в настоящее время на письме сохраняют русское написание: *пуд* «пуд», *участок* «участок», *ящик* «ящик», другие же перестали употребляться, как устаревшие: *гюренке* «гривна», *мерке*, «мерка», *хунт* «фунт».

В советский период развитие сельскохозяйственного производства с его новыми формами и новой техникой обусловило появление слов, отразивших эти коренные изменения. Введение в земледелие новых культур, новой технологии обработки земли, химизации, электрификации, появление новых машин и орудий труда повлекли за собой и создание новых терминов. Их источником является прежде всего русский язык, через который активно проникает в этот период и все интернациональные термины. Заимствованные термины на письме сохраняют ту же форму, что и в языке-источнике, ибо заимствование осуществляется не через устную речь, как это было в дореволюционный период, а через письменную. При этом важное значение имеют два фактора: развивающееся двуязычие и русская графическая основа карачаево-балкарского языка.

По семантическому признаку земледельческие термины можно (хотя и несколько условно) объединить в определенные группы.

1. Термины — названия машин, агрегатов, различных орудий труда, применяемых в земледелии, и их частей: *бульдозер*, *культиватор*, *транспортёр*, *косилка*, *сепаратор*, *секатор*, *триер*, *жатка*, *экскаватор*, *комбайн*, *трактор*, *каток*, *молотилка*, *подборщик*, *луцильник*; *гусеница*, *штурвал* и т. д. Сюда же можно отнести слова с собирательным значением: *агротехника*, *техника*. Термины к этой группы составляют основную массу заимствованных слов.

2. Термины, обозначающие специальность: *механизатор*, *механик*, *инженер*, *мелиоратор*, *агроном*; здесь же — *специалист*

3. Термины — названия форм производственного объединения: *артель, бригада, звено*.

4. Термины — названия растений, плодов и т. п.: *помидор, кабачок, баклажан, салат, кориандр, сельдерей, соя; райграс, вика, люцерна, мозар, сорго, эспарцет; амброзия, гумай; астра, тюльпан, нарцисс, роза; айва, мандарин, апельсин, лимон* и т. д.

5. Термины, являющиеся названиями а) удобрений: *суперфосфат, селитра, фосфат, мочеви́на, аммофос, нитрофоска, азотобактерин*; б) различных химических веществ: *пестицид, гербицид, дуст, гексахлоран, энтобактерин, хлорофос, гранозан, метафос*.

6. Термины — наименования мер веса и площадей: *центнер, грамм, тонна, килограмм, гектар* и т. д.

7. Термины — названия а) мест хранения продуктов: *склад, элеватор, бурт, кагат*; б) выращивания овощей: *теплица, парник*.

Среди заимствований имеются термины, являющиеся названиями отдельных предметов, процессов и так далее. Их трудно объединить в какие-либо определенные семантико-тематические группы; поэтому они здесь даются без какой-либо классификации.

8. Термины, обозначающие различные процессы в земледелии: *селекция, культивация, механизация, яровизация, вегетация, мелиорация* и т. д. Имеются и другие термины. Однако перечислить все их не представляется возможным, да и в этом нет особой необходимости. Главное — это на основании отдельных терминов показать, что в советскую эпоху земледельческая терминология существенно отличается от заимствований дооктябрьского периода.

ОБОГАЩЕНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СПОСОБОМ КАЛЬКИРОВАНИЯ

В современном карачаево-балкарском языке, кроме прямого заимствования слов широко распространен способ перевода, или калькирования.

В лингвистической литературе калькирование понимается различно.

Одни исследователи считают, что калькирование — это разновидность заимствования, ибо значение слова, вновь возникшего в заимствующем языке, во всех случаях мотивировано значением иноязычного слова (Ахманова 1969 : 188; Калинин 1971 : 64; Головин 1973 : 106, Баратов 1971 : 19; Каримходжаев 1970 : 11).

Однако Л. А. Булаховский пишет: «Роль, параллельную заимствованиям в точном значении слова, играют в отношении обогащения словаря, обеспечения его знаками для новых понятий — кальки, способ передачи возникших на чужой почве наз-

ваний с сохранением их морфологической структуры (1953, II:111) А. А. Реформатский при определении сущности калькирования подчеркивает его специфичность и отличие от заимствованных слов (1967: 138).

Р. А. Будагов отмечает промежуточное положение калек между исконной и заимствованной лексикой, подчёркивая при этом, что они по способам и средствам образования, по звуковому и лексическому материалу ничем не отличаются от исконных слов, но по истории возникновения примыкают к заимствованиям (1965: 119).

Существует мнение, что поскольку при калькировании не заимствуется не только звуковая оболочка иноязычного слова, но и его вещественное значение (как это происходит при заимствовании иноязычного звукового комплекса в единстве с выражаемым им содержанием), то не следует рассматривать калькирование как разновидность заимствования (Ефремов 1961: 117).

В нашем понимании, калькирование — это создание нового слова средствами родного языка, соответствующего по значению определенному слову в языке-источнике, или же использование исконного слова в новом значении, соответствующем значению иноязычного слова.

В обоих случаях семантика вновь созданного слова есть результат влияния иноязычного, что и позволяет калькирование рассматривать как разновидность заимствования. Первый тип калек называют структурно-смысловым или словообразовательным, второй тип — смысловым или семантическим (Баскаков 1961: 61; Калинин 1971: 64; Шанский 1972: 105 и др.).

Структурно-смысловые кальки. Структурно-смысловые (семантические) кальки характеризуются буквальным переводом иноязычного слова средствами карачаево-балкарского языка. Следует заметить, что в карачаево-балкарском языке нет приставок, а между тем очень много калькируемых русских слов содержит приставки. В этом случае используется определенное сочетание аффиксов с основой (корнем) слова. Например: измельчение — *уакълау*. Здесь значения к.-балк. *уакъла-* и русск. мельк(ч) — в достаточной степени совпадают; афф. *-у* по своему значению совпадает с русск. суфф. *-ние*. Оба они образуют имена, выражающие значение процесса действия. Ср. также: *чапыракъланыу* «обливание», где значение глагольных основ в обоих языках одинаково, а афф. *-ыу* так же, как и в предыдущем случае, по значению (*-у* — вариант афф. *-ыу*) соответствует суфф. *-ние*. Часто значение русских приставок передается каким-либо отдельным словом, ср. *чыгъарып орнатыу* «высадка» (букв. «вытащив посадить»).

Значение приставок *без-* и *не-* может быть передано афф. *-сыз*, который следует в карачаево-балкарском слове за корнем или основой: *битимсизлик* «неплодородность», *жауунсузлукъ* букв. «бездождие», *суусузлукъ* «безводность»; ср. также исполь-

зование отрицательной частицы *-ма*, которая обычно присоединяется к глагольной основе или корню: *жатмаулыкъ* «неполегаемость». Значение приставки *меж-* (между-) передается словом *ара*, которое в карачаево-балкарском языке занимает постпозиционное положение по отношению к главному слову: *тизгинле арасы* «междурядье», *бууунла арасы/жикле арасы* «междоузлие».

Структурно-семантических калек в земледельческой терминологии карачаево-балкарского языка довольно много. В семантическом плане можно выделить несколько групп терминов, которые чаще всего калькируются:

1) наименования трудовых и иных процессов действия; они образованы суфф. *-ние*, *-ка*, *-ация*, которым в карачаево-балкарском соответствует афф. *-ыу*. Большинство скалькированных терминов относится к образованиям на *-ние*: *жауунлау* «дождевание», *жумушатыу* «рыхление», *ыржылау* «межевание», *ууландырыу* «протравливание», *кюзлендириу* «озимизация» и др.;

2) названия земледельческих машин и агрегатов, орудий труда: *бюргюч* «опрыскиватель», *къаплаууч* «отвал» и др.; в этих терминах русск. суфф. *-тель*, *-ник*, *-ка* соответствует к.-балк. афф. *-гъыч* и *-ууч* (с вариантами);

3) названия работников земледелия по их специальности: русские имена существительные с суфф. *-льщик*, *-щик*, *-ец*, *-арь*, а также с компонентом *-вод* в карачаево-балкарском языке калькируются словами, образованными афф. *-чы* по модели «именная основа» + «глагольная основа» + афф. *-ыучу* (афф. *-ыучу* состоит из афф. имени действия — *-у* и афф. профессии *-чы*). Примеры: *гюлчю* «цветовод», *орнатыучу* «сажальщик», *суууруучу* «веяльщик», *урлукъчу* «семеновод», *чюгюндюрчю* «свекловод», *жюзюмчю* «виноградарь» и т. д.;

4) названия отраслей земледелия: русск. терминам с суфф. *-ство* и *-водство* в карачаево-балкарском языке соответствуют слова с афф. *-чылыкъ*; в качестве основы выступают имена существительные: *урлукъчулукъ* «семеноводство», *жюзюмчюлукъ* «виноградарство», *биченчиликъ* «луговоеводство», *гюлчюлукъ* «цветоводство» и др.;

5) термины со значением отвлеченного признака в обоих языках образуются от относительных прилагательных, при этом русск. суфф. *-ость* соответствует к.-балк. афф. *-лыкъ*: *бутакъ-лылыкъ* «ветвистость», *жибеклиликъ* «волоконистость», *шекерлиликъ* «сахаристость», *жабышмакълыкъ* «вязкость» и пр.;

6) термины со значением признака представлены в основном сложными прилагательными: *тогъайлы-тишли* «кольчато-зубчатый», *кёп тизгинли* «многорядный» и др.; русск. суфф. *-чат* и *-н* соответствует кбл. афф. *-лы*, который передает значение обладания, свойства и т. д. Основы этих терминов в обоих языках по своему значению соответствуют друг другу: *тогъай* «кольцо» и *тиш* «зуб», *кёп* «много» и *тизгин* «ряд».

Структурно-семантические кальки имеются также и среди терминов-словосочетаний, например: *болушлукъчу мюлк* «подсобное хозяйство», *тёртгюлюя жорукъ* «квадратно-гнездовой способ», *энчи жыйыу* «раздельная уборка», *жер жерли ашау* «местное удобрение», *терен сюрюу* «глубокая вспашка» и др.

Семантические кальки. При семантическом калькировании материальный состав и словообразовательная структура иноязычного слова не заимствуются. Они остаются исконными, карачаево-балкарскими. При семантическом калькировании возникает не новое слово, а новое значение исконного слова. При закреплении за словом нового значения происходит явление омонимии.

Данный способ калькирования обычно наблюдается, когда слова обоих языков имеют семантические точки соприкосновения (имеют одинаковые или же близкие значения). Например: *бешжыллыкъ* «пятилетка» (пятилетний план развития народного хозяйства); *жибек* «волокно» (непряденая нить растительного или искусственного происхождения); *зыгыт* «рассада» (молодые растения, выращенные в особых условиях и предназначенные для пересадки на гряды, в открытый грунт). В этих словах данные значения являются заимствованными из русского языка. До их приобретения они имели такую семантику: *бешжыллыкъ* «возрастом в пять лет, предназначенный на пять лет»; *жибек* «шёлк, нити» (изготавливаемые из выделений гусеницы шелкопряда), *зыгыт* «побеги» (молодые растения).

Полукальки. Наряду с полными кальками в сельскохозяйственной терминологии карачаево-балкарского языка имеются и полукальки, т. е. частичные переводы с русского языка.

В лингвистической литературе в отношении полукалек имеется две точки зрения. Одни исследователи к полукалям относятся сложные слова, один компонент которых остается не переведенным (Булаховский 1953: 127), другие — такие слова, в которых заимствованным является корневая часть или основа; аффиксальная часть таких слов переводится соответствующими морфемами родного языка (Ахманова 1969: 98; Шанский 1972: 111; Нурмухамедова 1971: 115 и др.). Отмечается близость данного явления к простому словообразовательному переоформлению по внутренним законам и словопроизводственным моделям заимствующего языка, хотя и подчеркивается, что полного совпадения между этими явлениями нет (Шанский 1972: 111).

Примерами таких частичных переводов являются слова типа *тракторчу* «тракторист» (*трактор* + афф. *-чу*, соответствующий русск. *-ист*), *дискалау* «дискование» (*диска* + афф. *-лау*, соответствующий русск. суфф. *-ование*; причем афф. *-лау* состоит из *-ла* (образующего глагольную основу) + *-у* (—глагольное имя), суфф. *-ование* — структурно и по значению (*-ова* + *-ние*) соответствует карачаево-балкарскому *-лау*.

Следует отметить, что модели, по которым образованы вышеприведенные примеры, используются как способ словообразования в карачаево-балкарском языке, например: *чалгъычы* «косарь» (*чалгъы* «коса»), *мардалау* «нормирование» (*марда* «норма», — *мардала* «нормировать»). Благодаря наличию этого способа широко используется и полукалькирование.

В земледельческой терминологии структурно выделяются:

1) полукальки производные: *дискалау* «дискование», *пресслеу* «прессование», *штурвалчы* «штурвальный» и др.;

2) полукальки, первый компонент которых является интернациональным словообразовательным элементом: *микроашау* «микроудобрение», *агроамал* «агроприем»;

3) полукальки, в которых главный компонент является заимствованным словом: *жалгъау материал* «прививочный материал», *сынау станция* «опытная станция», *таза пар* «чистый пар», *кёк масса* «зеленая масса», *сугъарыу система* «оросительная система», *баш агроном* «главный агроном», *мирзеу оруучу комбайн* «зерноуборочный комбайн»;

4) полукальки, зависимый компонент которых является заимствованным словом: *слиос уру* «силосная яма», *минерал чшау* «минеральное удобрение», *силос кесгич* «силосорезка» представляющим собой русское видоизмененное прилагательное, утратив суффикс и окончание, на почве карачаево-балкарского языка оно получает форму имени существительного, выступая, однако, в роли прилагательного — атрибута.

В карачаево-балкарском языке имеются также термины, первые компоненты которых являются заимствованиями, оформленными исконными словообразовательными средствами, а вторые эквивалентными переводами русских слов, например: *комплекс-ли ишлеу* «комплексная обработка», *механизацияланнган ындыр*, «механизированный ток», *элиталы урлукъ* «элитное семя», *ротациялы тырнаууч* «ротационная борона», *вегетациялы сугъарыу* «вегетационный полив».

Встречаются также термины, первые компоненты которых оформлены словообразовательными средствами карачаево-балкарского языка, вторые же компоненты являются заимствованиями: *гусеницалы трактор* «гусеничный трактор», *механизацияланнган звено* «механизированное звено», *силос комбайн* «силосный комбайн».

Ряд терминов представляет собой свободный перевод с русского языка, например: *башха ёсюмлюкден урлукъланыу* перекрестное опыление, *мадул жер* «залежь» и др. Вместо *мадул жер* можно было бы использовать слово *барлакъ*, которое в карачаевском диалекте обозначает «залежь».

Таким образом, исследование земледельческой терминологии карачаево-балкарского языка показывает, что она пополняется не только за счет внутренних ресурсов, но и путем заимствования русских терминов, их калькирования и свободного перевода.

Общетюркские элементы в карачаево-балкарском языке, в том числе и в земледельческой терминологии, занимают видное место. Многие слова совпадают также со словами, засвидетельствованными в древнетюркских памятниках.

Общетюркские элементы наблюдаются в терминологии, относящейся ко всем отраслям земледелия, являясь наименованиями различных предметов, процессов и действий.

Следует отметить, что фонетические расхождения общетюркской лексики обусловлены особенностями фонетики каждого тюркского языка.

Сравниваемые общетюркские и карачаево-балкарские элементы объединены по следующим наименованиям:

- 1) растения, их плоды и продукты, получаемые из них;
- 2) сельскохозяйственные орудия, инвентарь, инструменты;
- 3) сельскохозяйственные угодья; 4) сельскохозяйственное производство; 5) тягловый скот, насекомые и др.; 6) природные явления; 7) орошение; 8) почва и процессы ее обработки, созревание и уборка урожая ¹.

Термины — названия растений, их плодов
и продуктов, получаемых из них

Термин «растение». Для его обозначения в карачаево-балкарском языке имеется два слова: *ёсюмлюк* и *битим*. В значении «растение» преимущественно употребляют первое, второе же означает «культура»: *мирзеулюк битим* «зерновая культура». Ср. азерб. и тур. *битки*, АКК, Ибн-М *битмек*.

В современных языках, кроме азербайджанского и турецкого, в значении «растение» употребляется *ёсюмлюк*: кум., уйг. *ёсюмлюк*; каз. *ёсимдик*; кирг. *ёсюмдюк*; туркм., ног. *ёсюмлик*; узб. *усимлик*; кк. *ёсимлик*; алт. *ёзюм*; башк. *юсемлек*; тат. *юсемлек*; хак. *ёзим*; чув. *юсентаран*.

1. Термины — названия зерновых культур:

а) общетюркскими являются названия пшеницы, ячменя, проса: *будай* «пшеница»; АКК, БА, кар., кум. *будай*; МК, Ибн-М, тур., туркм., уйг. *бугъдай*; КК, Абу-Х, АКБ *богъдай*; алт., кирг., гаг. *буудай*; башк. *бозай*; тат. *бодай*; ног. *бийдай*; каз., кк. *бидай*; аз. *бугъда*; хак. *пугъдай*; узб. *бугъдой*;

арпа «ячмень»: АКБ, АКК, КК, Ибн-М, МК, БА, Абу-Х *арпа*; алт. *арба*; аз., башк., гаг., каз., кар., кк., кум., крм., кирг., тур., туркм., тат., узб., уйг. *арпа*; чув. *урпа*;

¹ Примеры из всех языков и письменных памятников даются в карачаево-балкарской орфографии. Там, где это возможно, примеры записаны в соответствии с орфографией того или иного языка. Названия источников полностью приводятся в библиографии.

тары «просо»: АКК, КК, Абу-Х, башк., кбл., каз. кк., кар., крм., ног., тат. тары; МК, Ибн-М тарыгъ; алт. тару; аз., туркм. тур., гаг. дары; кирг. таруу; узб. тарикъ; уйг. теригъ; къара будай «рожь»: кум., къара будай; ног., кк. къара бийдай; каз., къара бидай; кирг. къара буудай, уйг. къара бугъдай;

б) общетюркским для зернобобовых является название гороха: АКК, МК, Абу-Х, кбл., кум. бурчакъ, каз., ног., кк. буршакъ; кирг., тур. бурчак; башк. борсакъ; тат. борчак; алт. мырчакъ; уйг. пурчакъ.

2. Термины — названия прядильных или волокнистых культур:

кендир «конопля»: Абу-Х, КК, БА, алт., каз., кум., тур., ног., кирг., кк. кендир; АКК, хак. киндир; башк., тат. киндер; уйг. кэндир; чув. кантар.

Имеются специальные термины для обозначения весенних и осенних посевов:

жазлыкъ «яровой»: аз. язлыг; каз., кирг., жаздыкъ; кум., ног. язлыкъ; башк. язгъы; кк. жазлыкъ; туркм. йазлык; уйг. язлыкъ;

кюзлюк «озимый»: аз. кюзлюк; узб. кузги; кирг., каз., кюздик; кк. гюзлик; ног. кюзлик; гаг. гюзлюк.

3. Термины — названия бахчевых культур:

хауун/хууан «дыня»: Абу-Х, Ибн-М кавун; АКК, БА, кум. къавун; башк., каз., кк. къаун; тат., ног. кавын, КК каун; туркм. гавун; кирг. коон; узб. къовун, МК къагъун;

къаб «тыква»: балк. диал. хыяр, карач. диал. только къаб; в других тюркских языках: къабакъ или ашкъабакъ с их вариантами: АКК, МК, БА, башк., кум., туркм., крм. къабакъ; КК кабук; туркм., гаг., ног., кабак; каз., кк. аскъабакъ; кирг. ашкабак; узб. ашкъовокъ; уйг. къаба.

4. Тютюн «табак» употребляется только в нескольких языках: азерб., тур. тютюн; ног. тютин.

5. Термины — названия плодовых растений. Во многих тюркских языках названия фруктовых деревьев являются сложными словами. В них первый компонент название фрукта, второй — слово со значением «дерево»: алма терек «яблоня»; кум., ног. алма терек. В других языках вместо терек «дерево» употребляется агъач: аз. алма агъачы; кирг. алма жыгъачы; каз., кк. алма агъашы; башк. алмагъас; тат. алмагъач; тур. елма агъаджы; чув. улмусси.

По этому типу образованы названия многих фруктовых деревьев в карачаево-балкарском, кумыкском, ногайском, татарском и турецком языках: кбл. кертме терек «груша»; кум. гъармут терек; ног. кертне терек; тат. груша агъачы; тур. армут агъаджы.

6. Термины — названия плодов растений. В карачаево-балкарском языке плод обозначается словом *бюртюк* «плод», «зерно» (зерновых культур) и *жемиш* «плод» (остальных растений). Эти слова в тех же значениях употребляются и в других тюркских языках. *Жемиш* обозначает не только «плод», но и «фрукт». Оба значения этого слова встречаются и в тюркских письменных памятниках: КК, МК, Абу-Х, БА, АКК *йемиш*; в современных языках: башк. *емеш*; кк. *жемис*; кум. *емиш*; кирг. *жемиш*; ног. *емис*; тат. *джимеш*; кар. *йемиш*; крм. *емиш*; тур. *йемиш* употребляется только в значении «фрукт»; чув. *симес* означает только «плод»; *бюртюк*: Абу-Х., кум., кар. *бюртюк*; башк., тат., *бёртёк*; ног. *бюртик*.

Термины — названия фруктов и ягод: слово *алма* «яблоко» почти во всех языках имеет данную форму, ср., однако, чув. *улма*;

жюзюм «виноград» в соответствующих фонетических вариантах имеется почти во всех языках: КК, БА, АКК *йюзюм*; МК, Абу-Х, Ибн-М, аз., кум., туркм., тур., гаг., уйг. *юзюм*; каз., кк. *жюзим*; кирг. *жюзюм*; тат. *йёзем*; башк. *йёзём*; узб. *узум*; ног. *юзим*;

кертме «груша» в нескольких языках употребляется (АКК, КК, Абу-Х) в значении «яблоко», кар. *гертмя* и ног. *кертпе* «груша»;

эрик «слива»: тур., гаг. *ерак* «слива», аз. *эрик*; кум. *эрик* (род алычи); в других языках это слово означает «абрикос»,

къара эрик «чернослив»: каз. *къара ёрик*; кирг. *къара ёрюк*; кк. *къарели*;

чертлеуюк «орех» употребляется в кыпчакской группе языков. КК *чотлаукъ*; БА *шетлевюк*; АКК *четлейюк*; Абу-Х *четлевюк*; крм. *чертлевюк*; тат. *чиклэвек*; кар. *четлявюк*; башк. *сэтлеуэк*; ног. *шетлевик*; кум.; *чертлевюк*;

жилек «земляника»: кум. *жилек*; тур. *чилек*; аз. *чиеээлек*; башк. *къайын елэге*; тат. *къаен джилэге*.

Термины — названия овощей: *сохан* «лук», имеется в письменных памятниках и в большинстве современных языков; КК *согъан*, *соргъан* МК, БА, Абу-Х, АКК, Ибн-М *согъан*; аз., ног., кум., крм., уйг., тур. *согъан*; башк. *хугъан*; тат. *сугъан*; чув. *сухан*; туркм. *соган*; алт. *согоно*;

сарымсакъ, *сарсмакъ* «чеснок». Это слово более распространено, чем *сохан*, например: КК *сармысакъ*; МК *сармасакъ*; БА Абу-Х, Ибн-М, АКК, каз., тур., кк., тат., ног., кар., кирг., крм. *сарымсакъ*; аз. *сарымсагъ*; кум. *самурсакъ*; башк. *һарымһакъ*; узб. *саримсокъ*; туркм. *сарымсак*;

къозукъулакъ «щавель»: башк. *къузгъалакъ*; аз. *гузугулагы*; узб. *къузгъалакъ*; тур. *кузукулагы*; кк. *къозы къулакъ*; тат. *къузгалак*; ног. *козгалак*; кум. *къозукъулакъ*.

Термины — названия частей растений: *бутакъ* «ветка ветвь»: МК, КК, Абу-Х, Ибн-М., АБ *бутакъ*; аз. *будаг*; алт., тур.

буда́к; башк. *ботак*; каз., кум., *бута́къ*; аз. *будаг*; алт., тур. *буда́к*; башк. *ботакъ*; каз., кум., *бута́къ*; кк., уйг. *пута́къ*, кирг., пог., кар. *бута́к*; тат. *ботак*; узб. *бутокъ*; крм. *пытакъ*;

саба́къ «стебель», *че́п* «былинка», «травинка»: башк. *һа-бакъ*; каз., кирг., *сабак*; ног., тат. *сабак*; аз. *саплаг*; тур., хак. *сап.*; кум., *саппакъ*; *че́п* «былинка»: аз. *че́п*; ног. *ше́п*; узб. *чуп*; алт., кирг., уйг. *че́п* «трава»;

тамы́р «корень», употребляется в большинстве современных тюркских языков: алт., башк., каз., кк., кирг., ног., тат., *тамы́р*; кум. *тамур*; туркм. *дамар*; узб. *томир*; чув. *тымар*;

чапыра́къ/джапыра́къ «лист»: КК *йабулдракъ*; МК, Ибн-М *йапу́ргъакъ*; Абу-Х, БА *йапракъ*; алт. *йалбырак*; аз. *ярпаг*; каз., кк. *жапыра́къ*; кирг. *жалбыра́къ*; кум. *япыра́къ*; узб. *япрокъ*; туркм., гаг. *йапрак*; башк. *япракъ*; туркм. *япрак*; крм. *йапракъ*; ног. *япырак*, тат. *яфрак*; кар. *йапырак*;

кѣ́абукъ «кора, кожура, скорлупа, оболочка»: КК *кабук*; БА *кабук*; Абу-Х *кабук*; аз. *габыч*; алт. *кабага*; башк., каз., кк., крм. *кѣ́абыкъ*; кум. *кѣ́абукъ*; туркм. *габык*; тур., кар. *кабук.*; ног., тат., кирг. *кабык*; хак. *хабых*; чув. *хупа*;

кѣ́ууукъ/кебек «полова»: башк. *кѣ́зэк*; тат. *кибэк*; ног. *ке-бек*;

урлу́къ «семья»: КК, БА *урлу́къ*; МК, Ибн-М *уругъ*; АКК, Абу-Х *урлугъ*; башк. *орлок*; кум. *урлу́къ*; ног. *урлык*; тат. *ор-лык*; каз., *урыкъ*; кк. *урыкъ*; кирг. *урук*; узб., уйг. *уругъ*; чув. *варлах*;

чечек/чи́чек «цветок»: КК, АКК, Ибн-М *чечек*; БА, Абу-Х *чи́чек*; МК *чэ́чек*; алт., кум., тув., чув. *чечек*; аз. *чи́чек*; башк. *сэ́скэ*; тур., гаг. *чи́чек*; узб. *чечек*; уйг. *чечэк*; ног. *шешекей*; тат. *чэ́чэк*; кар. *чечяк*; каз. *шешек*;

кѣ́ылчы́къ «ость» (у злаков): аз. *гылчы́к*; каз. *кѣ́ылкѣ́ан*; кк. *кѣ́ылшы́къ*; кирг. *кылкан*; кум. *кѣ́ылчы́къ*; башк. *кѣ́ылсы́къ*; тур., тат. *кѣ́ылчы́къ*, ног. *кылав*; чув. *ха́лчак*;

кѣ́ын «стручок» имеется в нескольких языках: аз. *гын*; кум. кум. *кѣ́ын*; туркм. *гын*; ног. *кѣ́ын*;

ѣ́зек «ядро», сердцевина, стержень»: МК *ѣ́з*; БА, *ѣ́зек*; тур, гаг. *ѣ́з* узб. *узак*.

Название хмеля *хумаллак/хумеллек* «хмель» встречается в нескольких языках: башк. *кѣ́омалакъ*; каз. *кѣ́улмакъ*; тат. *кол-мак*; алт. *кумлак*; чув. *хамла*.

Термины — названия сельскохозяйственных орудий, ин-вентаря и инструментов: *тырнаууч* «борона»: алт. *тыр-мууш*; АКК *тырмавуч*; БА, каз., кк., тат., башк., *тырма*; кум., крм., кар. *тырнавуч*; ног. *тырnavыш*; тур. *тырмык*;

чалгѣ́ы «коса»: башк. *салгѣ́ы*; каз., кк. *шалгѣ́ы*; кум., кирг., кар., крм., узб. *чалгѣ́ы*; туркм., тат. *чалгы*; ног. *шалгѣ́ы*; уйг. *чалгѣ́а*;

кюрек «лопата»: КК, Абу-Х, АКК, БА, каз., кум., ног., тур.,

кар. *кюрёк*; башк. *кёрёк*; кк. *гюрек*; кирг. *кюрёк*; тат. *кёрэк*; крм. *курек*; уйг. *кюрёк*; узб. *курак*; хак. *кюрчек*; аз. *кюрэк*;

оракъ «серп»: МК, Ибн-М, уйг. *оргъакъ*; БА, кум., кк., каз., крм., ног. *оракъ*; алт. *оргок*; АКК, башк., тат. *уракъ*; кирг. *орок*; тур., туркм., кар. *орак*, хак. *оргъакъ*;

сенек «вилы»: КК *сенек*; башк. *һәнек*; кум., ног. *сенек*; каз. *сэнек*; тат. *сэнэк*;

бычхы «пила»: КК *бычкы*; БА *бычкы*; АКК *бычку*; аз. *бычгы*; кум. *бычгъы*; кар. *бычкъы*; башк. *быскъы*; кк, тат. *пычкы*; ног. *пышкы*, тур. *бычкы*;

чёгюч «молоток»: КК *чакъуч*; БА, Абу-Х *чёкюш*; Ибн-М *чёкич*; АКК *чёкюч*; МК *чёкюк*; аз. *чэкидж*; башк. *сюкеш*; тур., туркм. *чёкич*; кар. *чёкюч*; кк. *шёккиш*; крм. *чёкюч*; ног. *щёкиш*; тат. *чюкеч*;

боюнсха «ярмо» встречается в нескольких языках кыпчакской группы: кум. *боюнса*: кар. *бойунса*; крм., ног. *мойса*;

билеу «точило», «брусок»: КК *билев*; Абу-Х *билеву*; МК *билегю*; аз. *билёв*, кум., ног., *билев*; каз. *билеу*; тат., башк. *беләу*; туркм. *билэв*; уйг. *билэу*; хак. *пилё*;

сап «ручка, рукоятка, черенок»: МК, Абу-Х, БА, алт., аз., гаг., кк., кум., каз., кирг., тур., туркм., тат., ног., узб., уйг., хак. *сап*, башк. *һап*;

сюйретме «волокуша»: баш. *һейретке*; кум., ног. *сюйрев*; тат. *сейрэткеч*;

арыш «дышло»: кум., крм., *арыш*; кк., ног. *арыс*;

аркъан «веревка»: каз., кум., башк., кк., уйг. *аркъан*; кар. *ёркян*; ног., тат. *аркан*; чув. *арккан*;

жип «веревка» (из кожи): каз. кк., *жип*; кум. *йип*; аз., гаг., тур. *ип*.

Термины — названия сельскохозяйственных угодий: *жер* «земля»: *йер*: КК, МК, Абу-Х, БА, АКК *йер*; аз., кум., ног., башк., тур., турк. крм., узб., *уйгер*; кар. *йер*; каз., кк., кирг. *жер*; тат. *жир*; алт. *дьер*; тув. *чер*; хак. *чир*.; чув. *чёр*; як. *сир*;

биченлик «луг, сенокос»: КК *биценлик*; кум. *биченлик*; кар. *бичянлик*; кк., крм., ног. *пишенлик*;

кюлте «сноп»: КК *кюлтебег*, БА *кюлте*; башк. *кёлтё*; кум., ног. *кюлте*; кар. *кюльте*; тат. *кёлте*; чув. *кёлте*;

бичен «сено»: КК *бицен*; алт. *бычан/пычан*; аз. *бичәнэк*; башк. *бэсэн*; кум. *бичен*; кирг. *бычан*; кк., крм., ног. *пишен*; кар. *бичян*; тат. *печән*; уйг. *пичәнэ*;

гебен «стог»: КК *кебен*; башк. *кэбән*; кум. *гебен*; крм. *кебен*; тат. *кибән*;

ындыр «ток»: кар., ног., тат. *ындыр*; кум. *ындыр*;

суууруу «веяние»: каз. *суырыу*; кум. *сувурув*; ног. *сувырыв*; тат. *ашлыкъ суырыу*; туркм. *совурма*; узб. *совуриш*; кк. *суууруу*; аз. *совурма*.

Термины — названия тяглового скота, насекомых

и др.: *ат* «лошадь»: эта форма употребительна в письменных памятниках и во всех современных языках, ср. узб. *от*; чув. *ут*;

ёгюз «вол, бык»: КК, Абу-Х, АКК. кар., кум., кирг., крм. *ёгюз*; Ибн-М, БА, тур., туркм., аз., гаг. *ёкюз*; каз., кк., ног. *югюз*, башк. *эш югез*; тат. *югез*; узб. *хукиз*; уйг. *хёкюз*; як. *ат югюс*; чув. *вакар*.

чычхан «мышь»: алт. *чычкан*; башк. *сыскѳан*; кум. *чычѳан*; кк., каз. *тышкѳан*; кар. *шычан*; ног. *шышкан*; тат. *тычкан*; тур., туркм. *сычан*, узб. *сичѳон*; уйг. *чачѳан*;

кюе «моль»: МК, БА, *кюе*; АКК *кюбе*; Ибн-М *кюев*; аз. *кю-ве* ног. *кюе*, башк. *кёйэ*; алт., каз., кк. *кюйе*; тат. *кёя*; кар. *гювя*; тур. *кюве*; чув. *кюве*;

бюрче «блоха»: КК, Абу-Х, АКК *бюрче*; БА *пюрше*; МК *бюрге*; аз. *бюрге*, башк. *бёрсэ*, кум., крм. *бюрче*, каз., кк. *бюрге*, кар. *бюрчэ*, тат. *борча*; тур. *пирег*, туркм. *бюре*; ног. *бюрше*, чув. *парса*;

гегенек||*гёбелек*||*гегелекке* «мотылек, бабочка»: алт. *кёбелек*; аз. *кэпенек*, башк., тат. *кюбэлэк*; кум. *гюбелек*, *гёбелек*; гаг., тур. *кёбелек*; кк. *гюбелек*; уйг. *кёпилэк*;

кемириучю «грызун»: аз. *кемиридѳи*; башк. *кимереусе*; кар. *кемириѳчю*; кк. *кемириѳи*, каз. *кемиргиштер*; кирг. *кемиргич*; ног. *кемирюѳи*; тат. *кемирюче*; тур. *кемирген*; узб. *кемириѳчи*;

кѳурт-кѳумурсха «насекомое»: каз., узб. *кѳурт-кѳумурскѳа*; кк. *кѳурт-кѳумурскѳа*; ног. *курт-кумырсха*.

Термины — названия природных явлений: *жауун/жангур* «дождь»: КК *йамгур*; МК, Абу-Х, Ибн-М *йамгѳур*, алт. *йангмыр*; башк. *ямгѳыр*; каз. *жауун*; кк. кирг. *жамгѳыр*; кум. *янгур*; ног. *ямгыр*; тат. *янгыр*; тур. *йагѳмур*; туркм. *ягмыр*; узб. *ёмгыр*; уйг. *ямгур*, чув. *сумар*;

буз «град, лед»: в значении «град» употребляется в башк. *боз*; уйг. *муз*, чув. *пар*, як. *муус*; в остальных языках обозначает лёд: КК, Абу-Х, Ибн-М, БА АКК *буз*; аз., кум., ног., кар., крм., тур., туркм. *буз*; башк. *боз*; каз., кк., кирг., узб., уйг. *муз*; тат. *боз*; хак. *пус*; чув. *пар*; як. *муус*;

кѳар «снег»: КК, МК, Абу-Х, АКК, БА, алт., башк., каз., кк., кирг., кум., ног., тат., уйг. *кѳар*; крм., кар. *кѳар*; аз., туркм. *гар*; тур. *кар*; узб. *кѳор*;

кѳырау «иней»: МК *кѳырагѳу*; КК *кѳырау*; БА, кум., крм. *кѳарав*; тат. *кырау*; тув. *хыраа*; тур. *кырагы*; туркм. *гырав*; узб. *кѳиров*; уйг. *кирав*; хак. *хиро*; шор. *кыраа*; як. *кыраа*;

кѳургѳакѳлыкѳ «засуха»: аз. *гураглыг*; башк. *кѳоролок*; уйг., кк. *кѳургѳакѳлыкѳ*; каз. *кѳургѳакѳшылыкѳ*; кирг. *курукиѳулук*; гаг. *курак*; ног. *кургаклык*; тат. *корылык*; туркм. *гурѳакѳлыкѳ*; узб. *кѳургѳокѳчилик*.

Термины, связанные с орошением: *арыкѳ* «арык»: МК,

АКБ, арыкъ; башк., каз., кк., туркм. *арыкъ*; тат., кирг., ног. *арык*, тур. *арык*; узб. *арыкъ*.

сугъарыу «орошение, полив, поливка»: аз., туркм. *суварма*; алт. *сугарыу*; башк. *һугъарыу*; каз. *суарыу*; кум. *сугъарыв*; кар., ног. *сугъарув*; кк. *суугъарыу*; кирг., тат. *сугару*; туркм. *суулама*; уйг. *сугъуруш*; узб. *сугъориш*; чув. *шавару*.

Термины — названия почвы, процессов ее обработки, созревания и уборки урожая: *топуракъ* «почва, земля: это слово в значении «почва» употребляется: аз. *топраг*; алт. *тобрак*; башк. *тупракъ*; каз., кк., кум. *топуракъ*; гаг. *топрак*; кар. *топрак*; кирг. *топурак*; крм. *топракъ*; ног. *топырак*; тат. *туфрак*; туркм. *топрак*; уйг. *топа*; узб. *тупрокъ*; хак. *тобырак*; чув. *тапра*; туркм. *топрак*;

къара топуракъ «чернозем»: аз. *гара топраг*; башк. *къара тупракъ*; каз., кк. *къара топыракъ*; алт. *къара тобрак*; кум. *къара топуракъ*; кирг. *кара топурак*; ног. *кара топрак*; тат. *кара туфрак*; уйг. *къара топа*; узб. *къара тупрокъ*; чув. *хура тапра*;

сюрюу «вспашка»: башк. *һёреу*; кум. *сюрюв*; кк. *сюриу*; ног. *сюрюв*; тат. *сёру*, тур. *сюрме*; туркм. *сюрюм*; кар. *сюрюв*;

жумушатыу «рыхление»: каз., кк. *жумсартыу*; кум. *йымышатув*; башк. *йомшартыу*; кирг. *жумшартыу*; ног. *юмсартув*; тат. *йомшартыу*; тур. *йумушатма*; узб. *юмшатыш*;

ашау «удобрение»: башк. тат. *ашлама*;

кюл «зола»: МК, Абу-Х, БА, аз., алт., каз., кирг., кум., кк., ног., тур., туркм., хак. *кюл*; башк., тат. *кёл*; узб. *кул*, чув. *кел*;

жыйыу «уборка»: башк. *йыйып алыу*; аз. *йыгъым*; кум. *жый-ыв*; каз., кк. *жыйнау*, тат. *джыю*; уйг. *жигъыш*;

оруу «жатва»: кк. *ору*, кирг. *оруу*, кум. *оракъ орув*, кар. *ормак*, ног. *орув*, тат. *уру*; туркм. *орум*, алт. *оргун*; уйг. *орма*, чув. *вырни*;

бишиу, жетиу «созревание»: башк. *бешеу, етешеу*; каз. *писип жетисиу, жетиу*; кум. *бишив, етив*; кк. *писиу*; ног. *писюв*; тат. *джиту*; узб. *пишиш*;

бишген, жетген «зрелый»: алт. *бышкан*; аз. *йетишмиш*; башк. *бешкен*; каз., кк. *пискен, жетискен*; кум. *бишген, етишген*; кирг. *бышкан*; ног. *пискен*; тат. *пешкэн*; узб. *пишген, етилген*.

Таким образом, уже приведенные данные показывают, что основу земледельческой терминологии карачаево-балкарского языка составляет общетюркская лексика, причем преобладающее большинство терминов соответствует лексическим единицам древнетюркских письменных памятников. В целом же земледельческая терминология карачаево-балкарского языка состоит из общетюркского пласта, собственно карачаево-балкарских слов и заимствований из других языков, прежде всего из русского.

- Акылбекова 1966: *Акылбекова З.* Арабизмы...—Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири. Фрунзе, 1966.
- Ахманова 1969: *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
- Ахунзянов 1968: *Ахунзянов Э.* Русские заимствования в татарском языке. Казань, 1968.
- Баскаков 1961: *Баскаков Н. А.* Современное состояние терминологии в языках народов СССР.—«Вопросы терминологии», М., 1961.
- Баскаков 1962: *Баскаков Н. А.* Состав лексики каракалпакского языка и структура слова.—«Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», IV. Лексика. М., 1962.
- Баратов 1971: *Баратов Ш.* Профессиональная лексика уйгурского языка. Автореф. канд. дис. Алма-Ата, 1971.
- Бозиев 1965: *Бозиев А.* Словообразование имён существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1965.
- Будагов 1965: *Будагов Р. А.* Введение в науку о языке. М., 1965.
- Булаховский 1953: *Булаховский Л. А.* Введение в языкознание, ч. II. М., 1953.
- Владимирцов 1929: *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и калхаского наречия. Л., 1929.
- Головин 1973: *Головин Б. Н.* Введение в языкознание. М., 1973.
- Дёрфер 1965: *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Veröffentlichungen der orientalischen Kommission. Bd. 19, 2. Wiesbaden, 1965.
- Егоров 1964: *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
- Егоров 1971: *Егоров В. Г.* Современный чувашский литературный язык. Чебоксары, 1971.
- Ефремов 1961: *Ефремов Л. П.* Лексическое и фразеологическое калькирование.—«Труды САМГУ им. А. Навои. «Вопросы фразеологии», вып. 108. Самарканд, 1961.
- Калинин 1971: *Калинин А. В.* Лексика русского языка. М., 1971.
- Каримходжаев 1970: *Каримходжаев Ш.* Вопросы изучения терминов земледелия в каракалпакском языке. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1970.
- Мусаев 1964: *Мусаев К. М.* Грамматика караимского языка. М., 1964.
- Нурмухамедова 1971: *Нурмухамедова.* О лексическом и фразеологическом калькировании.—«Лингвистический сборник». Ташкент, 1971.
- ОИБН 1961: Очерки истории балкарского народа. Нальчик. 1961.
- Поппе 1960: *Poppe N. N.* Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil 1, Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960.
- Преле 1914—1915: *Prohle W.* Balkarische Studien. I. Keleti Szemle, t. XY. Budapest, 1914—1915.
- Радлов 1887: *Radloff W.* Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus. St.-Petersburg, 1887.
- Рамстедт 1957: *Рамстедт Г. И.* Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
- Реформатский 1967: *Реформатский А. Н.* Введение в языковедение. М., 1967.
- Рясенен 1969: *Rasanen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Lexica Societatis Finno-Ugricae, XXII, I. Helsinki, 1969.
- Санжеев 1960: *Санжеев Г. Д.* Современный монгольский язык. М., 1960.
- Саруева 1959: *Саруева М. Ф.* Некоторые приемы образования терминов в современном ногайском языке.—«Сб. трудов КЧГПИ». Нальчик, 1959.
- Суюнчев 1968: *Суюнчев Х. И.* Карачаево-балкарско-монгольские лексические параллели. Черкесск, 1968 (рукопись канд. дис.)
- Хаджилаев 1970: *Хаджилаев Х. М.* Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970.
- Шанский 1972: *Шанский Н. М.* Лексикология современного русского языка. М., 1972.

Шанский и др. 1971: Шанский Н. М., Иванова В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.
 Юнусалиев 1959: Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология, ч. I. Фрунзе, 1959.
 Баранов 1957: Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. М., 1957.
 ПРС 1960: Персидско-русский словарь. М., 1960.

Русско-азербайджанский словарь. т. I и II. Баку, 1955.
 Русско-алтайский словарь. М., 1964.
 Русско-башкирский словарь. М., 1964.
 Русско-казахский словарь. М., 1954.
 Русско-карачаево-балкарский словарь. М., 1965.
 Русско-каракалпакский словарь. М., 1967.
 Русско-киргизский словарь. М., 1957.
 Русско-кумыкский словарь. М., 1960.
 Русско-ногайский словарь. М., 1956.
 Русско-татарский словарь. Т. I—IV. Казань, 1955—1957.
 Русско-туркменский словарь. М., 1956.
 Русско-узбекский словарь. М., 1954.
 Русско-хакассский словарь. М., 1961.
 Русско-чувашский словарь. М., 1971.
 Гагаузско-русско-молдавский словарь, М., 1973.
 Уйгурско-русский словарь. М., 1939.
 Узбекско-русский словарь. М., 1959.

Источники с принятыми сокращениями

АКБ — Боровков А. К. Лексика среднеазиатского тefsира XII—XIII вв. М., 1963.
 АКК — Курьшжанов А. К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата, 1970.
 АФ — Мелиоранский П. С. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900.
 КАР — Мусаев К. М. Грамматика карaimского языка. Фонетика и морфология. М., 1964.
 МК — Абдурахманов Г. и Муталлипов С. Девону лугат турк. Индекс. Ташкент. 1967.
 ОСТН — Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. I—IV. СПб., Изд. 2. М., 1963.
 БА. — Atalay B. Ettühiet-uz-Zekiyye fil Lugat-it-Türkiyye. Istanbul, 1945.
 Ибн. М — Battal A. Übnü-Muhenna Lugat (Istanbul nüshasinin türkce bölümünün endeksidir). Istanbul, 1934.
 Абу-Х — Caferoglu A., Dr. Abu-Hayyan. Kitab al-idrak li-lisan al-Atrak. Istanbul, 1931.

Список сокращений

аз./азерб.— азербайджанский
 алт.— алтайский
 арабск.— арабский
 башк.— башкирский
 греч.— греческий
 каз.— казахский
 кар.— карaimский
 к.-балк/кбл.— карачаево-балкарский
 кирг.— киргизский
 к-калп./кк.— каракалпакский
 кум.— кумыкский

монг.— монгольский
 ног.— ногайский
 тат.— татарский
 тур.— турецкий
 туркм.— туркменский
 тюрк.— тюркский
 узб.— узбекский
 уйг.— уйгурский
 хак.— хакассский
 чув.— чувашский

НЕКОТОРЫЕ ТАБУ И ЭВФЕМИЗМЫ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Табу и эвфемизмы в карачаево-балкарском языке до сих пор не были предметом специального исследования. Предпринятая нами попытка тоже не дает исчерпывающего ответа на данный вопрос. Мы хотим лишь охарактеризовать некоторые табу и эвфемизмы.

Само разграничение понятий «табу» и «эвфемизм», как отмечает Лауде-Циртаутас, представляет значительные трудности ввиду того, что эти понятия взаимопереходные. «То, что в наше время воспринимается как эвфемизм,— отмечает она,— нередко восходит к табу далекого прошлого» (1976 : 72). Многие ученые не проводят четкого разграничения между табу и эвфемизмами (Пей 1963 : 214). Однако В. Хаверс, например, четко разграничивает их: «лингвистическое табу присутствует лишь там, где религиозные верования или суеверия запрещают употребление обычных слов и выражений, и ... различие между лингвистическим табу и эвфемизмом связано исключительно с этим мотивом» (1946 : 19). Такого же мнения придерживаются Л. Леви-Брюль (1930), Д. Фрезер (1928) и др.

С этим положением Хаверса можно согласиться отчасти, так как табу и эвфемизмы, возникая вначале на религиозной основе, потом постепенно теряют сакральную мотивировку и становятся обычаями, традициями, почитаниями и др..

В этом вопросе мы склонны придерживаться, как и Б. Х. Бражноков (1978 : 117), мнения Э. Дюркгейма, который видит в явлениях табу и эвфемизмов определенный этап в развитии культуры того или иного народа. Свою точку зрения он обосновывает: 1) относительностью понятия «суеверие»; 2) его позитивным характером, в данном случае оно выступает как обычай, как специфически человеческое представление о предпочтительных формах поведения, выполняющих функции передачи культуры, социального контроля, социальной интеграции; 3) пресмысленностью суеверий, представляющих собой исторически определенный этап в развитии культуры, в частности, представлении о нормах поведения, что связано с соблюдением тех или иных запретов в коммуникативном поведении.

Таким образом, табу и эвфемизмы возникли вначале как запрет на религиозной, суеверной основе, с течением же времени

они секуляризировались, превратившись в разного рода обычаи, традиции, почитания.

Само слово табу означает в полинезийском языке «категорический запрет на религиозной основе» (Ляликов, Токарев 1970 : 117).

Система табу в ранней стадии любого общества носила характер сакральных норм и ограничений, среди которых запрет на произнесение имен вождей, королей, на употребление отдельных видов пищи, убой отдельных животных и т. д. Конечно, табу в теперешних условиях претерпели значительные изменения: потеряв свою сакральную мотивировку, теперь они стали частью культурных ценностей. Свидетельством этому могут служить и эвфемизмы карачаево-балкарского языка, которые в большинстве своем, потеряв сакральную мотивировку, преследуют цель нравственного и социального порядка. Табу и эвфемизмы карачаево-балкарского языка связаны почти со всеми сторонами жизни общества, т. е., как отмечает И. Лауде-Циртаутас: «С раннего детства и до самой смерти каждого человека общество регламентирует то, что ему говорить следует, и что — нет, или что может быть названо им прямо, своим именем, а что — иносказательно» (1976 : 73).

Хотя табу и эвфемизмы имеют общее значение, заключающееся в замене какого-нибудь имени, они имеют и различия между собой. Табу — это запрет, а эвфемизм — замена одних слов другими, более смягчающими.

Рассмотрим некоторые табу и эвфемизмы карачаево-балкарского языка в сравнении с другими тюркскими и нетюркскими языками.

ТАБУ И ЭВФЕМИЗМЫ — НАЗВАНИЯ ЯВЛЕНИЙ ПРИРОДЫ, БОЛЕЗНЕЙ, ЗЛЫХ ДУХОВ

У балкарцев и карачаевцев при затмении солнца, луны употребляют выражения *кюн тутулду* «солнце затмилось» (букв. «солнце поймалось»), *ай тутулду* «луна затмилась» (букв. «луна поймалась»). Существует поверье, согласно которому злой дух — *желмауз* «обжора, поглощающий солнце и луну», начинает поедать солнце или луну, когда стража, их охраняющая, спит. Чтобы разбудить стражу, люди выходят на улицу, кричат, стреляют. Когда затмение проходило, люди думали, что это они разбудили стражу, и она отогнала «желмауза»; при этом запрещалось произносить его имя, а оно заменялось эвфемизированными словами (*хайырсыз* «бесполезный, негодный, проклятый» и др.): *Ол хайырсыз кюнню ашап къоя эди да* «Этот проклятый чуть не съел солнце». Слово *хайырсыз* может относиться и к другим явлениям и даже к людям, что выявляется из контекста, ситуации. Это явление отмечается у других тюркских народов — у казахов, киргизов, узбеков, кумыков, ногайцев и др.

Если солнце скрыто облаками, карачаевцы и балкарцы говорят: *кюн бутхузду* // *мутхузду* «солнце пасмурное», у казахов употребляют выражение «*kün tynsydy*» «солнце в покое» КТТД 1963 : 276).

В значении «гром» в карачаево-балкарском языке употребляется слово *элия* от Илия-громовержец. Ср. также *элия къурукъ* «громоотвод» (букв. «столб элия»). Использование в качестве табу заимствованного слова наблюдается довольно часто. По этому поводу И. Лауде-Циртаутас замечает, что «заменяющие слова заимствуются не только из тюркских языков: чужезычному слову, далекому по значению от заменяемого, отводится в данном случае особенно важная эвфемистическая роль» (1976 : 73). Таким же способом образовано слово, означающее радугу: *тейри къылыч*, букв. «меч тейри», *тейри* «бог неба, солнца» (Климович 1973 : 4). Это слово и сейчас употребляется в значении радуги, но давно перестало быть сакральным.

Займствованные слова особенно активно используются при обозначении злых духов, демонов, которых нельзя называть прямо, ибо, согласно поверью, принимая различные обличья, они могут являться к людям и творить зло. Ср. кбл. *жин* // *джин* «злой дух», узб., каз., кирг. *zin, zyn* (из араб.); кбл. *ибилис* «демон», узб. *iblis*, каз. *ybylys* (из араб., греч.), кбл. *шайтан* «дьявол», каз., кирг., узб. *sajtan* (из араб.); кбл. *алмосту* «страшный демон», каз. *albasty*, кирг. *albarsty* (из перс.). Для всех злых духов есть общее название *атайтмаз* букв. «имя которого нельзя произносить». Ср. также кбл. *маму* «страшилище», узб. *мома* «старуха» (Исмагуллаев 1964 : 7).

В карачаево-балкарском языке очень широко использовались табу для названий различных тяжелых болезней, таких, как холера, чума, оспа и др., которые уносили много человеческих жизней. Запрещалось произносить их названия вслух, ибо духи этих болезней могли появиться и покарать говорящих. Для всех этих болезней — *эмина* «холера», *талау* «чума», *чечек* «оспа» и др. — имеется общее название *ит ауруу* «собачья болезнь», *хужу ауруу* «проклятая болезнь», *атайтмаз ауруу* «болезнь, которую нельзя назвать». Как видно, в карачаево-балкарском языке употребляется древняя тюркская форма слова «болезнь» — *aqry*, в отличие от турецкого и узбекского, в которых слова «болезнь», «больной» в собственном значении не употребляются, а употребляется соответственно — тур. *hasta + lik* (из араб.), узб. *sal + lik* (из араб.), *bemor + lik* (из перс.) (Лауде-Циртаутас 1976 : 76).

В старинной карачаево-балкарской народной песне о Бийнёгере поется так:

Гежох улу да ол жигит туугъан, Бийнёгер,

Эрле ичинде да махталып келген батыр эд.

Тамата къарындашынг ол ит ауруудан ауруйду.

Анга жарарыгъ а — акъ маралны сютюдю (МХЖ 1962 : 40)

«Сын Гежох, рожденный богатырем, Бийнёгер,
Среди героев имя твоё славится.
Старший брат твой болеет собачьей болезнью.
А поможет ему только молоко белой лани».

Следует отметить, что названия почти всех болезней в современном карачаево-балкарском языке являются заимствованиями из русского языка: *рак, туберкулез, диабет, грипп, бруцеллез* и др. Ср. также *тели ауруу* «сумасшествие» (букв. «дурная, глупая болезнь», часто заменяющееся словами *акъылдан шайханды* «с ума спятил», *акъылдан тайганды* «сошел с ума» и др.

О человеке не в духе говорят *эчкиле къаядан акъдыла* букв. «козы полетели с горы» и т. д.

ТАБУ И ЭВФЕМИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «РОДЫ», «РЕБЕНОК», «СМЕРТЬ»

Рождение ребенка для всех народов во все времена было большой радостью. В карачаево-балкарском языке для обозначения акта рождения употребляются и прямые слова—*къозлады* «родила», *тууду* «родилась, родился», но вместо них употребляются слова эвфемизированные: *тапды* букв. «нашла», *къутулду* букв. «освободилась» и др. Ср. *Сабий тапды* «родила ребенка» букв. «нашла ребенка». При рождении мальчика говорят *таякъчы тапды* букв. «нашла того, кто может держать палку» (т. е. мальчика), *таракъчы тапды* — букв. «родила ту, которая может прясть» (т. е. девочку). О женщине в положении говорят: *ауурду* «тяжелая», *ичине бюртюк тюшгенди* «во внутрь попало семя», *чычхан аугъа тюшгенди* «мышь попала в сети» и др.

Во всех тюркских языках, в том числе и в карачаево-балкарском языке, слово *ёлюм* «смерть» не употребляется в отношении людей, в особенности близких и уважаемых. Здесь употребительны эвфемизированные сочетания: *дуниясын алышханды* «сменил мир» *ауушханды* «перевалил», *жан бергенди* «отдал душу», *къайытмаз жолгъа кетгенди* «ушел в дорогу, откуда нет возврата», *керти дуниягъа кетгенди* «ушел в праведный мир, в рай», *тынчайгъанды* — «успокоился», *сиз кёп жашагъыз* «вы живите долго» и др.

Это явление отмечается еще в памятниках древнетюркской письменности. Так, в орхонских памятниках в честь Кюль Теги-на и Билге Кагана (732, 734 гг. н. э.) о смерти членов семьи автора надписи и об уважаемых им людях говорится в иносказательной форме: *uca bardy* букв. «он улетел», *kārgak bolty* букв. «он стал отсутствующим» (Е. Таубе 1974 : 589). Только по отношению к людям низшего сословия и лошадям употребляется слово *ёл* «умереть». Это отмечается почти во всех тюркских язы-

ках. Ср. туркм. *aragan cyg* букв. «выйти из нашего круга», *gajt-mas zolga attan* «пуститься в путь, откуда не возвращаются» (ЭС 1974: 4), узб. *halog* (из араб.) «гибель, разрушение».

Если человек спрашивает о здоровье кого-то, не зная, что он умер, то на карачаево-балкарском языке ему отвечают так: *сен кѣп жаша* «ты живи долго». Такой этикет принят и в турецком языке: *sizlere ömür (versin)* «да ниспошлет аллах вам и вашей семье долгую жизнь» (Сагастер, Халтог 1965: 99).

ТАБУ И ЭВФЕМИЗМЫ — НАЗВАНИЯ РОДСТВА И ИМЕН ЛЮДЕЙ

В карачаево-балкарском языке очень сильно развито табуирование имен родителей и родителями имен своих детей. Так, для названия родителей, кроме слов *ата* «отец», *ана* «мать», есть еще имена *аття* «папа», *ання* «мама». Слово *аття* заимствовано из греческого языка в исконном значении (Успенский 1967: 605). Мать с отцом тоже не называют своих детей по именам, а дают различные ласкательные названия *жашчыкъ* «парнишка, сынок», *биздегини сабийлери* «дети того, кто живет у нас (т. е. отца, или матери)», *бизни уллу* «наш старший (или старшая)», *бизни гитче* «наш маленький (или маленькая)» и др.

Сильному запрету подвергаются обращения снохи к свекру и свекрови. Она их может называть *аття*, *ання*, но есть и другие формы обращения: *биздегини анасы* «мать того, кто у нас живет» (т. е. мать мужа), *биздегини атасы* «отец того, кто у нас живет» (т. е. отец мужа). Родители мужа тоже не должны произносить имя своей снохи. Они называют ее *келин* «сноха». Однако в знак особого уважения родители мужа могут называть сноху *къызым* «дочка», или же ее собственным именем.

Муж и жена не должны произносить имена друг друга. Они так обращаются друг к другу: *алан* «слушай, алан», *биздеги* «наш (наша)», *бизни сабийлени атасы (анасы)* «отец (мать) наших детей». Формой обращения могут быть и различные прозвища. Причем прозвище настолько за каждым закрепляется, что люди забывают их настоящие имена. Нам пришлось слышать, как в одной семье, проживающей в с. Гунделен, жена называет мужа *Ережиш* (букв. «долговязый») за его стройный высокий стан, *Айжаши* (букв. «Эй, парень»), образованного из междометия *ай+жаши* «парень». И очень немногие помнят его настоящее имя. В этой же семье сноха называет своего мужа *Къарачыкъ* «Черненький» (по цвету лица).

Муж и жена могут называть друг друга по названию местности или района, откуда они родом: *чегемли* — из Чегема, *бах-сакчол* — из Баксана, *дюгерли* — из Дигории, *кѣнденчи* — из Гунделена, *хабазчы* — из Хабаза и др. Кроме того, муж и жена могут называть друг друга по имени рода: *Атакуланы къыз* «дочь Атакуевых», *Жаппуланы жашлары* «сын Джаппуевых», *Будайланы къызлары* «дочь Будаевых» и др.

К братьям и сестрам мужа спиха может обращаться следующим образом: например, к старшему брату мужа — *уллу жаш* «старший парень», к старшей сестре мужа — *уллу къыз* «старшая девочка (дочь)» и т. д.

Имена обычные подвергаются табуированию, если это имя очень вредного или невезучего человека. При встрече с таким человеком из-за суеверного страха путник мог с полпути вернуться назад, боясь, что ему не повезет. Имена таких людей запрещалось произносить, их называют эвфемизированно *атайт-маз* — «тот, чье имя нельзя произносить» и др.

ТАБУ И ЭВФЕМИЗМЫ — НАЗВАНИЯ ДОМАШНИХ И ДИКИХ ЖИВОТНЫХ, ЗВЕРЕЙ

У карачаевцев и балкарцев особенно часто табуировались названия диких зверей, наносивших большой урон животноводству. Произнесение их наименований строго запрещалось. Так, существовало поверье, согласно которому волк мог напасть на стадо того, кто произносит имя волка. У карачаевцев и балкарцев волка называют *жанлы* «имеющий душу», ср. каз., кирг., узб. *жаныуар* тоже «имеющий душу» (Шербак 1961 : 194). В карачаево-балкарском языке точно такому же табуированию подвергается имя змеи, укусы которой часто имели смертельный исход. Так же как и волка, змею называют *жанлы* (*жанлы ийисгеди* «змея понюхала»), конкретизация значения проявляется в контексте или ситуации.

Названия домашних животных табуированию не подвергаются, они лишь получают ласкательные эвфемизированные названия, отражающие строение, цвет, походку, повадки и другие особенности животных: *ёребаш* «длинноголовая» (о корове), *гыдай* «безрогая» (о корове, козе), *къолан* «пестрая» (о корове), *кёк-кёз* «синеглазая» (о собаке), *ёреаякъ* «длинноногая» (о корове, лошади, собаке), *чычхансырт* (букв. «мышинная спина», лошадь определенной масти), *ючаякъ* «треногая» (о лошади), *гылмай* «криворогая» (о корове) и др.

ОХОТНИЧЬЕ ТАБУ

Охотничье табу в карачаево-балкарском языке очень употребительно. Это объясняется тем, что основным средством существования балкарцев была охота и от успеха охоты зависел достаток в доме. Поэтому ритуалу охоты придавалось большое значение. Нарушение ритуала, по поверью, могло принести неудачу. Ритуал строго соблюдался. Строго запрещалось произносить имя бога охоты *Апсаты* и тех зверей, на которые собирались охотиться. Дикие животные называются общим именем *ажаллы* «смертник». В песне, посвященной богу охоты *Апсаты*, имя его ни разу не называется, а обращение к нему идет от вто-

рого лица, и охотники перед тем, как отправиться на охоту, поют эту песню и просят у *Апсаты* послать им удачной охоты.

Приведем отрывок из этой песни:

Танг атады, жаным, жашла, туругъуз!
Ажаллыгъа сауут-саба къуругъуз!
Ажаллынг тюбесин аллыма,
Бермесин душман къаллыма,
Берир болсанг, тыя келгин аллыма (МПА)

«Рассвет близится, вставайте, друзья!
Снаряжайтесь на смертного (зверя).
Пусть встретится он мне,
Я такого не желаю даже врагу,
Если хочешь дать его, гони ко мне».

Как видно из текста, охотник все время разговор ведет с богом охоты *Апсаты*, но ни разу не произносит его имени, не произносится и название животного, на которого собираются охотиться. В этой связи интересно отметить, что имя бога *Апсаты* встречается во многих языках. В частности, в осетинском *Афсати* — божество охоты, в сванском — *Апсат*, — бог, покровитель охоты и охотников, патрон зверей, в адыгейском — *Мезитх* (Абаев 1949 : 300) и в кабардинском — *Апсатхэ* — бог живности, зверей (Коков 1973 : 27).

Само название этого божества, как отмечал Марр, идет с юга, из Фригии и Армении, но его мифологическая сущность — исконно кавказская, возникшая на почве охотничьего быта кавказских народов (Марр 1911 : 827 и сл.)

Таким образом, в карачаево-балкарском языке, как и в других языках, имеются табу и эвфемизмы. Вначале они носили сакральный характер, но постепенно утратили его, превратившись в обозначение обычаев, традиций, пожеланий. В карачаево-балкарском языке, кроме исконных табу и эвфемизмов, есть и заимствованные из других языков. Глубокое изучение этого языкового пласта может пролить свет на многие неразгаданные стороны языка. Табу и эвфемизмы охватывают почти все стороны жизни. Явление табу и эвфемизмов в настоящее время надо рассматривать как развитие культуры в определенный период развития человеческого общества, и это носит универсальный характер.

Библиография

- Абаев 1949: *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949.
Бгажноков 1978: *Бгажноков Б. Х.* Адыгский этикет. Нальчик, 1978.
Дюркгейм 1900: *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Одесса, 1900.
Исмагуллаев 1964: *Исмагуллаев Н.* Эвфемизмы в современном узбекском языке. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1964.

- КТТД 1963: Казак тилинин тарихи мен диалектология сынын мээселери. Алматы, 1963.
- Климович 1973: *Климович*. Исследования по исторической лексике якутского языка. Автореф. докт. дис. Якутск, 1973.
- Коков 1973: *Коков Дж. Н.* Вопросы адыгской (черкесской) антропонимии. Нальчик, 1973.
- Лауде-Циртаутас 1976: *Лауде-Циртаутас И.* К вопросу о табу и эвфемизмах в казахском, киргизском и узбекском языках.—«Советская тюркология», 1976, № 4.
- Ляликов, Токарев 1970: *Ляликов Д., Токарев С.* Табу.—«Философская энциклопедия», т. 5. М., 1970.
- Леви-Брюль 1930: *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930.
- Марр 1911: *Марр Н. Я.* Фрако-армянский Сабазис-асвац и сванское божество охоты.—«Изв. Акад. наук», 1911.
- Пей 1963: *Pei M.* The story of language — A Mentor Press, Second Printig, 1963.
- Успенский 1967: *Успенский Г.* Слово о словах. Л., 1967.
- Фрезер 1928: *Фрезер Д.* Золотая ветвь. М., 1928, вып. 2.
- Хаверс 1946: *Havers U.* Neuere Literatur zum Sprachtabu. Wien, 1946.
- Шербак 1961: *Шербак А. М.* Названия домашних и диких животных в тюркских языках.—«Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961.
- Сарастер, Халтор: *Sagaster K. und Haltog.* Über einige Ausdrücke —zur «Sterben im Mongolische». ISFOU N 1, 1965.
- Таубе 1974: *Taube E.* Zum Problem der einsatzinger in Tuwinischen des Rengel,—zum «Schreibten zur Geschichten und Kultur des Alten Orients». 1974 N 5.

МПА 1959: Малкър поэзияны антологиясы. Нальчик, 1959.

МХЖ 1962: Малкър халкъ жырла. Нальчик, 1962.

ЭС 1974: Эдебийат ве сунгат, 1974, 30 окт.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГИДРОНИМА ТЕРЕК

Топонимика Кабардино-Балкарии за последнее время становится объектом более детального изучения исследователями языка, истории, археологии, этнографии и географии. Появились научные и описательные монографии, а также ряд статей по топонимике Балкарии. Сводом основных топонимических единиц, а также надежным материалом для более детальных исследований явился «Балкарский топонимический словарь» Дж. Н. Кокова и С. О. Шахмурзаева (1970), «Адыгская (черкесская) топонимия» (1974) и «Кабардинские географические названия» Дж. Н. Кокова (1966). Несмотря на ряд недостатков (неполный перечень топонимических единиц, отсутствие научной этимологии части топонимов и т. д.), эти работы до сих пор остаются основным материалом для изучения топонимики Балкарии, Кабарды, Адыгеи и Черкесии.

В данной статье рассматривается гидроним тюркского происхождения *терек*, значение которого в современных тюркских языках не сохранилось. Объясняется это развитием и видоизменением тюркских языков, где, как и в других языках, древние слова больше всего сохраняются в виде топонимических единиц. Терек — самая крупная река в Кабардино-Балкарской АССР.

Термин *терек* встречается как гидрообразующая основа названий рек, в географическом плане распространен очень широко. В топонимической литературе много писалось о семантике слова *терек* в гидронимах, но убедительных выводов до сих пор не сделано.

Э. М. Мурзаев склоняется к тюркскому происхождению названия и предлагает перевод «тополь». По Э. М. Мурзаеву *Терексу* «тополевая река» (1966 : 352). Думается, что эта гипотеза не может быть принята ввиду большой частотности употребления термина *терек* и несоответствия его содержанию слова. С указанным компонентом встречаются названия и тех рек, по берегам которых тополи в обозримом прошлом не росли. Опровержением этой гипотезы может служить гамма цветowych обозначений к слову *терек*: *Аг-Терек*, *Гара-Терек* и др. (Киргизия); числительных: *Уч-Терек* (Киргизия), *Бештерек* (Крым), *Бестерек* (Казахстан). Нам представляется, что «тополь» вместе с таким разнообразием определений вряд ли может обозначать названия рек. Если «тополь» и участвует в качестве компонента в

гидронимах, то эти названия следует выделить из общей массы топонимов с *терек* и не смешивать их с основной частью гидронимов, так как главное значение *терек*, по нашему мнению, другое.

М. Фасмер связывает семантическую форму гидронима *терек* с балкарским *терк* «быстрый, резкий, буйный» (1973 : 47). Такое значение совпадает с характером и поведением многих рек, поэтому данную гипотезу так же трудно отвергнуть, как и доказать, тем более мы уже отмечали, что большинство рек с указанной гидрообразующей основой характеризуется другими особенностями (имеет цветковые и количественные характеристики).

Точку зрения М. Фасмера разделяет карачаевский ученый Х-М. И. Хаджилаев (1970 : 22), который считает ошибочным толкование гидронима *терек* как «река тюрк» (Sturmfels, Bischof 1961:245). Здесь хотелось бы сделать некоторую поправку к переводу Х-М. И. Хаджилаева. В переводе с немецкого языка название гидронима *терек* может означать и «реку тюрк», что не однозначно, а с исторической точки зрения, при наличии фактических материалов может быть и оправдано. Ведь известно, что Северный Кавказ являлся территорией расселения довольно многочисленных тюркских племен (гунны, хазары, булгары, половцы, печенеги и др.). Но отсутствие исторических, языковых и географических данных относительно северокавказского *терек* оставляет пока эту гипотезу недоказанной.

Отнесение гидронима *терек* к этнопонимам казахским ученым Е. Койчубаевым (1974 : 55), на наш взгляд, является ошибочным, так как очень широко распространились названия рек с составным компонентом *терек*, а этническая общность *тарак*, о которой пишет Е. Койчубаев, малонизвестна. Могла ли она оставить после себя столько названий, если в историческом прошлом она не оставила заметных следов? Если говорить об этнонимическом происхождении гидронима *терек*, то более убедительной представляется указанная выше форма «река тюрк». Г. А. Гейбуллаев, поддерживая мнение Е. Койчубаева, пишет: «То, что *терек* участвует в ряде топонимов в Казахстане (*Балтатерек, Бестерек, Сазтерек, Теректи, Ул-Таракты* и др.) говорит о том, что его следует объяснить как этноним» (1975 : 68). В таком случае с этой же легкостью можно было бы отнести к этнонимам широко распространенные топонимообразующие слова *тюбе, тау, кыр, бурун, кель* и др., которые встречаются в сотнях топонимических названий.

На наш взгляд, наиболее близкими к установлению этимологии *терек* являются высказывания В. И. Филоненко (1962 : 138) и А. В. Суперанской (1969 : 191). В. И. Филоненко считает, что «*Черек* — река из ледника, в противоположность *суу* — река из родника». По мнению А. В. Суперанской, «*терек*, видимо, означает воду».

Вторым компонентом термина *терек* выступают числительные (*Бестерек, Уч-Терек*), качественные прилагательные (*Аг-Терек, Кара-Терек, Саз-Терек, Ул-Таракты*), существительные (*Балта-Терек, Ислам-Терек*). К слову *терек* могут присоединяться аффиксы *-лы/-ты* со значением обладания, и тогда *терек* переходит в категорию относительных прилагательных (*Таракли, Терекли, Ул-Таракты, Теректи*). Сказанное выше позволяет нам рассматривать *терек* как нарицательное слово со значением «вода», «река», так как именно с такими словами общетюркского содержания, да и вообще в топонимике, образуется подавляющее большинство гидронимов. И именно гидрообразующие слова со вторым компонентом, обозначающим воду, реку, составляют сложные гидронимы, имеющие в своем составе различные части речи.

На наш взгляд, значение гидронима *терек* восходит к древнетюркскому *terbak* «родник», «ручей», который встречается еще в словаре Махмуда Кашгарского: *ёнмиш улугъ тернэк юзэ кён къашакъы* «у большого ручья выросло много тростника» (ДТС 1969 : 555).

Этимологию древнетюркского слова *тернэк* гипотетически можно связать с балкарским словом *черек* «бурная река», которое употребляется для обозначения крупных рек: *Чегем череги* «река Чегем», *Басхан череги* «река Баксан» и др. По нашему мнению, *черек* от общетюрк. *жер йер/чер* «земля» и словообразующего продуктивного афф.-ек. Переход *т > ч* в тюркских языках является закономерным. Ср. общетюрк. *таш > чув. чул* «камень». Таким образом, *черек/терек* это «река из родника» в противоположность мнению В. И. Филоненко и др. «река из ледника». [Филоненко, Сухотин, Аппаев 1962 : 138]. Видимо, высказывая свое предположение, В. И. Филоненко и др. связывали схожие основы *черек* и *чиран* -чер/-чир. *Чиран* в балкарском языке означает «ледник», «большой ледник».

Развитие семантической формы слова *тернэк* можно предположительно провести по схеме *тер* «пот» («влага»), «вода» (ср. балк. *тер суу* «пот»). Но этот вариант нам представляется маловероятным.

Библиография

- Гейбуллаев 1975: Гейбуллаев Г. А. Рецензия на книгу Е. Койчубаева «Краткий толковый словарь топонимов Казахстана». — Изв. АН Казах. ССР», серия филол., 1975, № 3.
- ДТС 1969: Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Койчубаев 1974: Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974.
- Мурзаев 1966: Мурзаев Э. М. Краткий топонимический словарь. — В кн.: «Природа Синьцзяна и формирование пустынь Центральной Азии». М., 1966.

- Суперанская 1969: *Суперанская А. В.* Гидрономия Крыма и Северо-Западного Кавказа.— «Ономастика», 1969.
- Фасмер 1973: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. 4., М., 1973.
- Хаджилаев 1970: *Хаджилаев Х.-М. И.* Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970.
- Штурмфелс, Бишоф 1961: *Sturmfels W. Bischof. H.* Unsere Ortsnamen. Вонп, 1961.
- Филоненко, Сухотин, Аппаев 1962: *Филоненко В. И. Сухотин В. П., Аппаев А. М.*— «Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору». Нальчик, 1962.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Для наиболее полной характеристики парных существительных в современном карачаево-балкарском языке важное значение имеет изучение лексико-семантических особенностей составляющих их компонентов.

Исследователи тюркских языков по-разному характеризуют лексико-семантические особенности парных слов и соответственно подразделяют их на различные группы. Так, К. Фой парные слова делит на две группы: 1) парные слова, в которых оба компонента имеют самостоятельное значение и 2) парные слова, в которых второй компонент не несет самостоятельной смысловой нагрузки; сюда же относятся слова, второй компонент которых созвучен первому (Фой 1899 : 105—136).

В. А. Гордлевский относительно парных слов в турецком языке замечает: «Бывает, что одно из составных слов уже не имеет отдельного значения и самостоятельно не употребляется, например: *чолук-чоджук* «домочадцы» (только второе слово употребляется самостоятельно и значит «дитя»: *сой-соп* «род» (только первое слово имеет логический смысл: «семья», «род»))» (Гордлевский 1961 : 64).

Н. К. Дмитриев парные слова делит на четыре группы: 1) компоненты парных слов имеют реальные значения, 2) первый компонент относится ко второму как часть к целому, 3) носителем материального значения является одно (чаще всего первое) слово, а второе, рифмующееся с ним, является как бы его отзвуком, «словом-эхом», 4) оба компонента образованы из антонимических лексических единиц, являющихся носителями реального лексического значения (Дмитриев 1930 : 50).

А. Н. Кононов, Е. И. Убрятова, Н. А. Баскаков, Н. Абдурахманов, А. Хаджиев и др. по наличию или отсутствию реального лексического значения парные слова подразделяют на три группы: 1) оба компонента в парном слове имеют реальные лексические значения, 2) второй компонент не имеет самостоятельного лексического значения и 3) оба компонента не имеют самостоятельного значения и употребления.

А. Кайдаров отмечает, что парные слова, в зависимости от того, являются ли компоненты в одинаковой мере носителями реального лексического значения, следует распределять по двум

группам:: 1) парные слова с одним этимологически затемненным компонентом, 2) парные слова с двумя этимологически затемненными компонентами. К первым он относит собственно парные слова и часть парно-повторных слов, ко вторым только парно-повторные слова (Кайдаров 1958 : 100).

Р. А. Аганин парные слова в турецком языке делит на две большие группы: 1) с двумя компонентами, обладающими реальным лексическим значением, 2) слова, образованные способом редупликации, типа *siki-fiki* «тесно», «близко», *eski-püşkü* «старый», «старье» и т. д. (Аганин 1959 : 91) и парные сочетания с двумя семантически незначимыми и самостоятельно не употребляемыми компонентами типа: *süklüm — püklüm* «skonфуженно», «виновато»; *abuk-sabuk* «бессвязный», «чепуха» и т. д. (Аганин 1959 : 95).

Б. О. Орузбаева с точки зрения наличия или отсутствия у компонентов реального лексического значения, делит парные слова на «полнозначные» и «неполнозначные». К «неполнозначным» она относит парные слова, в которых один или оба компонента утратили свое реальное лексическое значение (Орузбаева 1964 : 80). Характер смысловых отношений между компонентами «неполнозначных парных слов», по Орузбаевой, обладает некоторой двойственностью: с одной стороны, по ее мнению, «компоненты большинства неполнозначных парных слов, являются синонимами» (что в принципе, по нашему мнению, верно), с другой стороны, она считает, что компоненты «неполнозначных парных слов» «в отличие от рифмующихся пар, парно-повторных слов состоят из структурно отличных друг от друга слов, являющихся по отношению друг к другу либо синонимами, либо антонимами с собирательным, экспрессивным и другими оттенками значений» (Орузбаева 1964 : 80).

С этим мнением трудно согласиться, поскольку антонимических отношений в парных словах с «незначущими» компонентами быть не может, так как необходимым условием для объединения двух противоположных по значению слов является наличие самостоятельного лексического значения как в первом, так и во втором компоненте. Как известно, объединение двух противоположных слов образует «характерные для них замкнутые пары» (Шанский 1972 : 64). Например, антонимом слова *жер* является *кёк*: *жер-кёк* «земля-небо»: антонимом *эр* является *къа-тын*: *эр-къатын* «муж-жена» и т. д.

Имеющиеся достоверные данные по многим тюркским языкам, в том числе и по карачаево-балкарскому, свидетельствуют о том, что этимологическое затемнение значения у одного и — реже — у обоих компонентов, действительно, происходит у синонимичных или близких по значению парных слов.

С. Н. Муратов парными словами считает такие сочетания слов, в которых 1) оба компонента обладают самостоятельным

лексическим значением, 2) самостоятельным значением обладает только первый компонент (Муратов 1961 : 74, 76).

Анализ существующих точек зрения на лексико-семантические особенности компонентов парных слов показывает, что некоторые исследователи (К. Фой 1899 : 136; Гордлевский 1961 : 64; Дмитриев 1930; 505—506; Кайдаров 1958 : 161; Конов 1960 : 135; Убрятова 1948 : 321; Баскаков 1970 : 132; А. Хаджиев 1963 : 61; Аганин 1959 : 91; Муратов 1961 : 64—65; Абдурахманов 1975 : 49—50; Шукуров 1955 : 30 и др.) к парным словам с этимологически затемненными компонентами нередко относят и некоторые окказиональные парно-повторные слова типа *китап-митап* собир. прон. «книги (всякие) и т. п.»; *агъач-магъач* собир. прон. «деревья (всякие) и т. п.», *чай-пай* собир. прон. «чай и т. п.» и др., свободно образуемые способом морфонологизированной редупликации.

Относя повторы к парным словам с этимологически затемненными компонентами, многие тюркологи фактически сводят на нет выявленные ими же отличительные признаки парных и парно-повторных слов.

Неправомерность такого подхода к проблеме парно-повторных и парных слов со всей очевидностью показывает А. А. Юлдашев в своей работе «Принципы составления тюркско-русских словарей» (1972 : 81—86).

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПАРНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Как отмечают исследователи тюркских языков, в основе образования копулятивных сложных слов, кроме лексико-грамматических и фонетических особенностей, лежит и семантическая закономерность, состоящая в том, что в парные слова могут объединяться не любые слова, имеющиеся в лексической системе языка, а лишь те, которые связаны между собой парадигматическими отношениями в семантическом плане (Дмитриев 1940 : 47—48; Убрятова 1948 : 309—311; Кайдаров 1958 : 78; Аганин 1959 : 72 и др.).

«Отображая определенным образом те или иные «отрезки действительности» (Шмелев 1964 : 130), слова в лексической системе языка существуют не изолированно, а находятся в определенной связи друг с другом и входят в те или иные системные группировки, тематические ряды, или в более обширные группы слов, которые составляют семантические поля. Так, например, выделяются: семантическое поле пространства и времени, семантическое поле терминов родства, семантическое поле глаголов движения и т. д.

Компоненты парных слов в пределах того или иного семантического поля могут быть связаны синонимическими, антонимическими, ассоциативными и другими отношениями.

Таким образом, с точки зрения семантической структуры выделяются следующие модели парных существительных:

1) образованные путем сложения (спаривания) двух близких или синонимичных по значению слов: *накъут-налмаз* собир. «драгоценности», *кюч-къарыу* собир. «сила, мощь, энергия», *мюлк-ырысхы* собир. «имущество, достояние, собственность», *ахлу-жууукъ* собир. «родственники» и т. д.;

2) образованные путем сложения (спаривания) антонимических или коррелятивных слов: *жер-кёк* «вселенная» (букв. *жер* «земля» — *кёк* «небо»), *дос-душман* собир. «друзья и недруги» (букв. *дос* «друг» — *душман* «враг, недруг»), *от-суу* собир. «источники, поддерживающие жизнь» (букв. *от* «огонь» — *суу* «вода») и т. п.

Образование парных существительных в тюркских языках, в том числе и в карачаево-балкарском, происходит в основном по этим двум моделям.

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ПАРНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Среди парных существительных, образованных по первой модели, наиболее многочисленны те, компоненты которых близки друг другу по значению, но не являющиеся синонимами. Однако, как и в синонимических парных словах, общее лексическое значение в них характеризуется обобщенностью и одновременно цельностью. К ним относятся парные существительные с собирательным значением, называющие предметы и явления действительности. Компоненты таких парных существительных взаимно поясняют или дополняют друг друга. Например: *от-ёртен* «пожары на больших пространствах» (букв. *от* «огонь» — *ёртен* «пожар»), перен. «опасности, невзгоды», *урлукъ-учхун* «потомки, наследники» (букв. *урлукъ* «семья, семена» — *учхун* «род, фамилия, представитель рода»); *къама-бычакъ* собир. «оружие» (букв. *къама* «кинжал» — *бычакъ* «сабля, шашка, нож»), *тулукъ-къапчыкъ* собир. «мешки всякого рода, бурдюки» (букв. *тулукъ* «кожаный мешок из цельноснятой шкуры теленка» — *къапчыкъ* «мешок из шкуры овцы, козы»), *аякъ-табакъ* собир. «столовая посуда» (букв. *аякъ* «чаша» — *табакъ* «тарелка»), *хата-палах* собир. «беды, несчастья, напасти», *чарыкъ-чурукъ* собир. «обувь» (букв. *чарыкъ* «тапочка» — *чурукъ* «туфля»), *къурт-къумурсха* собир. «насекомые» (букв. *къурт* «червь, червяк» — *къумурсха* «муравей»), *тийре-къоншу* собир. «округа» (букв. *тийре* «окрестность, округа» — *къоншу* «соседи»), *аш-азыкъ* собир. «еда, продукты питания» (букв. *аш* «еда, кушанье» — *азыкъ* «еда, пища, провизия»), *той-оюн* «пиршество, веселье» (букв. *той* «пир, пиршество, свадьба» — *оюн* «игры, веселье»), *оюн-кюлкю* собир. «развлечения» (букв. *оюн* «игра, веселье» — *кюлкю* «смех, хохот»), *уч-къыйыр* «край, конец чего-либо, кончик чего-нибудь» (букв. *уч* «кончик, край» — *къыйыр*

«конец»):— *Къарачач! Къаншаубий кетгенди Мындан озуп ар-гъы таугъа; Андан келтирип санга Накъут-налмаз, алтын сау-гъа* («Къарачай поэзияны антологиясы», 57) «Кара-чач! Каншаубий перевалил с этой горы на ту гору. Оттуда принесет он тебе драгоценности всякого рода и золотые подарки». *Сора Баракъ сауут-саба алгъанды. Оноучуну аллына ол баргъанды* («Малкъар халкъ жырла», 85) «Потом Барак взял оружие и подошел к советнику»; *Той-оюнлада ким кёрген болур, Чырайлы мени нанымлай?* («Малкъар халкъ жырла», 144) «На свадьбах или на пиру, кто-нибудь видал ли красивее моего любимого?».

Другую разновидность парных существительных, образованных по первой модели, составляют парные существительные, возникшие на основе сложения двух синонимов.

Следует отметить, что в лингвистике имеются различные точки зрения на определение и трактовку синонимов. Так, некоторые ученые «признают синонимами лишь слова, полностью совпадающие в своем значении, слова тождественные, другие считают синонимами также и слова, близкие по значению. Понимание близости значения часто сильно расширяется, и в число синонимов включаются не только слова, обозначающие одно понятие, но также и слова, которые обозначают разные понятия, хотя и близкие между собой». (Сл. синонимов 1975 : 3). Мы придерживаемся первой точки зрения, т. е. считаем синонимами слова, тождественные или предельно близкие по значению. Такие слова обладают возможностью взаимной замены.

Следует отметить, что в карачаево-балкарском языке тождественных синонимов не так уж много.

Из числа парных существительных, образованных сложением двух абсолютных синонимов, можно назвать следующие: *кючкъарыу* «сила, мощь, энергия»; *ахлу-жууукъ* «родственники» (букв. *ахлу* «родственник, близкий» — *жууукъ* «родственник»), *мюлк-ырысхы* «имущество, достояние, собственность» (букв. *мюлк* «имущество» — *ырысхы* «добро, достояние, собственность») и т. п.

Характерной особенностью синонимичных парных существительных является наличие в них обобщающего собирательного значения названий предметов и явлений. Часто синонимичные парные существительные употребляются для усиления значения, вытекающего из сложения двух слов: *бушуу-бушман, къайгъы-къаугъа* и т. п.

Приемом сложения синонимичных существительных в карачаево-балкарском языке широко пользуются издревле и в чисто стилистических целях для выражения субъективной оценки, а также эмоциональной окраски высказывания. Например: *Жаным-тиним Ана тилим, Сенден алдым Окъуу-билим* («Къарачай поэзияны антологиясы», 409). «Вся жизнь моя — родной язык, от тебя я получил образование и знания»; *Бусагъатда анасы, жанындан суйген анасы, биргесине болмагъанлыкъгъа*

ана суюмеклиги, аны актыл сёзлери, къайгъырыуу хаман да... жигер къызгъа кюч-къууат бергенлей турадыла (А. Акбаев. Ёмюрню неси, 92) «Хотя сейчас нет рядом с ней ее любимой матери, материнская любовь, умные слова и беспокойство (мамы) постоянно придают силу энергичной девушке».

В этих предложениях синонимичные парные слова употреблены в особых стилистических целях, для усиления высказывания.

Иногда объединение двух синонимичных слов употребляется для выражения образности высказывания, например: *Жангыз жаны да (Наныкъны) аузу-тили болмагъан сабийини ичиндеди* (О. Хубиев. Дерт, 45) «Вся душа ее (Наныки) — в ребенке, который еще даже не говорит».

В качестве компонентов большинства синонимичных парных существительных выступают слова, относящиеся к общетюркской или межтюркской лексике.

Но помимо слов общетюркского и межтюркского происхождения, в образовании парных существительных карачаево-балкарского языка существенную роль играют и исконные слова, а также иноязычные заимствования, в частности, арабизмы и персизмы. Имеются также и более поздние лексические заимствования из русского языка, а также из языков соседствующих народов.

С этой точки зрения среди парных существительных карачаево-балкарского языка можно более или менее четко выделить три типа: 1) синонимичные парные существительные с двумя общетюркскими или межтюркскими компонентами: *кюч-къарыу* собир. «сила, мощь, энергия», *къайгъы-къаугъа* собир. «шум, гам, спор, ссора» (букв. *къайгъы* «печаль, скорбь, забота, беспокойство» — *къаугъа* «ссора, драка, скандал») и др.; 2) довольно распространенные синонимичные парные существительные, где один из компонентов является иноязычным, например, арабо-персидским словом: *ахлу (а)-жууукъ* собир. «родственники», *бугъоу-сынжыр* собир. «цепи, оковы», *кюч-къууат(а)* собир. «сила, мощь, энергия» (ср. в других тюркских языках с тем же значением: кирг. *куч-кубат*, узб. *куч-куват*, карайм. *куч-къуват*, каз. *куш-куат*, к-калп. *куш-кууат*, тат. *коч-куэт*, туркм. *гуйч-кувват* и т. д.); 3) редкие синонимичные парные существительные, где оба компонента являются заимствованными. Например, из арабского: *мюлк-ырысхы* собир. «имущество, достояние, богатство»; *жан-тин* собир. «вся жизнь» (букв. *жан* «душа» — *тин* «тело, плоть»); ср. перс. *тэн-и-жан*; ср. также каз. *жан-тэн*, кирг. *жан-теен*. Аналагъа *бугъоу-сынжыр саладыла*, *Жашларыбыз къазауатха барадыла* («Малкъар халкъ жырла», 25) «Матерей заковывают в цепи, а сыновья уходят на войну».

Синонимичные парные существительные, независимо от своего происхождения, участвуют в словосложении на общих осно-

ваниях, предопределяемых природой самой словообразовательной модели, используемой в соответствии с устоявшимися нормами языка. В качестве компонентов большинства синонимичных парных существительных в равной мере выступают слова, являющиеся носителями реального лексического значения и, следовательно, доленое участие компонентов в создании общего лексического значения является одинаковым. Однако среди синонимичных парных существительных имеются и такие, один из компонентов которых этимологически затемнен или утратил свое реальное лексическое значение: *кир-кипчик* «грязь, отбросы, сор», *дарман-дары* «лекарство, снадобья» и т. п.

АНТОНИМИЧЕСКИЕ ПАРНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Парные существительные с собирательным значением образуются не только из слов, связанных между собой синонимическими отношениями, но и из слов, противоположных друг другу по своему значению — антонимов.

Антонимические парные существительные по сравнению с предыдущими группами занимают незначительное место в составе парных существительных. Это объясняется тем, что «большинство слов не может иметь антонимов, так как соответствующие понятия не имеют своих логических противоположностей» (Степанова, Чернышева 1962 : 200).

Антонимы образуются в основном из слов, имеющих в своем значении качественный признак. Это главным образом качественные прилагательные, существительные, выражающие контрастные понятия времени и пространства, возраста и пола и т. п. Например: *жер-кёк* собир. «всееленная (букв. *жер* «земля» — *кёк* «небо»); *жер-суу* собир. «земля и водные угодья» (букв. *жер* «земля» — *суу* «вода, река»); *дос-душман* собир. «друзья и недруги» (букв. *дос* «друг, приятель» — *душман* «враг, противник»), *кэул-бий* собир. «два антагонистических класса» (букв. *кэул* «раб, холоп» — *бий* «господин»), *ахшылык-аманлык* собир. «добро и зло», *баргэан-келген* «прохожие, посетители» (букв. *баргэан* «пошедший» — *келген* «пришедший») и т. п.

Антонимические парные существительные, как и синонимичные, выражают значения собирательности. При этом вновь образуемое лексическое значение парного слова равно сумме значений составляющих его компонентов. Например, обобщающее значение имеют парные антонимы *ата-ана* собир. «родители» (букв. «отец»-«мать»), *эр-кэатын* собир. «супруги» (букв. «муж»-«жена»), *жаш-кэыз* собир. «дети» (букв. «мальчик»-«девочка»), «парень»-«девушка»), *кэаргэа-кэузгэун* собир. «вороны» (букв. «ворон»-«ворона»), *кэарт-жаш* собир. «и стар и мал» (букв. «старый, старик» — «молодой, парень»), *аякэ-кэол* собир. «конечности» (букв. *аякэ* «нога» — *кэол* «рука»), *гаи-*

агъач «валежник» (букв. таи «камень» — агъач «дерево»), баш-аякъ «голова и ножки животных» (букв. баш «голова» — аякъ «ноги»).

Жерни-кёкню жаратхан «(тот, кто) создал землю и небо». Ср. др.-тюрк. jегпi — kōkni jaratqan (ДТС, 257); Къайда эсе да баш-аякъ юйюген ийис келип, артыкъсыз да Мухаммат-Аминни аууз сууларын келтиреди (Х. Аппаев. Къара кюбюр, 117) «У Мухаммат-Али особенно текли слюнки из-за доносившихся откуда-то запахов опаленных головы и ножек (животных)». Бир кюн, тюш заманда, къыз отха-суугъа къайгъы болгъанда, отну ёчиюлуп тургъанын кёргенди («Малкъар жомакъла, нарт сёзле, элберле» 42) «Однажды в полдень, когда девушка собралась готовить обед (букв. позаботилась об огне и воде), она заметила, что огонь погашен»; (Къыз:) Экибиз сюйгенден пайда жокъ, Таукъан, Ол атанг-ананг тилесин («Малкъар халкъ жырла», 105) «(Девушка) Раз мы любим друг друга, Таукан, пусть меня сватают твои родители»; Дунияны башында адамгъа ахшылыкъ-аманлыкъ да, къууанч-бушуу да тюбейди («Малкъар жомакъла, нарт сёзле, элберле», 42) «В жизни человек сталкивается с добром и со злом, с радостью и горем».

Следует отметить, что парные существительные различаются и с точки зрения смыслового соотношения между парным словом как целостной лексической единицей и его компонентами.

Если в одних случаях семантика парного слова ограничивается кругом значений его составляющих типа эр-къатын «супруги», жер-кёк «вселенная» и др., то в других случаях общелексическое значение парного слова выходит за пределы значений его компонентов.

Это характерно не только для карачаево-балкарского, но и для других тюркских языков (см. Кайдаров 1958 : 90; Абдурахманов 1975 : 39).

При переводе на русский язык содержание подобных парных слов иногда невозможно передать одним словом, поэтому пользуются описательным переводом. Например, парное слово аш-суу имеет более широкое значение, чем «еда-напиток», здесь еще содержится значение многих видов продуктов питания; парное слово аякъ-къашыкъ имеет не только значение «чашка-ложка», но и «все предметы столовой и кухонной принадлежности»; жер-суу кроме значения «земля-вода» означает «климат»; элинг-жеринг — не только «твое селение — твоя земля», но и «твой народ, твоя родина, земля, где хранится прах твоих предков». Парное слово от-суу обозначает названия предметов, которые являются необходимостью домашнего очага, это, во-первых, огонь и вода. Поэтому говорят: Отха — суугъа къарар заман болгъанды «Настало время присмотреть за очагом», т. е. нарубить дров, принести воды и только после этого приступать к приготовлению пищи, обеда или ужина. Однако наряду с этим значением от-суу употребляется и в значении «стихийное бедст-

вие»: *Отдан-суудан аллах сакъласын!* «Да спасет нас бог от огня и воды!» (т. е. от стихийного бедствия с пожаром и наводнением, которое часто возникает в горах во время сильных дождей).

КОРРЕЛЯТИВНЫЕ ПАРНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

В карачаево-балкарском языке имеется промежуточная группа парных существительных: в них компоненты не связаны между собой ни синонимическими, ни антонимическими отношениями, а соединяются на копулятивных началах, входя в единую сферу понятий и представлений. Эта группа является наиболее многочисленной по сравнению с выше рассмотренными видами парных существительных.

Как отмечают исследователи (Кайдаров 1958: 88; Аганин 1959: 90; Муратов 1961: 62; Абдурахманов 1975: 38), особенностью данной группы парных слов является тесная лексико-семантическая связь обоих компонентов.

Обязательным условием для возникновения коррелятивных парных слов является наличие такой лексико-семантической связи, при которой в пары объединяются слова, соотносящиеся с одним и тем же кругом понятий и представлений. Значения компонентов коррелятивных парных слов соотносятся друг с другом как видовые понятия, объединяющиеся в более общие родовые.

К числу коррелятивных относятся парные слова определенного семантического поля, а именно: названия семейно-родственных отношений, различных абстрактных понятий, однородных явлений природы, видовых понятий, объединенных родовым понятием, и слова, относящиеся друг к другу, как часть к целому и целое к части.

Парные существительные, оба компонента которых обозначают семейно-родственные отношения: *ата-баба* собир. «предки» (букв. *ата* «отец» — *баба* «дед, прадед»); *къарындаш-эгеч* собир. «родственники» (букв. *къарындаш* «брат» — *эгеч* «сестра»); *тукъум-жууукъ* собир. «родственники» (букв. *тукъум* «род, клан» — *жууукъ* «близкие родственники») и т. п. *Ата-бабаларыбыздан къалгъан сыйлы жерибизни кёз инжибизча сакъларбыз* (К. Салпагарова. Кёмеуол, 119) «Любимую землю, доставшуюся нам от дедов и прадедов наших, сбережем, как зеницу ока»; *Сары улу — председатель тукъум-жууугъуна, байлагъа бирсиледен артыкъ онг бергенине кеси ишексиз эди...* (З. Толгуров. Эрирей, 19) «Председатель Сарыев, сам не сомневался в том, что он своим родственникам и богачам оказывал всяческую поддержку по сравнению с другими...»

Парные существительные, оба компонента которых обозначают различные абстрактные понятия: *адеп-намыс* «правила хорошего тона (стыдливость, уважение к старшим, почтение и т. д.)» (букв. *адеп* «вежливость, порядочность, учтивость» —

намыс «стыд, совесть»); *адет-кылыкъ* «нравы, обычаи» (букв. *адет* «обычай» — *кылыкъ* «характер, нрав, поведение»); *окъуу-билим* «образование, просвещение» (букв. *окъуу* «образование» — *билим* «знание»); *лакъырда-чам* «шутка, шутливо-дружеское отношение к человеку» (букв. *лакъырда* «шутка» — *чам* «ирония») и т. д. (Тююшген жашланы) юслеринде адамлыкъ сыйфат, не ангы, не адеп — намыс, бир тукъум бир зат къалмагъан эди (А. Акъбаев. Ёмюрню иеси, 26) «Не оставалось ничего человеческого в облике подравшихся ребят, ни сознания, ни приличия»; (Акъбайланы Исмайыл) уллу билими болгъан тау-луланы бири болуп, ол Къарачайда окъуу-билим жаяр ючюн кёп кюрешгенди («Къарачай поэзияны антологиясы», 139) «(Исмаил Акбаев) был одним из грамотнейших людей среди карачаевцев и многое сделал для просвещения в Карачае»; (Зина-ны) кеси аллына азчыкъ — бузчукъ ышара тургъан келбетинден, кёзлерини кюлюмсюрегенлеринден жарашыу лакъырда-чамындан бусагъатда бир тукъум бир зат эсленмейди (А. Акъбаев. Ёмюрню иеси, 62) «Сейчас на лице (Зины) не заметно ничего — ни произвольно появляющейся улыбки на лице и в глазах, ни шутливо дружеской иронии».

Парные слова, компоненты которых обозначают явления природы: *от-суу* собир. «стихийное бедствие» (букв. *от* «огонь» — *суу* «вода»); *жауун-къар* собир. «дождь со снегом» (букв. *жауун* «дождь» — *къар* «снег»; *жауун-шулпу* собир. «изморось» (букв. *жауун* «дождь» — *шулпу* «мелкий, моросящий дождь»); *жел-аяз* «непогода, морозы» (букв. *жел* «ветер» — *аяз* «мороз, холодный ветер») и т. д. Быйыл анам асыры арбазда бла бахча-лада кюрешгенден, жел-аяз кюйдюрген къоллары къаралып, зыбыр болгъан эдиле «Оттого, что мама в этом году постоянно работала во дворе и в саду, руки ее от ветра и мороза потемнели и стали шершавыми».

Парные слова, компоненты которых обозначают видовые понятия, объединенные родовым понятием: *алма-кертме* «фрукты» (букв. *алма* «яблоко» — *кертме* «груша»), *харбыз-хууан* «бахчевые культуры» (букв. *харбыз* «арбуз» — *хууан* «дыня»), *арпа-будай* «злаки» (букв. *арпа* «ячмень» — *будай* «пшеница»); *сют-айран* «молочные продукты» (букв. *сют* «молоко» — *айран* «кислое молоко»), *жау-бышлакъ* «масло — сыр»; *ёнке-бауур* «нутро, внутренности» (букв. *ёнке* «легкое» — *бауур* «печень»), *быдыр-чеги* собир. «внутренности» (букв. *быдыр* «требуха» — *чеги* «кишки»), *къой-эчки* собир. «мелкий рогатый скот» (букв. *къой* «овца» — *эски* «коза»), *ат-ёгрюз* собир. «тягло» (букв. *ат* «лошадь» — *ёгрюз* «вол, бык»), *айыу-бёрю* собир. «крупные звери» (букв. *айыу* «медведь» — *бёрю* «волк»), *къатын-къыз* собир. «женская половина населения» (букв. *къатын* «женщина» — *къыз* «девочка, девушка»), *тёшек-жастыкъ* собир. «постельные принадлежности» (букв. *тёшек* «матрац» — *жастыкъ* «подушка»); *кёлек-кёнчек* собир. «белье, одежда» (букв. *кёлек* «рубаш-

ка» — *кёнчек* «кальсоны, брюки, трусы»), *сактал-мыйык* собир. «борода и усы» (букв. *сактал* «борода» — *мыйык* «усы»), *кѳагѳыт-кѳалам* собир. «письменные принадлежности» (букв. *кѳагѳыт* «бумага» — *кѳалам* «перо»), *кѳул-кѳарауаш* собир. «низшие слои населения» (букв. *кѳул* «раб, невольник» — *кѳарауаш* «рабыня, слуга») и т. п. ...*Жарлы анам бек ауругѳанда, тѳешек-жастыкѳдан арыгѳанда... киши кѳѳюню мутхуз, ууакѳ жулдузлары да жарсыдыла...* (М. Мокаев. *Дуния жарыгѳы*, 168) «Даже мелкие звезды чужого неба сочувствовали, когда моя бедная мать сильно заболела и уже устала лежать в постели», (*Нартла*) *ѳпке-бауур шишге чанчып, Кюн кѳѳюне тутдула* («Нартла», 244) «(Нарты) нанизали на шампуры ливер (кусочки печени и легкого) и подержали на солнце», *Жангѳы сактал-мыйыкѳ ура башлагѳан жашчыкѳла революцияны жолуна тѳюшѳдиле* («Шуѳх-лукѳ», № 43, 97) «Ребята, у которых только что начал пробиваться первый пушок (т. е. усы и борода), стали на путь революции», *Кѳагѳыт-кѳалам тутхан сохта кѳоллагѳа, керек болады, кюрек, сенек тутаргѳа* («Жарыкѳ жолда», 182) «Ученическим руками, которые привыкли к письменным принадлежностям (букв. «держали бумагу, и перо»), приходится держать лопату и вилы».

Парные слова, компоненты которых относятся друг к другу как целое к части и часть к целому. Например: *кѳая-таш* собир. «скалы и камни», *окѳ-топ* собир. «вооружение всякого рода» (букв. *окѳ* «пуля» — *топ* «пушка»), *сауут-саба* собир. «оружие всякого рода» (букв. *сауут* «оружие» — *саба* «шомпол»), *эл-жер* собир. «родные края» (букв. *эл* «селение, аул» — *жер* «земля»), *юй-жер* собир. «дом с приусадебным участком» (букв. *юй* «дом» — *жер* «земля, участок»), *журт-жер* собир. «усадебка» («дом и земля»), *ауруу-талау* собир. «болезни, недуги всякого рода» (букв. *ауруу* «болезнь, заболевание» — *талау* «сибирская язва») и т. д. *Мен да бир кесек, анам, отума-огѳума кѳарайым* («Малкѳар халкѳ жырла», 80) «Я тоже, мама, позабочусь о своих боеприпасах», (*Атасы Солтан-Хамитге*)... *Сен алыкѳтын гитчесе, сауут-саба жюриоте биллик тѳюйулсе* (С. Шахмурзаев. *Танг аласында*, 40) «[Отец Султан-Хамиду:]... Ты еще маленький, не сможешь обращаться с оружием»; *Эчкиле хаман жюриорге тартып, кѳаягѳа-ташха минип, кѳалгѳан малланы отларгѳа кѳоймайдыла* (Х. Аппаев. *Кѳара кѳюбюр*, 23) «Козы постоянно взбираются на скалы, и это мешает пастись остальным животным».

Библиография

- Абдурахманов 1975: *Абдурахманов Н.* Парные слова в тюркских языках. Автореф. докт. дис., Алма-Ата, 1975.
 Аганин 1959: *Аганин Р. А.* Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком языке. М., 1959.
 Баскаков 1970: *Баскаков Н. А.* Грамматика туркменского языка. Ашхабад, 1970.

- Гордлевский 1961: *Гордлевский В. А.* Избранные сочинения, т. 2. М., 1961.
- Дмитриев 1930: *Дмитриев Н. К.* Парные словосочетания в башкирском языке.— «Известия АН СССР», отд. гуманитарных наук, 1930, № 7.
- ДТС 1969: Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Кайдаров 1958: *Кайдаров А. Т.* Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958.
- Кононов 1960: *Кононов А. Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960.
- Муратов 1961: *Муратов С. Н.* Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., 1961.
- Орузбаева 1964: *Орузбаева Б. О.* Словообразование в киргизском языке. Фрунзе, 1964.
- Сл. синонимов: Словарь синонимов. М., 1975.
- Степанова, Чернышева 1962: *Степанова М. Д., Чернышева И. И.* Лексикология современного немецкого языка. М., 1962.
- Убрятова 1948: *Убрятова Е. И.* Парные слова в якутском языке.— «Язык и мышление». XI. М.—Л., 1948.
- Фой 1899: *Foy K.* Studien zur osmanischen Syntax (Das Hendiadyoin und die Wortfolge ana baba), MSOS, Wester st. 1899.
- Ходжиев 1963: *Ходжиев А.* Узбек тилида кушма, жуфт ва такрорий сузлар. Тошкент, 1963.
- Шмелёв 1964: *Шмелев Д. Н.* Очерки по лексикологии русского языка. М., 1964.
- Шукуров 1955: *Шукуров Ж. Ш.* Кыргыз тилиндеги татаал сөздер. Фрунзе, 1955.
- Юлдашев 1972: *Юлдашев А. А.* Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972.

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ОБОГАЩЕНИИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ЛЕКСИКИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Русский язык необычайно богат по своему словарному составу. В нем нашли выражение лучшие достижения мировой науки и культуры, различные социально-экономические, политические, общественные и научно-технические явления и процессы. Он является одним из мировых языков и получил широкое международное признание и распространение.

Русский язык оказывал и продолжает оказывать огромное влияние на развитие языков народов нашей страны, в первую очередь обогащая их лексический состав.

Словно предвидя будущее народов нашей страны, Ф. Энгельс писал: «Знание русского языка, который всемерно заслуживает изучения и сам по себе, как один из живых языков и ради раскрываемой им литературы, теперь уже не такая редкость»¹.

Трудно переоценить роль русского языка в развитии лексического состава и словообразовательной системы карачаево-балкарского языка.

В советский период лексика карачаево-балкарского языка значительно обновилась за счет слов, заимствованных из русского и через его посредство. Количество заимствований в советский период неизмеримо больше, чем в дооктябрьский период. Это говорит о том, что в относительно короткий отрезок времени в карачаево-балкарской лексике произошли изменения, превосходящие изменения в течение многих столетий.

Большое количество заимствований обусловлено изменениями социальной структуры общества, новыми языковыми контактами. Потребность общества в номинации новых явлений и процессов удовлетворяется в ряде случаев заимствованием недостающих в языке слов. Ф. Энгельс, видя необходимость заимствования слов из других языков, писал: «Ведь необходимые иностранные слова, в большинстве случаев представляющие общепринятые научно-технические термины, не были бы необходимыми, если бы они поддавались переводу, значит перевод только искажает смысл»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Полн. собр. соч. Т. XVIII, М., 1961, с. 526.

² Там же. Т. XIX. с. 321.

Об этом же писал и В. Г. Белинский: «Изобретать свои термины для выражения чужих понятий очень трудно, и вообще этот труд редко удается. Поэтому с новым понятием, которое один народ берет у другого, он берет и само слово, выражающее это понятие. В этом действии видна справедливость: как бы в награду за понятие, рожденное народом, переходит к другим народам и слово, выражающее это понятие. Из двух слов, иностранного и родного, лучшее есть то, которое вернее выражает понятие»³. Именно в силу этого в большинстве случаев в карачаево-балкарском языке предпочтение отдается заимствованиям. Особо наглядно это прослеживается в области терминологической лексики.

В карачаево-балкарском языке функционирует более 2000 заимствованных слов, большинство которых представляют имена существительные и прилагательные. Заимствования обнаруживаются и среди числительных: миллион, миллиард.

Специфична форма заимствований наречий и глаголов: русские производящие основы получают грамматическое оформление средствами заимствующего языка.

Особый интерес представляют характер освоения заимствованных и их классификация.

Фонетическим изменениям русские слова подвергались в начальный период карачаево-балкарско-русских языковых контактов, который приходится на годы дооктябрьского и первые годы послеоктябрьского периодов: прустоп «пристав», инарал «генерал», апчар «офицер», кышмыр «кашемир» и многие др. В сравнительно короткий отрезок времени 1920—1979 гг. бурно развивается карачаево-балкарско-русское двуязычие, в условиях которого картина усвоения заимствованных существительных резко меняется. В языке устанавливаются нормы, требующие сохранения фонетического состава русских слов.

Несколько иначе складывается судьба относительных прилагательных, которые также заимствуются из русского языка. Если в начальный период заимствования язык вбирал их без изменения, то с течением времени наблюдается тенденция к усечению их окончаний.

Подобное усвоение относительных прилагательных наблюдается и в других тюркских языках.

А. Н. Кононов усечение окончаний русских прилагательных при заимствовании узбекским языком объясняет отсутствием категории рода в тюркских языках (Кононов, 1960 : 155).

Что касается классификации заимствованных слов, то самой приемлемой, на наш взгляд, и получившей широкое применение является тематическая классификация. Следуя ее принципам, мы обнаруживаем, что заимствования встречаются во всех тематических разрядах карачаево-балкарской лексики:

³ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XIX М., 1965, с. 60—61.

1. Наиболее широко заимствования представлены в общественно-политической терминологии. Исконных общественно-политических терминов карачаево-балкарским языком было накоплено очень мало. Объяснение этому кроется в социальном укладе карачаево-балкарского общества в дореволюционный период, характеризующего чертами феодальных отношений. В советский период заимствованы слова: социализм, коммунизм, капитализм, коммунист, партия, комсомол, профсоюз, идеолог, совет, марксизм, ленинизм, республика, диктатура, стачка, забастовка и мн. др.

2. Словарь карачаевцев и балкарцев пополнился терминами политэкономии и философии: логика, психология, капитал, базис, надстройка, диалектика, материализм, производство, доход, процент, рента, идеалист, товар, метафизика, этика и др.

3. В связи со становлением новой по содержанию культуры, развитием ряда новых видов искусства обогатилась и развилась терминология отраслей искусства:

а) термины музыкального искусства: аккордеон, ансамбль, ария, балалайка, баян, бас, вальс, вокал, гамма, гитара, дирижёр, джаз-оркестр, дуэт, квартет, оркестр, хор и т. д.;

б) термины театрального искусства: актер, антракт, артист, афиша, балерина, балет, гастроль, грим, декорация, драма, комедия, трагедия, концерт, опера, пьеса и т. д.;

в) термины изобразительного искусства: бюст, галерея, грабюра, графика, живопись, ретушь, карикатура и мн. др.;

г) термины киноискусства: кадр, кино, киномеханик, кино-режиссер, кинофильм, киностудия, сеанс, сценарий, серия, экран, фестиваль и мн. др.

4. Довольно большую группу заимствований объединяют научные термины. До установления Советской власти в Карачае и Балкарии не было ни письменности, ни науки. Появление и развитие наук тормозилось социальным укладом, мусульманской религией и царским режимом на Северном Кавказе. После Великого Октября карачаевцы и балкарцы вошли на равных правах с другими народами в состав РСФСР и СССР, получив возможность и право на развитие различных областей науки. Благодаря этому лексика обогатилась научной терминологией:

а) термины филологической науки: 1) литературоведческие термины: автобиография, автограф, автор, аллитерация, альманах, афоризм, баллада, басня, диалог, драматургия, жанр, куплет, лирика, очерк, персонаж, подстрочник, поэма, роман, реализм, рифма, фельетон и мн. др.; 2) лингвистические термины: говор, грамматика, графика, диалект, дифтонг, лексика, лексикология, омоним, орфография, синоним, синтаксис, термин, залог, тире, точка и мн. др.;

б) термины космонавтики: астронавт, атмосфера, дублер, космос, космонавт, космодром, лунник, луноход, орбита, ракета, скафандр, стыковка и др.;

в) юридические термины: адвокат (вошло в употребление, хотя в карачаево-балкарском имеется синонимический термин ёкюл «защитник, опекун»), алимент, амнистия, арбитраж, закон, прокурор, прокуратура, следователь, суд, приговор, трибунал, юрист, юстиция, реабилитация и др.;

г) медицинские термины: антибиотик, анализ, бинт, вакцина, витамин, горчичник, глюкоза, грелка, градусник, диета, компресс, лейкопластырь, нашатырь, препарат, пенициллин, укол, амбулатория, аптека, больница, госпиталь, главврач, диспансер, клиника, медпункт, медсестра, регистратура, ангина, бактерия, вирус и др.

5. Термины бухгалтерского учета и финансовые термины: аванс, аккредитив, баланс, банк, бухгалтер, бухгалтерия, бюджет, взнос, валюта, гонорар, госбанк, дебитор, дотация, кредит, расчет, ревизия, сберкасса, сейф, смета, касса, кассир, ссуда и мн. др.

6. Термины школьного обучения: алгебра, алфавит, арифметика, атлас, вариант, география, геометрия, диктант, домоводство, задача, изложение, карта, коллекция, глобус, реакция, староста, дружина, расписание, учебник, дневник, табель и др.

7. Названия сельскохозяйственных культур: помидор, баклажан, абрикос, ананас, апельсин, лимон, томат, финик, хурма и др.

8. Названия животного мира: акула, горилла, дельфин, жираф, карп, кит, тюлень, цапля, меринос, морж и др.

9. Термины военного дела: адмирал, атака, окоп, бомба, ракета, казарма, майор, военкомат, гильза, патрон, танк, самолет, бомбардировщик, истребитель и мн. др.

10. Названия предметов домашней утвари: абажур, лампа, комод, самовар, графин, чайник, стол, рюмка, бокал, банка, фляга, бидон, электроплитка и др.

11. Названия канцелярских принадлежностей: блокнот, бланк, ведомость, документ, доверенность, заявление, инструкция, кнопка, конверт, копия, наряд, ордер, регистрация, секретарь, стенограмма, скрепка, удостоверение, штамп и мн. др.

12. Названия одежды и обуви: джемпер, жакет, костюм, кофта, майка, пижама, пальто, косынка, шарф, футболка, бутсы, калоши, валенки, ботинки и т. д.

13. Названия всевозможных тканей: батист, бостон, газ, капрон, крепдешин, коверкот, клеенка, нейлон, трико, тюль, фланель и др.

14. Строительные термины и названия строений: проект, участок, здание, сарай, временка, печь, пол, dranka, цемент, туф, кирпич, фундамент, подвал (при наличии собственного уру «яма, подвал» вне дома), бетон, опалубка, рама, шифер и др.

15. Почтовые термины: адрес, перевод, почта, почтальон, письмо, отделение, связь, открытка, индекс, телефон и др.

16. Термины транспортного хозяйства: автобус, вагон, вокзал, остановка, транспорт, трамвай, троллейбус, поезд, самолет, билет, стоянка, такси и др.

17. Названия измерительных приборов, мер метрической системы: градус, градусник, термометр, арифмометр, спидометр, метр, километр, сантиметр, килограмм, тонна, литр, процент, атмосфера, минута, секунда и др.

18. Названия продуктов питания, напитков и кулинарных блюд: борщ, булка, варенье, гарнир, гуляш, колбаса, консерва, крахмал, компот, рагу, рассольник, салат, сарделька, сосиска, торт, лапша, макарон, портвейн, лимонад, пепсикола, кофе, нарзан и мн. др.

19. Термины календаря: декада, январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь⁴.

20. Названия сельскохозяйственных машин и орудий труда: трактор, культиватор, сенокосилка, сепаратор, инкубатор и т. д.

21. Названия торговых учреждений, предприятий и профессий и термины торговли: ассортимент, база, буфет, галантерея, гастроном, импорт, киоск, ларек, официант, ресторан, универмаг, этикетка, ревизор, кассир, контролер, завмаг, парфюмерия, товаровед и др.

22. Спортивная терминология: акробат, акробатика, баскетбол, бассейн, бокс, боксер (употребляется наряду с боксчу «боксер»), велосипед, вратарь, гимнастика, зарядка, кросс, кубок, матч, олимпиада, разряд, рекорд, секундомер, стадион, тренер, чемпион, эстафета, хоккей и мн. др.

23. Большое количество заимствований связаны с названиями явлений, названий учреждений, профессий сферы обслуживания: ателье, ванна, прачечная, гардероб, гараж, кооператив, телевизор, радио, экскурсия, гравер, портной, модельер, приемщик, заказчик, мода, вахтер и др.

Вышеперечисленные тематические группы далеко не исчерпывают всех тем и всех слов. Ждут своего исследователя такие области лексики, как термины печатного дела, технические термины, этнонимика, топонимика, гидронимия, а также слова с абстрактными значениями.

Большинство заимствованных существительных в разговорной речи и литературном языке имеет единую форму. Однако наблюдаются и некоторые различия.

Относительно правописания заимствованных слов в действующей орфографии не учитывается ряд важных моментов, связанных с усвоением заимствований. Ряд слов настолько укоренился в своей начальной форме заимствования, что не поддает-

⁴ Раньше у карачаевцев и балкарцев был другой календарь и другие названия месяцев. От старого календаря сохранились лишь названия дней недели.

ся требованиям. новой орфографии. Если слова типа инарал оказалось возможным «перезаимствовать» в их исконной форме «генерал», апчар «офицер», прустоп «пристав», кышыыр «кашемир», сажна «сажень», чеппер «четверть» укоренились в языке в прежней форме. Имеются и слова типа школ «школа», столба «столб», газет «газета», которые на письме и в устной речи претерпевают фонетические изменения. Современная орфография не отражает этих случаев.

Займствованные из русского языка прилагательные подразделяются на две основные группы: 1) заимствования в исконной форме мужского рода единственного числа: социальный страхование «социальное страхование», генеральный ассамблея «генеральная ассамблея» и др; 2) заимствования с усечением родовых окончаний: регионал «региональный», интенсив «интенсивный», абсолют «абсолютный» и др.

Если основная масса заимствований вызвана объективными причинами и представляется необходимой, то порой наблюдаются и излишние заимствования. Особенно это прослеживается на страницах периодической печати, где порой при переводе не используются внутриязыковые возможности.

Влияние русского языка далеко не ограничивается лишь заимствованием лексических единиц. Роль русского языка в обогащении карачаево-балкарской лексики в советский период проявляется и в процессе калькирования русских слов. Калькирование — перевод слов одного языка на другой — явление характерное для контактирующих языков. Явление это само по себе не ново. В карачаево-балкарском языке встречаются кальки с адыгских, монгольских, осетинского языков, т. е. переводы слов и словосочетаний языков, с которыми входил в контакты карачаево-балкарский язык на протяжении своей истории.

Среди калек советского времени в карачаево-балкарской лексике бытуют полные кальки и полукальки.

Полные кальки по структурному составу могут быть однословными и состоящими из двух или более слов, представляя собой свободное сочетание слов или фразеологические единицы. Они конструируются средствами карачаево-балкарского языка.

Однословными полными кальками являются: акъла «белые», къызылла «красные», жагъуу «мазь», бешжыллыкъ «пятiletка», ишсиз «безработный», жарыкълау «просвещение», игилендиру «совершенствование», терклендируу «ускорение» и др. К однословным мы относим и сложные кальки слитного написания.

Полные кальки более сложных конструкций представлены сочетаниями: темир жол «железная дорога», эл мюлк «сельское хозяйство», солуу кюн «выходной день», къырал мюлк «государственная собственность», Уллу Ата журт уруш «Великая Отечественная война» и т. д.

Полукальки также представлены одно-двух и много-

компонентными образованиями: туфлийле «туфли», пельменле «пельмени», авнаыз «авиалиния», авиачана «авиасани», электро-ыз «электролиния», авиабелек «авиачасть», гидрокъурулуш «гидростроительство», Къабарты-малкъар къырал университет «Кабардино-Балкарский государственный университет», Совет къырал «советское государство».

Влияние русского языка обнаруживается и в изменении семантической нагрузки слов, при этом происходит обогащение слов карачаево-балкарского языка дополнительными значениями их полисемантических эквивалентов русского языка. Расширение значений слов может активизироваться под влиянием любого языка. Явление это в лингвистике встречается под двумя названиями: семантическое калькирование (Шанский 1957) и семантическая индукция (Очерк развития якутского литературного языка в советскую эпоху. Якутск 1971 : 54). Под влиянием многозначности русских слов многие карачаево-балкарские слова в советский период приобрели дополнительные значения: хорлау имело значение «победа», в настоящее время приобрело дополнительное значение «успех»; буз ранее означало «лед», сейчас также «каток»; ингир «вечер» (время суток) под влиянием русск. вечер приобрело дополнительное значение «вечер» (мероприятие), жулдуз «звезда» (небесное тело) и жулдуз «звезда» (награда); ёсюу «рост» и есюу «развитие» и мн. др.

Русский язык оказывает влияние и на морфемную структуру слов, устанавливая новые принципы в системе определенных категорий слов. Так, в окончаниях фамилий и отчеств балкарцев произошли значительные изменения: присоединяемое после фамилии слово улу и афф.— ланы вытеснены окончаниями, употребляемыми в русских фамилиях -ова, -ева, -ов, -ев: Ахматов вместо Ахматулу, Казаков — Къазакъулу, Отаров вместо Отарулу. Изменилось и обозначение отчеств вместо ранее употребляемых после имени отца слов къызы «дочь» и жашы «сын» используются окончания, образующие отчества в русском языке: -овна, -ович, -евич.

Подобные изменения можно объяснить тремя причинами: 1) проникновением в состав карачаево-балкарских личных имен большого количества имен из русского и через его посредство; 2) использованием русских окончаний в качестве аффиксов, которых не доставало в средствах самого языка с данной функциональной нагрузкой; 3) арханизацией слова улу и неудобством употребления сложных конструкций отчества.

Наряду с прямым заимствованием, калькированием и воздействием русского языка на семантику карачаево-балкарских слов и морфемный состав некоторых из них, большое значение имеет факт заимствования из системы словообразования русского языка целого словообразовательного способа. Имеется в виду способ образования аббревиатур и сложносокращенных слов. Ни аббревиатур, ни сложносокращенных слов в словарном

составе карачаево-балкарского языка досоветского периода не было. В настоящее время образования с помощью данного способа составляют особый лексический пласт, образованный в советский период.

Группа сложносокращенных слов целиком представляет собой заимствованные слова из русского языка и может быть отнесена к разряду слов прямого заимствования. Единственная полукалька шахарком «горком» пока не дает возможности представить перспективу этой модели.

Появление большого количества аббревиатур в карачаево-балкарском языке обусловлено наплывом их в русском. В адрес сущности данного явления в русистике было высказано немало мнений (Поливанов 1927; Добиаш-Рождественская 1936; Баранников 1919; Сухотин 1933 и др.).

Более глубокий анализ показал, что принцип аббревиации и сокращения слов достаточно древен: «Не совсем правы те, кто говорит, подобным аббревиатурам никогда не было прецедента. Во-первых, откуда же взялись бы данные рецепты аббревиатур? Во-вторых, прецеденты и аналогии были бы как в области искусственного словотворчества в технических терминологиях, в литературных языках других народов — на почве высоко развитой графической культуры, так даже и в самой естественнейшей эволюции различных живых языков, начиная с лезгинского (чанского) на Кавказе и кончая японским и тем же русским языком» (Поливанов 1927 : 233—234). Это подтверждает и исследование А. Добиаш-Рождественской: «Вся система средневековых аббревиатур в зародыше готова была в VI—VII вв., и последующим столетиям остается ее только развивать и осложнять» (Добиаш-Рождественская 1936 : 164; Алтайская 1955 : 133—136).

По-разному подходили исследователи аббревиатур и к их классификации (Селищев 1968 : 141—147; Кожин 1955).

Исследуя аббревиатуры в составе карачаево-балкарской лексики, можно убедиться, что они не только заимствуются из русского языка, но по их образцам образуются на основе исконного языкового материала. В силу этого было бы совершенно недостаточным перенесение классификации их в русском языке на карачаево-балкарский материал.

При классификации аббревиатур карачаево-балкарского языка мы опираемся на выводы А. Ю. Бозиева (Бозиев 1965 : 45). Поскольку сам принцип является заимствованным, то речь должна идти об освоении его моделей.

Среди аббревиатур и сложносокращенных слов в карачаево-балкарском языке можно выделить:

1) инициальные аббревиатуры и сложносокращенные слова, заимствованные из русского языка, по своему составу не соответствующие инициальным буквам и частям их эквивалентов в карачаево-балкарском языке: ВАҚ, КПСС, ДОСААФ, ВПШ,

ВУЗ, ВТЭК, СССР, колхоз, совхоз, комбинат, политэкономия, пролеткульт и т. д.;

2) аббревиатуры, образованные по инициальному принципу на материале карачаево-балкарской лексики: АБШ—Американы Бирлешген Штатлары (Соединенные Штаты Америки), БАР—Бирлешген Араб Республика (Объединенная Арабская Республика), МХР—Монгол Халкъ Республика (Монгольская Народная Республика), КъМАССР—Къабарты-Малкъар Автоном Совет Социалист Республика (Кабардино-Балкарская АССР) и др.

3) группа инициальных аббревиатур, вошедшая в язык через посредство русского языка из иностранных языков. Инициальные буквы, образовавшие подобные аббревиатуры, не соответствуют начальным буквам ни русских, ни карачаево-балкарских слов: НАТО, СЕАТО, СЕНТО, ЮНЕСКО и др.

Наряду с вышеизложенными моментами обогащения карачаево-балкарской лексики советского периода под непосредственным воздействием русского языка, следует отметить тот факт, что прямые лексические заимствования, входя в словарный состав, обретают здесь полнокровную жизнь. В первую очередь это проявляется в активном использовании их в словообразовании на основе внутриязыковых способов в качестве производящих основ новообразований или компонентов композитов советского периода. Проведенный анализ языковых явлений на уровне лексики позволяет сделать вывод о том, что русский язык, обладая высокоразвитой системой и продолжая развиваться, оказывает огромное и благотворное влияние на лексику карачаево-балкарского языка. Он обогащает его недостающими словами, активизирует его словообразовательные потенции и дает возможность использовать все его ресурсы для удовлетворения потребностей в языковых средствах его носителей.

Библиография

- Алтайская Ф. В. Сложносокращенные слова в русском языке.— Научные зап. Ужгородского гос. ун-та, т. XIII. Ужгород, 1955.
- Баранников А. Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы. Самара, 1919.
- Басаков Н. А. Грамматика каракалпакского языка, ч. I. Фонетика и морфология. М., 1952.
- Бозиев А. Ю. Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке, Нальчик, 1965.
- Добиаш-Рождественская А. История письма в средние века. М.—Л., 1936.
- Кожин А. Н. Из наблюдений над сложносокращенными словами в русском языке.— Уч. зап. Московского обл. пед. ин-та, т. XXXII, вып. 2. М., 1955.
- Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960.
- Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975.
- Очерк развития якутского литературного языка в советскую эпоху. Якутск, 1971.

- Поливанов Е. Д. О литературном языке современности.— «Родной язык в школе». М., 1927.
- Селищев А. Н. Избранные труды. М., 1968.
- Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90-е годы XIX века. М.—Л., 1965.
- Сухотин А. М. Проблема «сокращенных слов» в языках народов СССР.— Письменность и революция, I. М., 1933.
- Шанский Н. М. Лексика и фразеология современного русского языка. М., 1957.

ОРФОГРАФИЯ

О ПРИНЦИПАХ ОРФОГРАФИИ КАРАЧАЕВО- БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Орфография тюркских языков, в том числе и карачаево-балкарского, требует дальнейшего совершенствования (Мусаев 1973 : 5). При этом существенным является уточнение принципов, на которых основана данная орфография, их соотношения, определение ведущего принципа.

В вопросе о принципах орфографии карачаево-балкарского языка нет единого мнения. Так, составители новой орфографии карачаево-балкарского языка А. Ю. Бозиев и М. Т. Жабоев выделяют следующие четыре принципа: фонетический, морфологический, исторический и графический (МТО, 1970 : 4). А. Ж. Будаев предлагает заменить морфологический принцип фонематическим и вводит пятый, дифференцированный (правильнее: дифференцирующий.— Ж. Г.) принцип (1975 : 50; 1976 : 96). Вместе с тем, следуя традициям большинства орфографий тюркских языков (ОТО 1963 : 110, ОКА 1962 : 47, ПОГЯ 1958 : 7, Балакаев 1952 : 13 и др.), составители орфографии карачаево-балкарского языка без какого-либо обоснования заявляют, что «карачаево-балкарское правописание базируется на фонетико-морфологическом принципе» (Бозиев 1975 : 133).

На наш взгляд, в карачаево-балкарской орфографии следует выделять три принципа: фонетический, морфологический и традиционный (исторический).

Фонетический принцип орфографии заключается в том, что реально произносимые звуки выражаются на письме посредством букв. Этот принцип прослеживается в следующих случаях:

1) при присоединении аффикса с начальным *ч* к существительным с конечным *ч*: *агъач* «дерево» — *агъащыкъ* «деревяшка»; *чёгюч* «молоток» — *чёгюшчюк* «молоточек»; *эгеч* «сестра» — *эгешчик* «сестренка» и т. д.;

2) при присоединении аффиксов принадлежности к словам *эрин* «губа», *бурун* «нос», *къарын* «живот», *боюн* «шея», *аууз* «рот», *къоюн* «объятия»: *эрним* (-*унг*, -*и*) «моя, твоя, его (ее) губа»; *бурнум* (-*унг*, -*у*) «мой, твой, его (ее) нос»; *къарным* (-*унг*, -*ы*) «мой, твой, его (ее) живот»; *бойнум* (-*унг*, -*у*) «моя, твоя, его (ее) шея»; *аузум* (-*унг*, -*у*) «мой, твой, его (ее) рот»; *къойнум* (-*унг*, -*у*) «мой, твой, его (ее) объятия»;

3) при употреблении личных местоимений *мен* «я», *сен* «ты»

в дательном падеже (*манга* «мне, *санга* «тебе»), лично-указательного *бу* «этот» во всех падежах (*аны* «его, того», *анга* «ему, тому», *мында* «у этого», *мындан* «от этого»);

4) при изменении указательных местоимений по числам: *бу* «этот» — *была* «эти», *ол* «он» — *ала* «они»;

5) в сложных наречиях и числительных: *бюгече* (*бу+кече*) «этой ночью»; *бюгюн* (*бу+кюн*) «сегодня», *бюрсюкюн* (*бирси+кюн*) «позавчера, послезавтра»; *тамбла* (*танг+бла*) «завтра», *бийыл* (*бу+жыл*) «в этом году»; *энтда* (*энди+да*) «еще, опять», *шэнтда* (*шэндю+да*) «сейчас»; *кертда* (*керти+да*) «действительно»; *сексен* (*сегиз+он*) «восемьдесят»; *токъсан* (*тогъуз+он*) «девяносто»;

6) при прибавлении притяжательных аффиксов к именам существительным, оканчивающимся на согласные *п, к, къ*: *китап* «книга» — *китабым* (*-ынг, -ы*) «моя, твоя, его (ее) книга»; *ийнек* «корова» — *ийнегим* (*-инг, -и*) «моя, твоя, его (ее) корова»; *къонакъ* «гость» — *къонагъым* (*-ынг, -ы*) «мой, твой, его (ее) гость» и т. д.;

7) при аффиксации слов, заимствованных из русского или через русский язык и имеющих *ь* (мягкий знак) в им. падеже: *июнь* — *июнда* «в июне», *секретарь* — *секретарны* «секретаря», *спектакль* — *спектаклгъа* «на спектакль» и др.;

8) при написании заимствований из различных языков — русского: *школ* «школа», *бурус* «брус», *тюрье* «тюрьма»; арабского и персидского: *зыраф* (вм. *эсраф*) «мотовство», *жамауат* (вм. *жамаат*) «масса, народ», *жаныуар* (вм. *жанвар*) «животное» и др.

(Морфологический принцип орфографии обуславливает единообразное написание морфем (корней и аффиксов) в разных фонетических условиях: *арт-ы* «конец чего-либо»; *арт-да* «потом; позади»; *арт-ха-ракъда* «попозже» (*арт* «зад, задняя сторона чего-либо»); *жаз-гъан* «написавший», *къакъ-гъан* «постучавший» (*-гъан* — афф. причастия); *кёк-ге* «к небу», *эл-ге* «в село», *юй-ге* «домой» (*-ге* афф. направительного падежа).

Как видно из примеров, морфологический принцип противоположен фонетическому, если бы карачаево-балкарская орфография базировалась только на последнем, то писалось бы: *артта*, *къакъгъан*, *кёкке* и т. д.

Что касается непронизованных основ, то почти все они пишутся в соответствии с морфологическим принципом, например: *зыккыл* «оборванный», *чилле* «шелк», *аппа* «дед», *эски* «старый», *жаурукъ* «платок», *эчки* «коза», *хыликкя* «насмешка» и др., причем написание этих слов полностью соответствует их произношению.)

В карачаево-балкарском языке на основе фонетического принципа, по нашим подсчетам, пишется свыше 80% слов. Видимо, это и дает основание ряду ученых доминирующим принципом

карачаево-балкарской орфографии считать фонетический. Этот вывод можно сделать из следующего утверждения А. Ю. Бозиева: «Морфологический принцип выдерживается лишь в сочетаниях конечного глухого корня и начального звонкого морфемы: *кѳакѳ-гѳан* /*кѳакѳгѳан*/ «постучавший», *терек-ден* (*теректен*) «с дерева» (1973 : 134). Согласно этому утверждению корневые слова типа *эчки*, *эски*, *гюттю* и др. пишутся будто в соответствии не с морфологическим принципом, а фонетическим. По нашему мнению, здесь происходит смешение фонетического написания с фонетическим принципом, что имеет место и в других работах по орфографии (Азимов 1959 : 11; ОХЯ 1962 : 56) тюркских языков. Однако «не всякое фонетическое написание отвечает фонетическому принципу орфографии» (1966 : 39). Так, написания *эчки*, *эски*, *аппа*, *хиликкя*, *гюттю* и др. следуют не фонетическому, а морфологическому принципу, так как в их производных (*эчки-эчкичи* «пастух коз», *эчкиле* «козы»; *эски-эскилик* «старость, ветхость», *эскирек* «более старый, ветхий»; *аппа-аппаны* «деда», *аппам* «мой дед»; *хыликкя* — *хыликкялыкѳ* «достойный насмешки», *хыликкяны* «насмешку»; *гюттю* — *гюттюле* «пирог», *гюттючюк* «пирожочек») графическое написание корня везде одинаково.

В карачаево-балкарском языке количество фонетических написаний, нарушающих морфологический принцип орфографии, незначительно. Сюда относятся лишь такие слова, как *юѳкюр*, *юскюр*, *сепкил*, *сескен* и т. д., образованные путем прибавления афф. -*гюр*, -*гил*, -*ген* к корням *уѳ/юѳ* «дуновение», *юст* «ату», *сеп* «сеять», *сес* «чувство». Однако под воздействием прогрессивной ассимиляции данные слова давно перестали осмысливаться как производные, перейдя в разряд корневых слов.

Неверно, что в карачаево-балкарском языке слов, в которых конечный глухой корня сочетается с начальным звонким аффикса, незначительное количество. Такие слова (типа *кѳакѳгѳан*, *терекден* и т. д.) составляют более половины всех производных слов карачаево-балкарского языка. Об этом свидетельствует тот факт, что из 17 согласных букв (*з, й, к, кѳ, л, м, н, нг, п, р, с, т, у, ѳ, х, ч, ш*), стоящих в конце корневых слов, 9 (*к, кѳ, п, с, т, ѳ, х, ч, ш*) являются глухими, которые употребляются значительно чаще звонких.

Написания типа *туз-суз* «без соли», *ал-чы* «передовик», *тенг-ши* «одинаковый», *жыр-чы* «певец» и т. п. (т. е. написания, в которых конечный звонкий корня сочетается с начальным глухим аффиксов) отнюдь не нарушают морфологический принцип орфографии.

Традиционный (исторический) принцип карачаево-балкарского правописания проявляется только в написании слов, заимствованных из русского и через русский язык. Например: *Кавказ*, *антология*, *коммунизм*, *бригадир*, *фильм* и др. (нефонетические написания, не соответствующие произношению). Под-

черкнутые буквы и буквосочетания пишутся согласно орфографическим нормам русского языка и не отражают их произношения в карачаево-балкарском.

Некоторые исследователи, например, А. Ж. Будаев, к традиционному (историческому) принципу орфографии относят написание таких дореволюционных русских и арабо-персидских заимствований, как *машок* (вм. мешок), *минут* (вм. минута), *школ* (вм. школа), *тюрье* (вм. тюрьма), *капек* (вм. копейка), *зыраф* (вм. эсраф «мотовство»), *жаныуар* (вм. жанвар «животное»), *жамауат* (вм. жамаат «масса, народ») и т. д. на том основании, что эти заимствования в карачаево-балкарском языке пишутся не так, как в языке-источнике (Будаев 1975:99). Однако и написание новых заимствований, например, *совет* (вм. советский), *контор* (вм. контора), *газет* (вм. газета), *гранат* (вм. граната) и т. д. в карачаево-балкарском языке также не соответствует правилам языка-источника, т. е. русского. Оно полностью подчинено законам карачаево-балкарской фонетики. Ср. написание слов *тюрьма*, *мешок*, *эсраф*, *картофель* в виде *тюрье*, *машок*, *зыраф*, *картоф*, в которых отражается закон сингармонизма, согласно которому в одном слове не могут сочетаться передние и задние гласные. Слова *минута*, *школа*, *граната*, *газета*, *контора*, *копейка*, *советский* пишутся: *минут*, *школ*, *гранат*, *газет*, *контор*, *капек*, *совет*, так как в тюркских языках, в том числе и в карачаево-балкарском, отсутствует грамматическая категория рода.

Таким образом, правописание названных заимствований базируется не на традиционном, а на фонетическом принципе орфографии.

Кроме перечисленных выше орфографических принципов, в карачаево-балкарском правописании, как утверждают некоторые исследователи, имеются графический (?) и дифференцированный принципы. Например, русские заимствования, вошедшие через письменную речь, типа *партия*, *колхоз*, *коммунист*, *пролетариат*, *демонстрация*, *сочинение*, *учреждение*, *телевидение*, *бригадир*, *тракторист*, *клуб отряд*, *председатель*, *секретарь*, *область*, сохраняющие графическую форму слов языка-источника, по мнению А. Ю. Будаева, пишутся по графическому принципу (1975:99). Однако и в данном случае лучше пользоваться термином «традиционный (исторический)» принцип, тем более, что термин «графический» отсутствует в Сводах орфографий по другим языкам, в том числе тюркским.

Написания типа *къара кёз* «черный глаз» — *къаракёз* «черноглазый», *юч аякъ* «три ноги» — *ючаякъ* «треножка», *узун боюн* «длинная шея» — *узунбоюн* «длинношей», *тёрт мюйюш* «четыре угла» — *тёртмюйюш* «четырёхугольник», *къара къаш* «черная бровь» — *къаракъаш* «чернобровый» и др. А. Ж. Будаев относит к особому орфографическому принципу — дифференцирующему. Во-первых, следует выяснить, возможен ли при

звуковым письме дифференцирующий принцип орфографии. Большинство ученых считает, что на дифференцирующем принципе не может строиться вся орфография, построенное на таком принципе письмо может переродиться из звукового в идеографическое, т. е. в такое письмо, при котором графические знаки (в виде условных изображений или рисунков) служат для передачи слов или морфем. Поэтому целесообразным считается говорить не о дифференцирующем принципе, а о дифференцирующих написаниях (Гвоздев 1951 : 105; Иванова 1966 : 42; Опришко 1974 : 9; Валгина 1962 : 106), которые обычно являются следствием применения морфологического принципа.

Дифференцирующие написания — это такие написания, которые дают возможность различать на письме разные слова и формы, одинаково звучащие в устной речи (например, в русском языке *плач*—*плачь*, *туш*—*тушь* и т. д.) Что касается караево-балкарских *к̑ара к̑ѣз* — *к̑арак̑ѣз*, *юч аяк̑* — *ючаяк̑*, *к̑ара к̑аши* — *к̑арак̑аши* и т. п., то их написания не могут называться дифференцирующими, поскольку произносятся они по-разному. Более логично было бы, как нам представляется, говорить здесь о таком графическом средстве, как пробел. Именно благодаря наличию или отсутствию пробела написания *к̑арак̑ѣз* и *к̑ара к̑ѣз*, *узунбоюн* и *узун боюн* воспринимаются как одно слово — в первом случае, и два слова — во втором. Поэтому нам представляется правомерным мнение А. Я. Опришко, который предлагает слитное или раздельное написание считать особым орфографическим принципом (1974 : 10).

Из всего сказанного следует, что основным принципом караево-балкарской орфографии является морфологический.

Отметим, что некоторые тюркологи вместо морфологического принципа в орфографиях тюркских языков предлагают фонематический. Так, например, К. М. Мусаев пишет: «Основным, главным принципом орфографии тюркских литературных языков следовало бы провозгласить фонемный, или фонематический. Тесная связь орфографии с алфавитом также подтверждает мысль о том, что именно фонематический принцип лежит в основе тюркских орфографий, алфавиты которых отражают состав фонем, а не звуков языка» (1973 : 22—23). Действительно, если учесть, что мы на письме изображаем не звуки, а фонемы, то наше письмо фонематическое. Как справедливо отмечает М. В. Панов, морфологический принцип может объяснить единство написания одной и той же морфемы при разном ее произношении в составе разных слов и словоформ, но не может определить, каким должно быть это написание (1964 : 110).

Из того, что буквами обозначаются не звуки речи вообще, а фонемы, явствует, что различные звуки в составе слова или морфемы объединяются в одной фонеме. Например, звуки /з/ и /с/ в одном и том же корне *к̑ыыз* «девушка» и *к̑ыыз-сыз* /*к̑ыысыз*/ «без дочери, не имеющий дочери» объединяются в фонему /з/;

звуки /н/, /д/, /т/, например: *кѳол-дан* «от руки», *башын-дан* /*башыннан*/ «сверху», *таш-дан* /*таштан*/ «из камня» в одном и том же афф. -дан объединяются в фонему /д/ и т. д. Иначе говоря, чтобы передать на письме какие-либо морфемы, мы пишем знаки, буквы, соответствующие фонематическому составу данной морфемы. Это значит, что морфологический принцип базируется на фонематическом.

Как видно из приведенных примеров, фонематический принцип письма не противоречит морфологическому принципу: в том и другом случае сохраняется графический образ морфем (*кѳыз-дан*). Следовательно, написания *кѳызсыз*, *башындан*, *ташдан* и т. д. можно рассматривать и как морфологические, и как фонематические.

Конечно, фонематический принцип, по сравнению с морфологическим, более удобен для орфографии: он может решать те задачи ее совершенствования, которые неразрешимы при морфологическом принципе. Например, в правописании личных и указательных местоимений в некоторых падежах (*мен* «я», *манга* «мне», *бу* «этот», *мында* «здесь») невозможно соблюсти морфологический принцип, а фонематический соблюдается последовательно.

По нашим подсчетам, в современных карачаево-балкарских текстах фонематические написания составляют около 98%, а нефонематические — около 2%. Следовательно, карачаево-балкарская орфография основана на фонематическом принципе.

Тем не менее фонематический принцип не является универсальным. Например, он не может устранить в карачаево-балкарском языке чередований на стыке морфем: *китап* «книга» — *китабым* «моя книга»; *как* «мамалыга» — *кагы* «его мамалыга»; *кѳонакѳ* «гость» — *кѳонагѳыбыз* «наш гость»; *эгеч* «сестра» — *эгечиик* «сестренка».

По мнению некоторых ученых, например, К. М. Мусаева, подобные нефонематические чередования «исходя из фонематического принципа, можно было бы обозначить на письме одной буквой» (Мусаев 1973 : 23). При этом, как считает К. М. Мусаев, любой из вариантов чередования *кѳ/гѳ*, *к/г*, *п/б* (*кѳонакѳ*—*кѳонагѳ*, *как*—*каг*, *китап*—*китаб*) может быть принят как исходный (там же : 31).

Думается, что в отношении карачаево-балкарской орфографии не безразличен выбор того или иного чередующегося согласного. Например, из вариантов *п/б* целесообразен /б/, так как при выборе /п/ словоформы *китабым* «моя книга», *жууабы* «его (ее) ответ», *сабын* «ручку чего-либо», *жиби* «его (ее) аркан», *эгечиик* «сестренка», *чѳѳюшчюк* «молоточек» и т. д. придется писать и произносить в виде *китапым*, *жууапы*, *сапын*, *жипи*, *эгечик*, *чѳѳючик*, что затруднит понимание этих слов.

Что касается чередований *к/г*, *кѳ/гѳ*, то перед притяжательными аффиксами целесообразно писать звонкие варианты

(г, гъ), а во всех других случаях — глухие варианты (к, къ), т. е. в соответствии с произношением. Если же в именительном падеже будет писаться не *к, къ*, а *г, гъ*: *каг, тарагъ* и т. д., то для сохранения графического единообразия корневой морфемы придется писать *кагны, кагга, кагда, тарагъны, тарагъгъа, тарагъда...* В таком случае измененные в написаниях буквы пришлось бы читать как соответствующие им звуки. Однако при таком написании и соответствующем прочтении мы «разрушили» бы слово.

В целях последовательного соблюдения фонематического принципа в карачаево-балкарское письмо, как нам кажется, необходимо ввести следующие изменения:

1. Йотированные гласные *е, ё, ю, я* следует изображать двумя буквами: *йе, йо, йу, йа*, так как йотированное письмо затемняет морфологический состав слова: соседние буквы корня и аффикса на стыке заключаются в одну оболочку. Это происходит в следующих случаях:

а) при образовании деепричастия от глаголов неопределенной формы на *й*: *къой-* «оставить» — *къойа* «оставляя»; *къуй-* «наливать» — *къуйа* «наливая»; *кий-* «одевать» — *кийе* «одевая»; *сюи-* «любить» — *сюие* «любя» и т. д.;

б) при оформлении имен существительных аффиксами принадлежности: *той* «свадьба» — *тойум (-унг, -у)* «моя, твоя, его (ее) свадьба», *тойубуз (-угъуз)* «наша, ваша свадьба»; *къой* «овца» — *къойум (-унг, -у)* «моя, твоя его (ее) овца», *къойубуз (-угъуз)* «наша, ваша овца» и т. д.;

в) при употреблении частицы *а* после формы на *май (мей)*: *бермей* «не давая» — *бермей а*, *кюлмей* «не смеясь» — *кюлмей а*, *билмей* «не зная» — *билмей а*, *кёрмей* «не видя» — *кёрмей а* и т. д.

Существующее написание *бермея, кюлмея, билмея, кёрмея* и т. п. не только затемняет морфологический состав этих слов, но и нарушает правило карачаево-балкарской орфографии, согласно которому частицы пишутся отдельно. Кроме того, это противоречит и закону сингармонизма, поскольку к мягким слогам присоединяются твердые звуки (слоги). К тому же, йотированное написание противоречиво и само по себе. Так, например, мы пишем *азая* «уменьшаясь», *саргъая* «желтея», *улгъая* «взрослея» и т. д., но пишем и *кёбейе* «увеличиваясь», *селейе* «затихая», *терсейе* «переставая заживать, разойдясь краями (о ране)» и т. д. При последовательном применении йотированного написания эти слова следовало бы писать в виде *кёбее, селее, терсее*. Однако этого делать нельзя, так как для карачаево-балкарского языка стечение гласных нехарактерно.

2. Не следует передавать на письме выпадение узких гласных в словах типа *эриним, къарыным, бурунум, ауузум* и т. п.

3. Целесообразно сохранить оба безударных гласных в сложных словах типа *экиемчек*, *къысхаакъыл*, *къарааякъ*, *уллаууз*, *къысхаатек*, *къатыемчек* и др.

Необходимость этих рекомендаций диктуется тем, что благодаря им восстанавливается морфемный состав многих слов, облегчается их анализ, а тем самым и понимание состава слова, изучающими карачаево-балкарский язык.

Библиография

- Азимов 1959: *Азимов П.* Орфография туркменского языка. Ашхабад, 1959.
Балакаев 1952: *Балакаев М. Б.* Вопросы казахской грамматики и орфографии. Алма-Ата, 1952.
Бозиев 1973: *Бозиев А. Ю.* Орфография карачаево-балкарского языка.— «Орфографии тюркских литературных языков СССР». М., 1973.
Будаев 1975: *Будаев А. Ж.* Об орфографии карачаево-балкарского языка.— «В помощь учителю. Сборник статей». Нальчик, 1975.
Валгина и др. 1962: *Валгина Н. С.* и др. Современный русский язык. М., 1962.
Гвоздев 1951: *Гвоздев А. Н.* Основы русской орфографии. Изд. 3, М., 1951.
ГКБЯ 1976: Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1976.
Иванова 1966: *Иванова В. Ф.* Современный русский язык. Графика и орфография. М., 1966.
Мусаев 1973: *Мусаев К. М.* Вопросы разработки и дальнейшего совершенствования орфографий тюркских литературных языков Советского Союза.— «Орфографии тюркских литературных языков СССР», М., 1973.
МТО 1970: Малкъар тилни орфографиясы бла пунктуациясы. Нальчик, 1970.
Опрышко 1974: *Опрышко А. Я.* Современный русский литературный язык. Орфография. Харьков, 1974.
ОТО 1963: Основы тувинской орфографии. Кызыл, 1963.
ОХЯ 1962: Орфография хакасского языка. Абакан, 1962.
Панов 1964: *Панов М. В.* И все-таки она хорошая. Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М., 1964.
ПОГЯ 1958: Правила орфографии гагаузского языка. Кишинев, 1958.

ОБ ОТРАЖЕНИИ ЗАКОНА НЕБНОГО СИНГАРМОНИЗМА В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ОРФОГРАФИИ

В карачаево-балкарском языке действует закон небного сингармонизма. Сущность его заключается в том, что в составе слова могут быть гласные либо «мягкие» (*е, ё, ю, и*), либо «твердые» (*а, о, у, ы*): *ёретинлей* «стоя», *жонгурчиха* «щепка» и т. п. Исключение составляют лишь заимствования (в основном советского периода) и сложные слова: *комиссия, социализм, экиатар* «двустволка», *ючжыллыкъ* «трехлетний» и т. д., количество которых не превышает 1% словарного состава языка.

Однако закон небного сингармонизма в орфографии карачаево-балкарского языка отражается непоследовательно. Причем десингармонизация наблюдается как в словах, так и в слогах и аффиксах.

Цель настоящей статьи — рассмотреть все эти случаи.

В исследуемом языке нами зарегистрировано свыше 100 слов с тюркским корнем, которые, наряду с сингармонистическим, имеют 1—2 несингармонистических варианта. Наиболее употребительны следующие: *ышар/ишар* «улыбаться», *ышан/ишан* «надеяться, признак», *ыйнакла/ийнакъла* «ласкать, нежить», *ыйнан/ийнан* «верить», *ыйлыкъ/ийлыкъ* «брезговать, стыдиться», *ыйыкъ/ийыкъ* «неделя», *зая/зея* «бесполезно, зря, напрасно», *хыяр/хияр* «тыква», *жагъын/жагъин* «каприз, норов», *чырай/чирай* «внешний вид, красота», *чыракъ/чиракъ* «лампа, свеча», *чырахтан/чирахтан* «подсвечник», *мынчакъ/минчакъ* «бусы», *чычхан/чичхан* «мышь», *осуят/осият* «завешание», *жылан/жилян/жилан* «змея», *жыла/жиля* «плакать», *бычакъ/бичакъ* «нож», *чыммакъ/чиммакъ* «совершенно белый», *къыртчын/къыртчин* «лютый», *къыртыш/къыртиш* «поверхность, верхний слой», *быштады/биштади* «первотелка», *ырахын/иряхын* «болезненный, хворый, нездоровый», *уян/юян* «проснуться», *уя/юя* «гнездо», *туякъ/тюякъ* «копыто», *сырыйна/сырийна* «сви-рель», *хыпыяр/хипияр/хыпияр* «шаловливый, озорной», *уюкъ/ююкъ* «валенки», *бышлакъ/бишлакъ/бишлякъ* «сыр», *хыжы (хи-жи) /хыжи* «посох», *хычын (хичин) /хычин* «хичин (пирог большой и тонкий)», *жаяу (жыяу)/жияу* «пешком, пеший», *жаякъ (жыякъ)/жиякъ* «челюсть, щека», *жыя (жая)/жия* «лук», *чыран/чиран* «ледник», *бугъой/бугъей* «расщелина (на леднике)» и др.

Приведем несколько примеров на несингармонистические варианты этих слов: *Ишаргъан къыйын туюл эди...* (А. Тёппеев. Чамны да чам биледи, 58) «Нетрудно было улыбнуться»; *Тау тиширыу ишанмагъанды (юйдегини) ашына* (С. Шахмурзаев. Таулуну календары, 93) «Горянка заботилась о питании семьи»; *Бек алгъа Малжей, аны ызындан жашла юяндыла* (Б. Гуртуев. Жангы талисман, 349) «Сперва проснулся Малжей, а затем и ребята»; *Бир ийыкъдан тубешдиле* (С. Шахмурзаев, Назмула, 26) «Через неделю они встретились»; *Тынч жукълайды къуш юяда* (К. Отаров. Танг жулдузум, 18) «Спокойно спит орел в гнезде»; *Экиси да, бир бирлеринден юялып, сёлешмей... турдула* (Ж. Залиханов. Жаннган жүрекке, 297) «Стесняясь друг друга, они долго не разговаривали»; *Шабаз улуу чинар терек аугъанлай, къыртышге жыгъылды* (М. Шаваева. Кечерлеми?, 71) «Шабаз упал на траву как могучая чинара»; *Къыртчин жыгъады учхан къанатлыны* (Къ. Кулиев. Жаралы таш, 98) «От лютого мороза птица падает на лету»; *Ариу чирайынг тюшюрдю тёрт санымы да тузакъга* (М. Мокаев. Жырла бла жылла, 34) «Твой прекрасный облик пленил меня»; *Жыжымладан бири жиягъыма... тийди* («Шуёхлукъ», 1971, № 2, 53) «Одна из верёвок ударила меня по лицу»; *Районну аскер комиссары... тиягъына тияна-тияна ...арбазгъа кирди* (С. Тёппеев. Атам урушдан къайтса, 19) «Военный комиссар района... опираясь на палку, зашел во двор»; *Эт, жау, бишлякъ... юлешдиле* (О. Этезов. Тарда, 209) «Раздали мясо, масло, сыр»; *Юйню ичи къурум, бишлякъ... ийисден толду* (З. Зокаев. Солуу кюн, 11) «Дом наполнился запахом саж и сыра»; *Азамат къагъытланы хинкалча туурады* (А. Тёппеев. Отлукъ ташла, 211) «Азамат нарезал бумагу как лапшу»; *Нана хинкял бишире турады* (О. Этезов. Тарда, 226) «Нана варит лапшу».

Анализ живой речи балкарцев и карачаевцев (включая записи на магнитофонную ленту, а также наблюдения над нею в полевых условиях) показывает, что в речи карачаевцев и цокающих балкарцев случаев нарушения сингармонизма гораздо меньше, нежели в речи остальных носителей карачаево-балкарского языка. Так обстоит дело и в письменном языке. Например, в печатных работах карачаевцев и цокающих балкарцев абсолютное большинство приведенных выше слов пишется в соответствии с законом сингармонизма: *Къанамат, Ахматны айтханына толу ыйнанып, ышарды* (Къобалланы Д. Таулада таууш, 322) «Поверив тому, что сказал Ахмат, Канамат улыбнулся»; *Хар чигинжиде чырахтан орнатылып, алада нарат чыракъла жанадыла* (Узденов А. Саняйт, 68) «На каждом столбе установлен подсвечник и горят свечи»; *Жюйюсхан улуу бычагъын къынындан чыгъарды* (Байрамукъланы Х. Чолпан, 11) «Князь вытащил кинжал из ножен»; *Бугъойладан кёк кюкюрегенча таууш келеди* (Аппаланы Х. Къара кюбюр, 98) «Из ледниковых трещин слышатся звуки, подобные грому»; *Жарахмат жастыкъ*

юсюнден намаз мынчакъларын алды (Ж. Токумаев. Нартланы туудукълары, 66) «Жарахмат взял с подушки свои чётки». Къарт къатын... жылай къалды (А. Узденов. Саният, 56) «Старуха... продолжала плакать; Ол менден ылыкъгъан эте эди (З. Зокаев. Солуу кюн, 49) «Он брезговал мною»; Жамбот Исламны къолуна хыжыны тутдурду (Ж. Токумаев. Дертли къама, 14) «Жамбот дал в руки Ислама посох»; Сени уятыргъа ышаннгылы нёгерлеринг жалан да кюн таякъладыла (И. Гадиев. Санга айтама, 12) «Надежными друзьями, которые могут разбудить тебя, являются только солнечные лучи».

Ряд слов карачаево-балкарского языка на письме употребляется в мягком и твердом сингармонистических вариантах: Ахматдан эсе ол (Аминат) сыркыуду Хубийланы. (О. Аминат, 52) «Она (Аминат) шаловливее Ахмата»; Сиркиу эди Алакъай мардасыз (С. Отаров. Назмула, 16) «Алакай был чересчур шаловлив»; Залыкълды табын, аны эзгенди, Кюкюртню да къошун, сора сюзгенди (Аппаланы. Х. Къара кюбюр, 183) «Нашел (он) рододендрон, выжал его и, смешав с серой, процедил»; Тапханды (таулу) кукуртню («Шуёхлукъ», 1967, № 1, 27) «Нашел (балкарец) серу»; Алайда дюрюле кёп эдиле («Ленинни байрагъы», 14/V 1972) «Там было много рядов скошенного сена»; Ол (Мустафа), дуру юсюне ортуруп, чалгъы тишей турады (А. Тёппеев. Кюн батмайды, 182) «Он (Мустафа) сидел на скошенном ряду сена и отбивал косу»; Къар болмаса, кюрт болмаз («Къарачай нарт сёзле», 149) «Без снега сугроба не бывает»; Жашчыкъла куртню жырып барадыла («Коммунизмге жол», 22/IV 1977) «Мальчики идут по сугробу»; Мылы тала энди бютюн да иликъжи болгъанды (Б. Гуртуев. Жангы талисман, 231) «Мокрое поле теперь совсем раскисло»; Эрикле челекде эзилп, ылыкъы-жы болгъандыла («Коммунизмге жол», 18/IX 1974) «Сливы в ведре сильно помялись»; Тийишли сёз мен тапмайма Сени юсюнден жазаргъа (С. Макитов. Шаудан, 46) «Чтобы написать о тебе, я не нахожу подходящих слов»; Партбюро политика окъуугъа тыйынышлы эс бёледи («Ленинни байрагъы», 24/IX 1964) «Политучебе партбюро уделяет должное внимание»; Жауун тамычыла будай башланы юслеринде жим-жим жылтырадыла («Шуёхлукъ», 1959, № 5, 62) «Капли дождя ярко блестят на пшеничных колосьях»; Таулу тишириуну ёшюнюнде алтын жулдуз... жым-жым жылтырайды («Шуёхлукъ», 1974, № 1, 99) «На груди горянки ярко горит золотая звезда»: Ёзенгиле... ары — бери гиллиулейдиле (Б. Гуртуев, Жангы талисман, 203) «Стремена... качаются»; Аны сыртында... къапчыкъ гыллыулай эди (О. Этезов. Къаяла унутмагъандыла, 41) «На спине его качался кожаный мешочек»; Аю кюркесинден чыккъды («Ленинни байрагъы», 29/VIII 1973) «Медведь вышел из берлоги»; Къыш айыу куркасындан хазна чыкъмай эди («Коммунизмге жол», 14/II 1965) «Зимой медведь редко выходил из берлоги».

Нецелесообразность употребления на письме двух сингармонистических вариантов, как и всяких вариантов одного и того же слова, не вызывает сомнения. Задача только в том, какой из этих вариантов — мягкий или твердый — больше характеризует карачаево-балкарский язык. Если судить по количеству людей, употребляющих данные слова, то оказывается, что в речи одной и той же языковой группы в одних случаях доминирует твердый, а в других — мягкий вариант сингармонизма. Например, карачаевцы наряду с *тыйынышлы, сыркыу, гыллыула* употребляют *кюрт, дюрю, кюкюрт, кюрке*, балкарцы наряду с *тийишлы, чюйютлю* употребляют *дуру, курт, курка* и т. п. Поэтому количественный критерий не позволяет решить вопрос в отношении того или иного написания названных слов.

На наш взгляд, при выборе одного из двух сингармонистических вариантов написания надо руководствоваться тем, какой вариант сингармонизма — мягкий или твердый — доминирует в языке. Как показывают проведенные нами статистические подсчеты, из 40 тысяч слов, включенных в словник составленного многотомного толкового словаря карачаево-балкарского языка лишь около 10 тысяч (т. е. одной четверти), имеют мягкий сингармонистический вариант. Следовательно, целесообразнее закрепить на письме твердый сингармонистический вариант: *сыркыу, кукурт, дуру, курт, ылыкъыжы, тыйынышлы, жымы-жым, гыллыула, курка, чуутлу* и т. п.

В чокающем диалекте и баксанско-чегемском говоре согласные *ж, л, н, к, г, р* имеют палатализованный вариант независимо от гармонии гласных, т. е. их мягкий вариант сочетается с гласными заднего ряда: *жилян «змея», биямукъ «мучная похлебка», кямар «женский пояс с серебряными украшениями», гяуур «неверный», гирянча «разновидность женского платка»* и др.

Некоторые исследователи карачаево-балкарского языка, основываясь на правописании подобных слов, полагают, что в данном языке имеются мягкие согласные фонемы (Алиев 1972 : 20). Однако палатализованные согласные *ж, л, н, к, г, р* фонематически не могут быть противопоставлены согласным *ж, л, н, к, г, р*, так как в карачаевском варианте и цокающем диалекте языка слова *жилян, биямукъ, кямар* и др., употребляясь в том же значении, произносятся с твердыми *ж, л, к*; ср.: *жилян/жылан биямукъ/биямукъ, кямар/камар* (Гузев 1973 : 59).

Причина нарушения сингармонизма в написании слов непосредственно связана с их произношением. Известно, что абсолютное большинство слов в тюркских языках пишется в соответствии с произношением (Мусаев 1973 : 24). В карачаево-балкарском языке написаний, не соответствующих произношению, — незначительное количество, и встречаются они только в производных словах: *жанлы/жаллы* «волк, хищник», *таида/ташта* «на камне», *кючсюз/кюшсюз* «бессильный», *озса/осса* «если опередит» и т. п.

Следовательно, слова *камар, чырай, жылан* и др. в баксанско-чегемском говоре произносятся в виде *кямар, чирай, жилин*, что и отражается носителями данного говора на письме.

В произведениях таких писателей, как А. Тёпшеев, Б. Гуртуев, Ж. Залиханов, К. Отаров, С. Шахмурзаев и др.—носителей баксанско-чегемского говора, кроме палатализации ряда согласных, как видно из приведенных выше примеров, имеют место и случаи замены гласных заднего ряда *у, ы* гласными переднего ряда *ю, и*. Например: *ишар, ишан, ийыкъ, юял, юян* вместо *ышар, ышан, ыйыкъ, уя, уял, уян*.

Говоря о влиянии устного языка на письменный, следует особо остановиться на согласном *ч*. Этот звук не только в тюркских, но и во многих других языках народов Советского Союза не имеет твердого варианта, т. е. всегда произносится мягко и в соседстве с гласными заднего ряда, ср.: *уч-* «летать» — *юч* «три», *ач-* «открывать» — *кеч* «поздно, прощать» и т. п. Видимо, только этим можно объяснить написание слов типа *чичхан, чиран, чирай, ортанчи* вместо *чычхан* «мышь», *чыран* «ледник», *чырай* «внешний вид, красота», *ортанчы* «средний» и т. п., которые можно встретить не только в художественных произведениях и периодической печати, но и в орфографическом словаре — приложении к орфографии и пунктуации карачаево-балкарского языка (МТО 1970 : 128, 180).

В отличие от вышеприведенных слов, пишущихся двояко: *чычхан/чичхан, чыран/чиран, чырай/чирай, ортанчы/ортанчи*, одновариантно в написании только слово *чинар*.

Влияние палатализованного произношения согласного *ч* на написание последующих за ним гласных особенно наглядно можно видеть на примере орфографирования слова *чююлде* «чирикать, щебетать, пищать; свистеть (о пуле)», которое осуществляется в следующих вариантах: *чююлде/чууулде/чууулде/чууулда/чюйюлде/чюйюлде*: *Окъла чююлдей эдиле* (О. Этезов. Тарда, 45) «Пули свистели»; *Мыга бала чууулдейди* («Шуёхлукъ», 1968, № 4, 14) «Перепеленок издает писк»; *Чууулдейдиле чыпчыкъла* (М. Мокаев. Къушну ауанасы, 60); *Окъла чууулдап башладыла* («Коммунизмге жол» 10/VI 1974) «Пули начали свистеть»; *Чыпчыкъ... биягъы чюйюлде башлады* (Т. Коджакова. Сыргъачыкъла, 13) «Воробей... опять начал чирикать»; *Чууакъ кёкде къанатлыла чюйюлдейдиле* («Шуёхлукъ», 1967, № 1, 38) «В ясном небе щебечут птицы».

Однако палатализованность согласного *ч* не должна отражаться на правописании последующих гласных. Поэтому приведенные слова следует писать в соответствии с законом сингармонизма: *чыран, чырай, чычхан, чыракъ, ортанчы, чынар, чююлде*. В пользу этого говорит и написание данных слов в других тюркских языках: тур. *ортанча*, башк. *уртансы*, тат. *уртанчы*, ног., кум. *ортанчы*, кирг. *ортончу*; башк. *сырай*, тат., кир.,

ног., кум. *чырай*; башк. *сыра*, тат. *чыра*, кирг., кум., ног., *чы-ракъ*; башк. *сыскан*, кирг. *чычкан*, ног. *чычкъан* и т. п.

Из орфографических вариантов типа *бугъой/бугъей* «расщелина (на леднике)», *огъосе/огъесе* «или; в таком случае», *жагъын/жагъин* «каприз, норов», *такъыйкъа/такъийкъа* «секунда», *тыкъыл бол/тыкъил бол* «упрямиться», *чыкъынжик/чыкъинжик* «сорока», *чогъож бол/чогъеж бол* «отказаться от слова; раздумать, идти на попятный», *хыли/хили* «шалость», *хыяр/хияр* «тыква» и т. п. правильными являются первые. Это доказывается тем, что в карачаево-балкарском языке согласные *къ*, *гъ* употребляются только с гласными заднего ряда (Будаев 1968 : 140 и сл.), а употребление *х* с гласными переднего ряда характерно только для цокающего диалекта, в литературном же языке этот согласный встречается лишь в таких заимствованиях, как *сехле* «жерди, которые ставятся на ворота поперек», *абезех* «парный круговой танец», *нѣх* «любимый, дорогой» и т. п., где он занимает позицию только после гласных переднего ряда. В позиции же перед гласными переднего ряда употребление *х* противоречит орфоэпическим нормам карачаево-балкарского языка. Поэтому в речи карачаевцев и балкарцев и заимствования типа *химия*, *хина* и т. п. нередко звучат в виде *хымия*, *хына*.

Исходя из всего сказанного, в письменном языке надо закрепить первый, т. е. сингармонистический вариант слов, приведенных в начале настоящей статьи.

Что касается сингармонистических вариантов *тыякъ/таякъ*, *тыян/таян*, *жыякъ/жаякъ*, *жая/жыя*, то из них для написания наиболее подходящим представляется второй по следующим соображениям. За исключением последнего, эти слова в современных тюркских языках пишутся не с гласным *ы*, а с гласным *а*: ср. кирг., каз., тат., башк. туркм., кум., ног. *таяк*, *таян*; аз. *дайаг*, *даيان*; каз. *жакъ*, кирг. *жаакъ*, кум. *якъ*, ног. *якъ*, узб. *жаг*, тат., башк. *ягак*. Этимология этих слов также говорит о том, что они должны писаться в виде *жаякъ* от *жай-* «раскрыть, распускать», *таякъ*, *таян* от *тая-* «подпирать, прислонять ставить опору», *жыя* от *жый-* «согнуть».

В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, сингармонизм слога более устойчив, чем сингармонизм слова. Например, слова *хыли* «шалость», *жашил* «зеленый», *лѣкъу* «шиповник», *чыкъынжик* «сорока» несингармонистические, однако слоги в них сингармонистичны: *хы-ли*, *жа-шил*, *лѣ-къу*, *чы-къын-жик*.

Несингармонистические слоги в карачаево-балкарском языке, как правило, встречаются среди арабо-персидских заимствований: *некях* «венчание», *зекят* «очистительная милостыня в пользу бедных», *кяфыр* «безбожник», *гяуур* «иноверец», *гюнях* «грех», *шерият* «шариат» и т. п.

Нередко можно заметить что в печати в одних случаях сингармонизм в аналогичных словах сохраняется полностью (*ка-*

фыр, гауур, зекет), в других случаях он сохраняется только в слогe (*неках, зекат, гюнах, шерият*): *Сен дини болмагъан кафырса* («Коммунизмге жол» 20/VII 1970) «Ты богоотступник»; *Бай зекет бергенин да тохтатханды* (Махтум-Кули. Назмула, 125) «Богач прекратил платить очистительную милостыню»; *Неках, къалам излемей, Гюнахлыны сакълайма* (Т. Зумакулова. Къез жарыгъым, 68) «Я не требую венчания, ручки, Жду грешника»; *Деуюр, ысхат, зекат, фитир, эй молла! Неках, къалын — бары шерият жолла* (Къаракётланы И. Сайламалары, 58) «Подарки из вещей умершего и скот, раздаваемый на помин души, очистительная милостыня, эй, мулла! Венчание, калым — все это шарната пути». Подобные написания нельзя считать правильными, поскольку эти слова фонетически освоены в виде *кяфыр, гяуур, зекят, неках, гюнях, шерият*.

При сочетании аффиксов с основой слова доминирующим является последний слог основы, поэтому гласные аффиксов уподобляются гласному конечного слога корня: *илипин-ле-ни* «каналов» *орам-ла-да* «на улицах» и т. п. Исключения составляют аффиксы *-ча, -ал*: *жигит-ча* «героически», *кет-алмадым* «я не мог уходить и т. п.

Однако на письме эта закономерность осуществляется не всегда последовательно. Так, к словам *иллеу* «игрушка», *кишиу* «кошка» (дет.) «сережка (вербы)», *хал* «положение, состояние, настроение» зачастую прибавляются аффиксы, не соответствующие закону сингармонизма: *Сабий иллеула турадыла солуп* («Шуёхлукъ», 1971, № 4, 77) «Детские игрушки лежат без применения»; *Ёлканы омакъ жасап, Такъдыкъ тюрю иллеула* (И. Маммеев. Чалгъы, 117) «Красиво нарядили ёлку, навесили разные игрушки»; *Кишиулары ...талланы жумушакъдыла...* (Къ. Кулиев. Чумла къызарадыла, 159) «Сережки верб мягкие»; *Кишиуну нек жокъду къоллары?* (А. Биджиев. Сайланганлары, 15) «Почему у кошки нет рук?»; *Ортайны хали халлейди* (А. Узденов. Саняят, 20) «У Ортая положение прежнее».

В карачаево-балкарском алфавите гласный *у* и согласный *у* (краткий) обозначаются одной буквой *у*. Это несовершенство алфавита создает затруднение при орфографировании аффиксов, прибавляемых к словам с конечным согласным *у* (кратким). Так, судя по приведенным выше примерам, этот согласный может писаться с гласным *у*, в связи с чем к словам *кишиу*, *иллеу* вм. аффиксов с «мягкими» гласными присоединяются аффиксы с «твердыми» гласными.

Одним из сложных вопросов орфографии карачаево-балкарского языка, связанных с отражением сингармонизма на письме, является вопрос о написании аффиксов, присоединяемых к заимствованиям (сюда относятся также топонимы и фамилии). По правилам орфографии следует писать аффиксы в соответствии закономерностями родного языка (МТО 1970 : 20). Исклю-

чение составляют слова типа *заявление, учреждение*, при изменении которых конечный *е* переходит в *я* и, таким образом, вместо аффиксов *-ни, -ге, -де, -ден, -ле* присоединяются аффиксы *-ны, -гъа, -да, -дан, -ла*, что противоречит закону сингармонизма.

В этом вопросе наиболее последовательными оказались карачаевцы, не сделав никаких исключений.

Однако в печати, особенно периодической, часто встречаются написание типа *поездгъа, румынли, злотыхден; судде, Зеленчукню, Янтарныйни, Седыхни, Грунцден* и т. п. вм. *поездге* «в поезд», *румынлы* «румын», *судда* «на суде», *Зеленчукню* «Зеленчука», *Янтарныйны* «Янтарного», *Седыхны* «Седых» (род. п.), *Грунцдан* «от Грунца» и т. д.

Примеры: *Поездгъа къалауурлукъ бир ненча къызыл аскерчи эте эдиле* (Е. Мар, Ленинде къонакъда, 113) «Поезд охраняло несколько красногвардейцев»; *Румынли энергетиклени кюню* («Коммунизмге жол», 22/X 1975) «День румынских энергетиков»; *Этилген ишни багъасы 5 миллиард злотыхден атлагъанды* («Ленинни байрагъы», 16/VI 1973) «Выполнено работ более чем на 5 миллиардов злотых»; *Судде даулаш чыкъды* (Х. Кациев. Салам алейкум, 210) «Начался спор на суде»; *Зеленчукню юсю бла ётген трассада кёп автомашина ашыгъыш жюрюйдю* («Ленинни байрагъы», 16/VI 1973) «Много автомашин превышает скорость на трассе, проходящей через Зеленчук»; *Алтудну бла Янтарныйни арасында жолда авария болгъанды* («Коммунизмге жол», 30/IX 1975) «На дороге между Алтудом и Янтарным произошла авария»; *Восток Сибирни китап басмасы К. Седыхни «Даурия» деген китабын чыгъарлыкъды* («Коммунизмге жол», 8/VIII 1975) «Книжное издательство Восточной Сибири выпустил книгу К. Седых «Даурия».

Как в Своде орфографических правил карачаево-балкарского языка 1934 г., так и в Сводах 1961 и 1964 гг. нет ответа на вопрос о том, какие аффиксы — с «мягкими» или «твёрдыми» гласными — должны присоединяться к заимствованиям, имеющим на письме мягкий знак в конце слова: *январь, июнь, октябрь* и т. п. В результате очень часто встречаются такие написания, как *октябрны/октябрни* «октября», *октябрда/октябрде* «в октябре»; *ноябрда/ноябрде* «в ноябре»; *декабргъа/декабрге* «к декабрю»; *сентябрдан/сентябрден* «от сентября» и т. п. Например: *Октябрни поэмасы* (назв. книги К. Отарова) «Поэма Октября»; *Саят Нова тугъанлы быыйл октябрда 250 жыл болду* («Шуёхлукъ», 1963, № 4, 3) «В октябре этого года исполнилось 250 лет со дня рождения Саят Нова»; *Жетинчи ноябрде къууанч уллуду бизде* («Ана тил, 1-чи классха», 1973, 78) «Седьмого ноября у нас большая радость»; *Осман да 7-чи ноябрда тугъанды* («Коммунизмге жол», 6/XI 1976) «Осман тоже родился 7 ноября».

По закону сингармонизма все названия месяцев, имеющие мягкий знак на конце, требуют аффиксов с задними гласными, поэтому написания *октябрни, ноябрде* и т. п. неправильны.

К нарушению закона сингармонизма иногда приводит и необозначение двух точек над *е*, так как, в отличие от тюркского гласного *ё*, к русскому йотированному гласному *ё* в карачаево-балкарском языке прибавляются аффиксы с «твердыми» гласными (ср.: *кёз* «глаз» — вин. п. *кёз-ню, бёрк-ге* «к шанке» и *монтёр-ну* «монтёра», *боксёр-гъа* «боксёру» и т. п.): *Базарбийни жашы шоферлик бла кълалмазгъа керек эди* (Хубийланы О. Аманат, 11) «Сын Базарбия не должен был успокоиться лишь профессией шофёра», *Даулет шоферин чакъырды* (Х. Кадиев. Аланла, сизде уа не хапар? 20) «Даулет вызвал своего шофёра»; *Колхозда механикле, биринчи класслы шофёрла... бардыла* («Шуёхлукъ») 1959, № 4, 111) «В колхозе имеются механики, первоклассные шоферы».

Правильным будет написание: *шофёрлукъ, шофёрун, шофёрла*.

В орфографии тюркских языков спорным является вопрос о правописании аффиксов, присоединяемых к аббревиатурам. Между тем в Своде орфографических правил карачаево-балкарского языка он совершенно не освещен, вследствие чего нередко у одного и того же автора, даже в одном и том же тексте можно встретить такие разные написания, как *ЧССР-де/ЧССР-да* «в ЧССР». *КъМАСССР-ны/КъМАСССР-ни* КБАССР (род. п.), *ВКП(б)-ны/ВКП(б)-ни* «ВКП(б)» (род. п.), *АПН-ниди/АПН-ныды* «принадлежит АПН» и т. п.

Примеры: *ЧССР-ден келген къонакъла Москваны бир къау-ум заводларында болгъандыла* («Коммунизмге жол», 17/III 1972) «Гости из ЧССР посетили ряд московских заводов» — *ЧССР-да машинала ишлеу терк айнып барады* («Коммунизмге жол», 30/IX 1975) «Развитие машиностроения в ЧССР набирает темпы»; *Алоев КъМАСССР-ны культураны отличнигиди* («Коммунизмге жол», 2/X 1975) «Алоев — отличник культуры КБАССР» — *Алоев КъМАСССР-ни Култура министрствосуну грамотасы бла сауғаланнганды* («Коммунизмаге жол», 2/X 1975) «Алоев награжден грамотой Министерства культуры КБАССР»; *Экинчи бешжыллыкъны планын ВКП(б)-ны XVII съезди* (1934 ж.) *къабыл этгенди* («Коммунизмге жол», 29/VIII 1975) «XVII съезд ВКП(б) одобрил план второй пятилетки»; *Стахановчу къымылдауну айныуунда ВКП(б)-ни АҚ-сыны декабрь* (1935 ж.) *Пленумуну уллу мағъанасы болгъанды* («Коммунизмге жол», 29/VIII 1975) «Декабрьский (1935 г.) Пленум ЦК ВКП(б) имел огромное значение в развитии стахановского движения»; *Сурат ЧТК-ны бла АПН-ныды* («Коммунизмге жол», 30/IX 1975) «Фото ЧТК и АПН» — *Сурат ЦБ-ны бла АПН-ниди* («Коммунизмге жол», 16/IX 1975) «Фото ЦБ и АПН».

На наш взгляд, при присоединении к аббревиатурам аффиксов карачаево-балкарского языка следует учитывать гласный звук, имеющийся в аббревиатуре, а при его отсутствии — учитывать произношение последнего согласного. Например: *ООН-да* «в ООН», *ТАСС-ны* «ТАСС» (вин. п.), *МТС-ге* (эМТээС-ге) «в МТС», *ПМК-да* (ПээМҚа-да) «в ПМК» и т. п. Однако в таких аббревиатурах, как *АПН, УССР, АП, АТС*, последний согласный звук произносится мягко: *АПээН, УэСэСэР, АТээС, АПэ*. Следовательно, к ним должны присоединяться аффиксы с гласными переднего ряда: *АПН-ни* «АПН» (род. п.), *УССР-де* «в УССР», *АТС-ни* «АТС» (род. п.).

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Случаев нарушения сингармонизма на письме должно быть как можно меньше, причем написание слова должно соответствовать его произношению.

2) Поскольку абсолютное большинство карачаево-балкарских слов имеет «твердое» произношение, из твердого и мягкого сингармонистических вариантов написаний слов целесообразнее закрепить твердый.

3. Из двух твердых сингармонистических вариантов написаний слова (*жаяу/жыяу, таян/тыян* и т. п.) следует также закреплять один, руководствуясь при этом этимологией слова и учитывая его написание в других тюркских языках.

4. При аффиксации аббревиатур следует учитывать характер гласного в них, при его отсутствии — произношение последнего согласного.

Библиография

- Акбаев 1963: *Акбаев Ш. Х.* Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1963.
 Алиев 1972: *Алиев У. Б.* Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1972.
 Будаев 1968: *Будаев А. Ж.* Система фонем современного карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1968.
 Гузев 1973: *Гузев Ж. М.* О составе фонем современного карачаево-балкарского языка. — «Советская тюркология», 1973, № 4.
 КБО 1934: Карачаево-балкарская орфография. Под ред. Г. П. Сердюченко. Кисловодск, 1934.
 КМТО 1961: Къарачай-малкъар тилни орфографиясы. Нальчик, 1961.
 КМТО 1964: Къарачай-малкъар тилни орфографиясы. Черкесск, 1964.
 МТО 1970: Малкъар тилни орфографиясы бла пунктуациясы. Нальчик, 1970.
 Мусаев 1973: *Мусаев К. М.* Вопросы разработки и дальнейшего совершенствования орфографий тюркских литературных языков Советского Союза. — «Орфография тюркских литературных языков СССР». М., 1973.

Ж. М. Гузеев

К ВОПРОСУ ПРАВОПИСАНИЯ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В карачаево-балкарском языке, как и в других языках народов СССР, имеется довольно большое количество слов, заимствованных из русского и через русский из других языков, включая интернациональную лексику. Однако вопросы правописания этих заимствований до сих пор полностью не решены. Так, в своде орфографических правил карачаево-балкарского языка им уделено всего лишь две страницы, причем приводимый материал дается без какой-либо научной аргументации (МТО 1970 : 20, 21)¹. Между тем разработка и совершенствование орфографии должны иметь научно-теоретическую базу, создание которой требует кропотливой исследовательской работы.

По традиции заимствования из русского языка принято делить на слова, заимствованные 1) до Великой Октябрьской социалистической революции (иначе — старые) и 2) в советскую эпоху (—новые). По нашему мнению, нельзя согласиться, что в карачаево-балкарском языке все послереволюционные русские заимствования являются новыми (Бозиев 1973 : 138).

До 1920 г. балкарцы и карачаевцы не имели своей национальной письменности. В этот период русские слова проникали в карачаево-балкарский язык только через устную речь, причем количество их было незначительно.

Приток русской лексики усиливается с момента появления письменности, которая в 1920—1925 гг. существовала на арабской, а в 1925—1937 гг. (у карачаевцев — до 1938 г.) — на латинской графической основе. Естественно, и в эти годы проникновение русских и интернациональных слов в карачаево-балкарский язык в основном осуществляется устным путем.

По нашим подсчетам, свыше 90% всех русских заимствований, имеющих в современном карачаево-балкарском языке, относится к периоду после 1938 года, причем абсолютное большинство из них проникло через письменный язык. Представляет-

¹ Поскольку карачаевцы и балкарцы пользуются одним языком — карачаево-балкарским — вряд ли правомерно в своде орфографических правил отражать лишь название «балкарский язык»: «Малкъар тилин орфографиясы бла пунктуациясы» (Нальчик, 1970).

ся правомерным к старым русским заимствованиям отнести русские и интернациональные слова, вошедшие в карачаево-балкарский язык до появления письменности на русской графической основе, а все последующие заимствования считать новыми.

Старые русские заимствования освоены балкарцами и карачаевцами в соответствии с фонетическими законами родного языка. Так, в карачаево-балкарском языке, в отличие от русского, в начале слова не может быть стечения согласных, нет категории рода и существительных, употребляемых только во множественном числе², а также фонем (в), (ц), (ч), в нем развит закон небного сингармонизма. В связи с этим карачаево-балкарское написание старых русских заимствований отражается: 1) во вставке эпентетического гласного между начальными сочетаниями типа *бр*, *пл* и т. д.: *бурус* «брус», *гуржаба* «кружева», *киристен* «христианин//христианский», *пурустон* «пристав», *палаток* «платок», *пилта* «плита»; 2) в добавлении протетического гласного перед начальными сочетаниями *сх*, *ст* и др.: *ысхот* «сход, собрание», *истеп* «степь»; 3) в отпадении конечного безударного гласного (а): *салам* «солома», *минут* «минута», *капек* «копейка», *конфет* «конфета»; 4) в употреблении существительных, имеющих в русском языке только мн. число, в форме ед. числа: *сутка* «сутки», *дрож* «дрожжи»; 5) в замене специфических фонем русского языка фонемами родного языка, близкими по месту и способу образования: *божа* «вожжи», *самауар* «самовар», *стансе* (карач.) «станция», *жармалыкъ* «ярмарка»; 6) в отражении закона небного сингармонизма: *эреке* «рейка», *машок* «мешок», *тюрьме* «тюрьма», *десетин* «десятина» и т. п.

В отличие от старых, новые русские заимствования, как уже отмечалось, проникают через письменный язык и поэтому на произношение новых заимствований влияет их написание. Новые русские заимствования, особенно имена существительные, пишутся по правилам русской орфографии: *бориц*, *стол*, *трактор*, *металл*, *электричество*, *бригадир*, *социализм* и др.

Однако в карачаево-балкарском языке немало заимствованных слов, особенно со стечением согласных в конце, написание которых еще не устоялось — в одних случаях они пишутся с добавлением протетического гласного, а в других случаях — без него: *ромб* — *ромба*, *митинг* — *митинга*, *шланг* — *шланга*, *диск* — *диска*, *фонд* — *фонда*, *ритм* — *ритма* и т. п.

Примеры: *Ромб жанлары тенг параллелограммды* («Словарь») «Ромб — это параллелограмм, все стороны которого равны»; *Бичген кийизни ортасы да ромба формалыды* (газ. «Коммунизмге жол») «И середина орнаментированного войлока ромбовидна»; *Алгъаракъда къып-къызыл косынка митингагъа, де-*

Исключение составляют названия созвездий: *Жетегейле* «Большая Медведица», *Сарайгъанла* «Малая Медведица» и др.

монстрациягъа, жыйылыугъа... къатышхан тиширыулары баш кийимлери болуучу эди («Шуёхлукъ») «Недавно алюю косынку носили женщины на митингах, демонстрациях, собраниях»; Митингде студентлени халкъла аралы союзуна вице-президенти Диак Моктар «сёлешгенди («Коммунизмге жол») «На митинге выступил вице-президент Международного союза студентов Диак Моктар»; Османни мураты моторну ишлетип, шланга бла сууну жана тургъан отха бурургъа эди («Жанкъылы») «Осман хотел завести мотор и направить струю шланга на пылающий огонь»; Арнис шлангны алды да полубаны жууп тебреди («Шуёхлукъ») «Арнис взял шланг и начал мыть палубу»; Бизни ёмюрге дери, 776-чы жылдан башлап, диск быргъаудан эришиу болуп тургъанды («Ленинни байрагъы») «Начиная с 776 г. до н. э., проходили соревнования по метанию диска»; Артур Хольмсен... ауур башын пулемётну дискасына салып иги кесек турду (А. Теппеев, Илишан) «Артур Хольмсен, положив голову на диск пулемета, долго ждал»; Къыралгъа эл мюлк продуктлары сатыу жаны бла борчла артыгъы бла толтурулгъандыла («Коммунизмге жол») «Обязательства по продаже государству продуктов сельского хозяйства перевыполнены»; Малчылыкъны продукталарын къыралгъа сатыуда кесигизни алгъан борчларыгъыны нек толтурмагъансыз? (Хабиб. «Аланла, сизде уа не халпар?») «Почему вы не выполнили свои обязательства по продаже государству продуктов животноводства?»; Баш фондлары бек файдалы хайырларыгъа керекди («Коммунизмге жол») «Основные фонды надо использовать рентабельно»; Библиотеканы китар фондасына малкъар тилде китапланы не къадар терк къошмай жарамаз («Шуёхлукъ») «В книжный фонд библиотеки как можно быстрее надо включить книги на балкарском языке»; Механизаторла комбайнлары тирлик оругъа толусунлай хазыр этгендиле («Коммунизмге жол») «Механизаторы полностью завершили подготовку комбайнов к жатве»; Бизни эллерибизге тракторлары, комбайналары... берген аладыла (заводла). (О. Хубиев, Аманат) «Они (заводы) предоставляют нашим селам трактора, комбайны»; Къурч рельседе тыхырдай, трамвайла да ёрге-энишге озадыла («Шуёхлукъ») «Гремя на стальных рельсах, трамваи проходят вверх-вниз»; Бизге транспортну аягъы юсюне салыргъа хар рельса, хар шпал эсепге алыныргъа керекди («Коммунизмге жол») «Для восстановления транспорта нам надо брать на учет каждый рельс, каждую шпалу»; Окъуучула жырлагъан жырларыны магъанасын, макъамын, ритмасын сезмейдиле («Коммунизмге жол») «Учащиеся не замечают смысл, мотив и ритм песен, которые поют сами»; Бригада бирча ритм бла ишлейди («Ленинни байрагъы») «Бригада работает в едином ритме»; 1973 жылны январь айы бла тегнелешдиргенде, нефтни багъасы 300 процентге кётюрюлгенди («Коммунизмге жол») «По сравнению с январем 1973 года, цена на нефть повысилась на 300 процентов», Венесуэлары прави-

тельствоу тыш кзыраллагъа сатхан нефтини багъасын хар барель ююн орта эсеп бла 27,5 процентге ёсдюрюрге оноу этгенди («Коммунизмге жол») «Правительство Венесуэлы постановило повысить цену экспортируемой нефти в среднем на 27,5 процента за каждую барель».

В приведенных примерах слова *ромб, митинг, шланг, диск, продукт, фонд, комбайн, рельс, ритм, нефть* имеют две формы написания. Носители карачаево-балкарского языка в устной речи произносят эти слова только с добавлением протетического гласного (а) или (и).

Правильное решение вопроса о правописании русских заимствований является одним из необходимых условий овладения русским языком. Известно, что «изображение фонемного состава слов одного языка с помощью фонетико-орфографических средств другого языка условно и допускает разные варианты» (ВРО 1964 : 21). Однако сейчас при разработке вопросов орфографии языков народов Советского Союза, созданный на базе русского алфавита, нельзя не учитывать такие экстралингвистические факторы как 1) функционирование русского языка в качестве языка межнационального общения, 2) всемерно развивающееся русско-национальное двуязычие (в данном случае русско-карачаево-балкарское двуязычие), 3) равное изучение в школе русского и родного языков, 4) возможность получения среднего и высшего образования на русском языке, которым активно пользуются представители всех национальностей нашей страны.

Значительную трудность для балкарцев и карачаевцев представляет написание русских слов, оканчивающихся на сочетания согласных, особенно при их дальнейшей аффиксации. В карачаево-балкарской орфографии не решен вопрос о правописании конечных сочетаний согласных не только в заимствованиях, но и в словах родного языка (см. Бозиев 1973 : 133). Поэтому при решении вопроса о написании русских заимствований, оканчивающихся на сочетания согласных, следует иметь в виду, что в каждом языке буквы и звуки сочетаются по своим особым законам (Панов 1967 : 3; Трубецкой 1960 : 274). Так, например, окончанию тюркских слов, как правило, не свойственны сочетания: *мб, зм, йн, мн, лб, нг, ск, фть, льс, нд, кт, нск, йск, рск* и др. Поэтому такие слова, как *ромб, комбайн, столб, митинг, киоск, нефть, рельс, фонд, продукт, Ейск, Курск*, балкарцы и карачаевцы, как уже говорилось, обычно произносят с добавлением протетического гласного (а), (е). Хотя в Своде правил карачаево-балкарской орфографии предлагается писать с прибавлением гласного лишь те заимствования, которые имеют конечные сочетания из трех согласных, причем только при аффиксации, например: *Смоленск — Смоленскеде* «в Смоленске», *Курск — Курскеде* «в Курске», *Подольск — Подольскеден* «из Подольска» (МТО 1970 : 21). Однако, как свидетельствуют вышеприведенные примеры из художественной литературы и периодической печати, и

другие несвойственные языку конечные сочетания согласных пишутся в заимствованиях с добавлением гласного.

Следует отметить, что написание некоторых русских заимствований с нехарактерными конечными сочетаниями согласных освоено балкарцами и карачаевцами согласно произносительным нормам родного языка, например: *столб* — *столба*, *пропуск* — *пропуска*, *киоск* — *киоска*, а таких, как *коммунизм*, *социализм*, *гимн*, *фильм* — в соответствии с русской орфографией. Это говорит о том, что «основным принципом правописания заимствованных слов должен быть принцип учета степени освоения заимствований» (Мусаев 1973 : 47). Поскольку заимствования типа *ромб*, *митинг*, *диск*, *продукт* и др. в литературном карачаево-балкарском произношении освоены в виде *ромба*, *митинга*, *диска*, *продукта*, то в этой форме целесообразно отражать их и на письме.

В указанном Своде орфографических правил ничего не сказано о присоединении аффиксов родного языка к заимствованиям, оканчивающимся на удвоенные согласные: *класс*, *металл*, *грамм* и др. Здесь следует выделить три случая: 1) присоединяемый аффикс начинается с гласного: *класс+ым* «мой класс», *класс+ыбыз* «наш класс», *металл+ы* «его металл», *металл+ым* «мой металл», *грамм+ы* «1 грамм (чего-л.)», *грамм+ын* «1 грамма (чего-л.)»; 2) присоединяемый аффикс начинается с такого же согласного, каким заканчивается слово: *металл+ла* «металлы», *процесс+сиз* «без, вне процесса», *класс+сыз* «без, вне класса»; и 3) присоединяемый аффикс начинается на любой другой согласный: *класс+да* «в классе», *грамм+ны* «грамма», *металл+сыз* «без металла». Во избежание скопления трех одинаковых согласных, в случаях типа *металл+ла*, *класс+сыз*, последний согласный основы, как правило, опускается. Что касается случаев написания типа *класс+да*, *металл+сыз*, *металл+ы*, *класс+ым*, а также безаффиксных *класс*, *металл*, *грамм* и т. д., то оно в орфографиях тюркских языков решается по-разному, например: туркм. *метал* — *металдан* «из металла», *металы* «его металл», *класс* — *класдаш* «одноклассник», *класы* «его класс» (ТРС 7968); каз., башк.: *металдан*, *металы*, *грамга* «грамму», *грамлап* «из грамма, по грамму», *грамы* «грамм (чего-л.)», но *грамм*, *металл*, *класс* (ОТЛЯ 1973 : 89); азерб. *килограм* — *килограммынг* «килограммовый», *грип* — *грипли* «гриппозный, страдающий гриппом», но *кристаллик* «кристальный, кристаллический», *металла* «металлы» (АРС 1962); каракалп.: *металл* — *металлдан* «из металла», *класс* — *класста* «в классе», но *класы* «его класс», *металы* «его металл» (Насыров 1973 : 128).

Изучение разной литературы, а также проверка письменных работ учащихся и студентов на карачаево-балкарском языке показывает, что балкарцы и карачаевцы усвоили написание слов типа *класс*, *металл*, *грамм* и т. д. по правилам русской орфо-

графии. Это безусловно следует отразить в правилах орфографии карачаево-балкарского языка.

Ждет своего решения и вопрос о написании русских заимствований с конечным *ь* (мягким знаком) при аффиксации, например: *спектакль* + *да* «в спектакле», *июль* + *гъа* к июлю», *ноябрь* + *де* «в ноябре» и т. п. Орфография карачаево-балкарского языка предлагает сохранить конечный *ь* при аффиксации лишь в следующих трех словах: *роль* — *рольну* «роли», *рольда* «в роли»; *руль* — *рульну* «руля», *рульда* «за рулем»; *толь* — *тольну* «толя», *тольсуз* «без толя». Остается неясным, почему в аналогичных же случаях *ь* не сохраняется, например: *февраль* — *февралда* «в феврале», *контроль* — *контролсуз* «без контроля», *король* — *королну* «короля», *патруль* — *патрулну* «патруля», *патрульгъа* «на патруль» и т. п. В результате в печати часто употребляются дублиеты типа *ролну*//*рольну*, *госпиталда*//*госпитальда* «в госпитале» и т. д.

Примеры: *Актриса ол фильмде баш ролну ойнайды* («Коммунизмге жол») «Актриса играет в том фильме главную роль»; *Хамитге рольну уллусу, гитчеси болмайды* («Коммунизмге жол») «Для Хамита нет больших и малых ролей»; *Жукка улу машинасы бла госпитальда дежурна эди* («Ленинни байрагъы») «Сын Жукки со своей машиной дежурил в госпитале»; *Госпиталдан чыкъгъандан сора ол мында солуп тургъан эди* («Шуёхлукъ») «После госпиталя он отдыхал здесь»; *Магомет Кучуков ойнаргъа къатышхан спектакльни саны кёпдю* («Коммунизмге жол») «Магомет Кучуков играет во многих спектаклях»; *Эки хакъсыз билет беригиз спектаклге къараргъа* («Шуёхлукъ») «Дайте два бесплатных билета на спектакль»; *Королну аскерлери заговор этгенлени хорлагъандыла* («Коммунизмге жол») «Войска короля победили заговорщиков»; *Заговорчула корольгъа терк белгили болгъандыла* («Коммунизмге жол») «Заговорщики быстро стали известны королю».

Авторы некоторых тюркских орфографий считают необходимым сохранять *ь* только при *л*, следующей после твердого гласного, ссылаясь на то, что необозначение *ь* в таких случаях приводит к нарушению орфоэпии. Например, З. Бамматов пишет: «Если в подобных случаях *ь* не обозначать, то следовало бы *л* читать твердо, что нарушило бы орфоэпию этих слов (*ролда*, *февралда*)» (1973: 168). Однако к нарушению орфоэпии приводит необозначение *ь* и при других согласных, следующих после твердых гласных или же в любых твердых слогах, например: *июнда* «в июне», *секретарны* «секретаря», *декабргъа* «к декабрю» и т. п.

При аффиксации обозначение *ь* после буквы *л* (*толь* — *тольну*, *руль* — *рульда*) и необозначение его после других букв (*секретарь* — *секретарны*, *июнь* — *июнда*), на наш взгляд, следует рассматривать как непоследовательность орфографических правил. Это вызывает большие трудности при обучении учащихся

в балкарских и карачаевских школах русскому языку, потому что на уроках русского языка они должны писать *патрульный, госпитальный, октябрьский, июньский*, а на уроках карачаево-балкарского языка — *патрулну, госпиталда, октябрда, июнда*. Поэтому было бы целесообразным сохранять *ь* во всех случаях написания русских заимствований в карачаево-балкарском языке. Исключение может составить опущение *ь* перед аффиксами на гласную букву, например: *секретарь* — *секретары* «его секретарь», *спектакль* — *спектакли* «его спектакль» и т. п.

Библиография

- АРС 1962: Азербайджанско-русский словарь. Баки, 1962.
 Бамматов 1973: Бамматов З. Орфография кумыкского языка.— «Орфографии тюркских литературных языков СССР». М., 1973.
 Бозиев 1973: Бозиев А. Ю. Орфография карачаево-балкарского языка. — «Орфографии тюркских литературных языков СССР». М., 1973.
 ВРО 1964: Вопросы русской орфографии. М., 1964.
 Мусаев 1973: Мусаев К. М. Вопросы разработки и дальнейшего совершенствования орфографий тюркских литературных языков Советского Союза.— «Орфографии тюркских литературных языков СССР». М., 1973.
 МТО 1970: Малкъар тилни орфографиясы бла пунктуациясы Нальчик, 1970.
 Насыров 1973: Насыров Д. С. Орфография каракалпакского языка.— «Орфографии тюркских литературных языков СССР». М., 1973.
 ОТЛЯ 1973: Орфографии тюркских литературных языков СССР. М., 1973.
 Словарь 1965: Русско-карачаево-балкарский словарь. М., 1965.
 Панов 1967: Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.
 Трубецкой 1960: Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.
 ТРС 1968: Туркменско-русский словарь. М., 1968.
 Чарыяров 1973: Чарыяров Б. Орфография туркменского языка.— «Орфографии тюркских литературных языков СССР». М., 1973.

Т. М. Хаджиева

ГИПЕРБОЛА В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ НАРТСКОМ ЭПОСЕ

Одним из наиболее употребительных поэтических приемов в художественно-изобразительной системе карачаево-балкарского нартского эпоса является гипербола. В эпосе карачаевцев и балкарцев гиперболизируются персонажи сказаний, окружающие их предметы, явления природы, но наиболее четко в нем представлена гиперболизация физической силы*, которая находит свое проявление в поступках и действиях героев. Например, Ерюзбек одним ударом меча рассекает цепь казана, где варится мясо сорока быков; Сосурук ударом головы возвращает назад спущенное с горы громадное железное колесо; Карашауау ничего не стоит поднять быка и сбросить его с такой силой, что тот уходит по шею в землю, или с корнем вырвать вековые деревья.

В нартских сказаниях в гиперболизированном виде представлен и архаический мотив фантастически быстрого роста героев: Ачемез «через неделю стал уже ходить, а через две, к удивлению всех, участвовал в играх детей!»¹; пятимесячный Чюерди выглядит, как пятнадцатилетний и т. д.

Уже в детстве нартские герои обладают огромной силой: стрелу, которую никто из взрослых не мог вытащить из двери, мальчик «Сосурук легко вытащил одной рукой», от удара маленького Карашауау по наковальне чуть не рушится кузница Дебета.

Прием гиперболизации используется и при описании аппетита нартских героев:

Сатанай тёрт тулукъ ундан бир гыржын этдиргенди. Ол гыржынны тёрт туурагъан этдиргенди... Рачикъау тёрт туурагъан гыржынны тёрт къабынна къабып бошагъанды².

«По приказу Сатанай из четырех мешков муки испекли один хлеб. Этот хлеб разрезали на четыре части... Рачикау четыре куска хлеба съел за четыре приема»*.

* Героизм есть первый момент пробуждающегося народного сознания, писал В. Г. Белинский, — а дикая животная сила железного кулака и чугунного черепа есть первый момент народного сознания героизма. (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., 1954, т. 5, с. 398).

¹ Сборник для описания местностей и племен Кавказа (Далее СМОМПК). вып. 3. Тифлис, 1833, с. 18. (Когда цитируются дореволюционные публикации, тексты даются только на русском языке).

² «Нартла. Малкъар-къарачай нарт таурухла». Нальчик, 1966, с. 211.

* Здесь и далее переводы автора.

Рачикау может разом осушить чашу с буюзой, которую с трудом поднимают девять рослых слуг, и при этом не напиться.

Гиперболизируются и вещи героев. Их предметы необыкновенны по своей величине и качествам. Например, постоянным атрибутом нартских сказаний является котел с сорока ушками, в котором варится мясо сорока быков; булатный вертел нартов в длину «равен семи дням пути». Приведем описание богатырского колеса, которым играют нарты:

Чынгыл тауну башындан тѣгеригини уллудугъу бир кычырым болгъан бек ауур, уллу темир чархны эниште тѣнгеретдиле; аны тѣгеригине жетерча нартланы аллай жиплери болмагъанды³

«С вершины крутой горы катили вниз тяжелое железное колесо диаметром в один крик (расстояние, на котором слышен человеческий крик); у нартов не было веревки такой длины, чтобы его обхватить...

Главным оружием нартских героев является меч (сырпын), который обладает волшебными свойствами: даже железо и камень он режет, «как курдючное сало», а в бою может удлиняться. Гиперболично и описание изготовления оружия и доспехов нартским кузнецом Дебетом.

Оружие и доспехи героя до того тяжелы, что их ничто не может удержать: «Двое слуг сняли с него (Рачикау) оружие и повесили на железный гвоздь (крюк). Но стрела была до того тяжела, что гвоздь переломился, и стрела упала на землю. Тогда Рачикау воткнул свой гебох (копье) в землю и повесил на него стрелу»⁴. Тяжела и конская сбруя:

Ол (жюген) жерге тюшгенде, Ташла сындыла⁵

«Когда она (уздечка) упала на землю, расколились камни».

У многих народов конь был постоянным спутником и в мирной жизни и в боевых походах. Вот почему в народных сказаниях образ коня занимает значительное место. Выбор коня, испытание его — постоянный мотив во всех эпосах.

Конь героя в нартских сказаниях—всемогущее и полуволшебное существо. Одним из художественных средств, используемых при описании боевого коня, является гипербола. Бег коня и его приближение уподобляется туману, ветру, дождю и т. д.:

Туякълары жер, кыртыш
сыдырып,
Шытылары сакъ жауунла
жаудуруп,
Тылпыу бла тереклени
аудуруп⁶

«Копытом сдирает землю и траву,
Пена (коня), падая с губ, превращается в дождь,
Своим дыханием (конь) валит деревья».

³ «Нартла», с. 101.

⁴ СМОМПК. Вып. I, ч. 2. Тифлис, 1881, с. 32.

⁵ «Нартла», с. 219.

⁶ Там же, с. 70.

При описании испытания коня Гемуды Карашауаема дана высоко поэтическая гиперболизированная картина бега богатырского коня:

Тик къяагъа жетип урдула.
Тик къяаны жарып эки этдиле,
Черек аузу ма бу болсун,-дедиле.
Туягъы бла Чирик кёлню ачды,
Солуу бла къадам таулары чачды.
Чегем тарны аны кючю жаргъанды,
Чынгылындан чучхурла тамдыргъанды.
Бир секирип Минги таугъа жетдиле,
Юсю бла ол жанына ётдюле,
Туякълары тийип айры этдиле,
Тёппеси бла ызларына ётдюле⁷.

До отвесной скалы они добрались,
Эту скалу на две части раскололи.
Пусть это будет Черекским ущельем, — сказали.
Ударив копытом по земле (Гемуда) открыл Голубое озеро.
Дыханием своим вековые горы разрушил
И появилась теснина Чегема,
И засверкали на ней водопады.
Одним прыжком они (Карашауай и Гемуда) оказались
у Эльбруса,

Перепрыгнули через него на другую сторону,
Потом через вершину вернулись назад.
Но копытом задел (Гемуда) вершину, и образовалась
седловина (двуглавая вершина Эльбруса).

В этом примере наглядно представлена эпическая динамика — развитие действия происходит стремительно и активно. Динамизм, насыщенность действия передается путем использования различных глаголов.

Благодаря гиперболам в изображении Карашауая и Гемуды, в описании их действий создается единая поэтическая картина. Помимо гиперболических образов и эпической динамики в описании действия даются объяснения происхождения озер, ущелий, теснин и т. д., возникновение которых карачаевцы и балкарцы связывают с именами Карашауая и Гемуды. Гиперболизация образа Карашауая и его богатырского коня воспринимается как реальность, но реальность эстетическая.

Нартские герои не только мужественны, решительны и находчивы — они обладают и необыкновенными качествами. Например, Сосурук владеет средствами магии. Гиперболизируется ум и проницательность Сатанай, к которой за советами обращается весь род нартов. Сатанай тоже обладает магической си-

⁷ «Нартла», с. 150—151.

лой: она создает «иллюзию звездного неба», может менять свой облик, от прикосновения ее уст заживают раны на коленях Сосурука и т. п. Гипербола применяется и при описании красоты Сатанай:

Ариулугъу ташны, тауну	«Красота ее озаряла камни
жарыта	и горы,
Хар бир затны ол кесине	Она обращала на себя все
къарата	взоры.
Сатанайны кѣргенде тохтаелле	При виде Сатанай
суула да	останавливались реки,
Кечеледе жарый эдиле тюзле,	Ночью степи и горы освещала
таула да ⁸	ее красота»

Итак, мы видим, что гипербола, используемая при описании героев (их поступков, отношений с другими персонажами и т. д.) выступает как изобразительное средство, служащее для создания образа.

Почти у всех народов различные фантастически-страшные чудовища первоначально представлялись как хозяева стихии. Одним из мифических образов, олицетворяющих враждебные человеку силы природы, у карачаевцев и балкарцев был одноглазый многоголовый эмеген-людоед. В эпосе образы эмегенов не обладают исторической конкретностью. Они принадлежат к архаическому слою эпика так как «образу врага с конкретными социально-историческими приметами предшествовал образ врага-чудовища с антропоморфными чертами»⁹.

В изображении эмегенов, наряду с архаическими элементами (например, каннибализм: жена Алаугана съедает своих детей) встречается и фантастическое описание силы, внешности и т. д. В эпосе постоянно подчеркивается тяжеловесность, малоподвижность эмегенов. Гиперболы, применяемые при их описании, почти всегда статичны, они создают зримый образ эмегенов. Но, если при создании образов нартских героев поэтическая гипербола используется для воспевания и идеализации, то при создании образов их врагов с помощью гиперболы показывается их нечеловеческая сила и величина, уродство и глупость, одним словом, изображаются все их низменные качества. При этом чаще всего используется гипербола-гротеск. А. М. Горький назвал смех «убийственным оружием» искусства. Он писал о том, что ненависть к врагу должна воспитываться на «органическом отвращении к врагу как существу низшего типа, а не на возбуждении страха перед силой его цинизма, его жестокостями»¹⁰.

⁸ «Нартла», с. 31.

⁹ Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос. М., 1971, с. 69.

¹⁰ Горький А. М. О литературе. М., 1953, с. 404.

При помощи поэтического гротеска в карачаево-балкарском нартском эпосе раскрываются все отрицательные черты врага, вызывается к нему отвращение и презрение:

Къарашауый къараса, адам
къоркъарча бир зат кёрдю:
бир боюнну юсюнде эки баш
токмакъ, юч да кёз кёрюндю,
эринлери эмчек башларына
тюзюп, чачы юй тюбюнде суй-
реле. Тишлери уа, къабан тиш-
леча, эки жанына чыгып бир
эрши эмегенни кёрдю¹¹

«Карашауай посмотрел и уви-
дел что-то пугающее взор че-
ловека: на одной шее две голо-
вы, на которых светились три
глаза, губы свисали до груди,
волосы волочились по земле.
Изю рта торчали два больших,
как у кабана, клыка. Это был
эмеген»

Гротескно изображается и прожорливость эмегенов: «Сварив целого бугая, эмегенши дали Алаугану несколько кусков мяса, а остальное все съели сами»¹².

Эмегены чванливы, спесивы: «...они были в высшей степени глупы и несообразительны. Тем не менее любили называть себя премудрыми и считали все остальное безобразнейшим и глупым»¹³. Нарты знают спесивость эмегенов и обманывают их лстивыми обращениями: «Благоразумнейшие и мудрейшие,— сказали они (нарты). Мы приехали к вам по одному важному делу». Эмегены, польщенные словами нартов, вдруг остановились и превратились в слух»¹⁴.

Описание трудности борьбы нартов с эмегенами, которое относится к числу наиболее распространенных общих мест—один из приемов гиперболизации: «Эмеген обхватил Чюерди огромными ручищами, поднял над собой, бросил со всего размаху и воткнул до колен в землю. Затем Чюерди схватил эмегена и вбил его в землю по пояс. Великан поднялся и бросил Чюерди так, что тот вошел в землю по грудь. Но тогда Чюерди пришел в ярость. Он вытащил эмегена из земли, приподнял и бросил с такой силой, что воткнул его в землю по самые пять макушек. А потом придавил пятью большими камнями»¹⁵.

Нартский герой борется с врагом три дня и три ночи и все-таки побеждает его. Н. П. Андреев во вступительной статье к книге «Былины» пишет: «Нередко здесь (в былине—Т. Х.) в силу вступает контрастность, подчеркивающая величие подвига героя: Илья обычно изображается могучим богатырем, но в сопоставлении с чудовищным образом Идолища, он оказывается обыкновенным человеком: тем разительнее победа этого «обыкновенного» человека над «необыкновенным»¹⁶. Это можно ска-

¹¹ Архив КБИНФЭ, Ф. Ф. Папка № 1 «А»

¹² СМОМПК, вып. 1, ч. 2, с. 9.

¹³ СМОМПК, вып. 3, с. 146.

¹⁴ Там же, с. 117.

¹⁵ «Нартла», с. 237.

¹⁶ Андреев Н. П. Вступительная статья к кн. «Былины». М., 1938, с. 16.

зять и о нартских героях и их врагах, где контраст и гипербола используются для воспевания и идеализации героя.

Сочетание гиперболы и сравнения является характерной чертой карачаево-балкарского нартского эпоса. Гипербола-сравнение в основном служит для изображения необычного, величественного, или, наоборот, для гротескно-карикатурного показа величины, уродства эмегенов:

Эмеген къатынны чачы бол-
май, башы доммакъча кызы-
рып, уллулугъу тогъуз гам-
мешни бирге къошханча бо-
луп. Тырнакълары, къушну бу-
рунуча, узун жютюле¹⁷.

«У женщины-эмегенши на
красной, как бронза, голове не
было ни одного волоска. Она
была огромная, как девять
буйволиц вместе. Ногти ее бы-
ли длинные и острые, как
клюв орла»

Вот пример, который описывает внешность мужчины-эмегена:

Сыртында, кёкюрегинде тюк-
лери шинжи тереклеча, мый-
ыкълары лёкъу чырпылача,
тишлери да темир ылытхынла-
ча болуп, солугъаны тереклени
жел этдирген бир эмеген¹⁸.

«На спине и груди у эмегена
волосы, словно колючки на
стволе терновника, а зубы —
как ломы железные, от дыха-
ния его качались деревья».

Выше отмечалось, что при показе нартских героев гиперболическое сравнение в большинстве случаев служит для изображения необычного и величественного. Например, в сказании «Рачикау» в картине, изображающей быструю езду Рачикау, пар, выходящий из ноздрей его лошади, сравнивается с облаком; искры, летящие из трубки Рачикау, — со звездами и т. д.

Если при изображении нартов преобладает гипербола качества, то при обрисовке эмегенов чаще употребляется количественная гипербола. При этом она, как гипербола-сравнение, в основном служит для передачи величины, внешне-го вида, т. е. опять выступает в статичных состояниях:

Алауганны къатыныны юсюне
жюз марал териден тон этип
кийдирдиле. Аякъларына бир
доммай териден башмакъла
этгендиле. Башына жюз бла
жарым кары кендираш халы-
дан жаулукъ кысып, къу-
лакъларына тогъуз жугъутур-
ну мюйюзлеринден сыргъала
этип такъгъандыла¹⁹.

«Жене Алаугана сшили шубу
из шкур ста маралов. На ноги
сделали башмаки из шкуры
одного зубра. На голову повя-
зали платок из ста пятидесяти
аршинов ниток из конопли, в
уши вдели серьги, сделанные
из рогов девяти туров»

¹⁷ Архив КБИИФЭ, Ф. Ф. Папка № 1 «В».

¹⁸ «Нартла», с. 105.

¹⁹ Архив КБИИФЭ, Ф. Ф. Папка № 1 «В»

Нужно отметить, что в этом примере статическое описание выступает как бы не в чистом виде: при помощи количественной гиперболы показывается громадность эмегенши (статическая сторона), последовательное же перечисление предметов, принадлежавших великанше, образует поступательную линию повествования (динамическая сторона).

Количественная гипербола употребляется и при описании предметного мира эмегенов:

Эмегенни аллында таш тегенени ичинде беш ат сыйынып ындыр этерча бир элеги. Отну эки жанында, тирмен ташлача, тогуз гыржыны, отда тогуз гаммеш сыйынган къазаны къайнай²⁰

«Перед эмегеном было каменное корыто, а в корыте лежало сито, в котором бы уместились и могли топтаться пять коней. С обеих сторон костра пеклись на углях девять кругов хлеба, на огне кипел котел, в котором могло уместиться мясо девяти буйволов»

Кроме того, гипербола количества используется при описании быстрого роста нартского героя и его коня:

Созар, жүгенни салгъанда, тай экижыллыкъ, иерни салгъанда-ючжыллыкъ, юсюне минни, къамчины жетдиргенде-тёртжыллыкъ болду²¹

«Когда Созар надел на жеребенка уздечку, он стал двухлеткой, когда оседлал—трехлеткой, а когда сел на него и ударил плетью он (жеребенок) стал четырехлеткой»

В этом примере уже выступает гипербола-градация, которая в эпосе карачаевцев и балкарцев встречается довольно часто. Например, описание борьбы Чюерди с эмегеном, эпизод добывания Ерюзмеком огня.

Излюбленные гиперболические эпические числа карачаево-балкарских нартских сказаний—три, семь, девять, сорок, шестьдесят, семьсот. Они в большинстве случаев являются элементами гиперболы: герой после трех дней и ночей боя, непробудно спит столько же времени; семь дней и семь ночей льет ливень после смерти краснородого Фука; воду стережет девятиголовый эмеген; эмегены живут семьсот лет и т. д. Но чаще других эпических чисел в исследуемом эпосе употребляются числа сорок* и шестьдесят: У княгини, героини сказания «Рачакау»

²⁰ Архив КБИИФЭ, Ф.Ф. Папка № 1 «Б»

²¹ «Нартла», с. 232.

* «У всех тюркских народов сорок—эпическое число. К примеру, «На сорок дней тянулась пустыня» (Алпамыс-батыр. Алма-Ата, 1961, с. 208); «Сорок джигитов мы увели, его жену и с ней стройных дев мы увели» (Книга моего деда Коркута. М., 1962, с. 23); «Через сорок дней Огуз вырос, ходил и играл» (Щербак А. М. Огуз-наме, Мухаббат-наме. М., 1959, с. 100); У Горолы, Алпамыша Юсуфа сорок джигитов, в эпосе кумыков 40 братьев-нартвов и т. п.

сорок служанок; Бёдене (отца Рачикау) сопровождает обоз в сорок повозок; конь Алаугана вырывает с корнем сорокааршинную ель; чтобы вынуть младенца Сосурука из камня, Сатанай заказала шестьдесят молотков для шестидесяти нартских парней; в одной из «игр» Сосурука эмеген глотает шестьдесят раскаленных сошников и проч.

Итак, в ходе анализа мы пришли к следующим выводам:

1. В карачаево-балкарском нартском эпосе гипербола, — один из основных художественных приемов — носит универсальный характер и сочетает в себе элементы мифологии и фантастики.

2. Гипербола в эпосе несет изобразительные и выразительные функции. Доминирующая из них — изобразительная.

3. Если при создании образов нартских героев поэтическая гипербола используется для воспевания и идеализации, то при показе врагов при помощи сатирической гиперболы выявляются их отрицательные, низменные черты.

4. При изображении нартских героев применяется гипербола действия, «динамическая гипербола», а при описании их врагов гипербола в основном статическая. Этим подчеркивается тяжеловесность, малоподвижность персонажей (эмегенов).

5. Гипербола может быть гиперболой качества или количества, а они в свою очередь выступают в роли гиперболы-сравнения, гиперболы-гротеска и гиперболы-градации.

ХРОНИКА

21—23 сентября 1977 г. в г. Нальчике (пос. Терскол) было проведено шестое Всесоюзное совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка, посвященное 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Совещание было организовано Научным Советом по диалектологии и истории языка АН СССР, Кабардино-Балкарским ордена «Знак Почета» институтом истории, филологии и экономики при Совете Министров КБАССР.

В работе совещания приняли участие ученые из 31 города нашей страны; было заслушано 75 докладов, в которых освещались различные вопросы диалектологии и истории на материале преимущественно языков народов СССР.

Открывая совещание, директор Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики кандидат исторических наук Х. И. Хутуев подчеркнул значение его проведения в год 60-летия Великого Октября, к ознаменованию которого трудящиеся КБАССР пришли с большими достижениями в экономическом и культурном строительстве, ставшими возможными только благодаря ленинской национальной политике.

От имени Кабардино-Балкарского областного комитета КПСС участников совещания приветствовал заведующий отделом науки обкома партии, кандидат философских наук Б. З. Бозиев.

С вступительным словом перед участниками совещания выступил заместитель председателя Научного Совета по диалектологии и истории языка Отделения литературы и языка АН СССР доктор филологических наук, профессор Э. Р. Тенишев.

Работа совещания проходила на одном пленарном и заседаниях двух секций «Лингвистическая география на современном этапе», «Теория и источники построения исторической диалектологии».

На пленарном заседании с докладом «Состояние и перспективы исследования тюркских диалектов СССР» выступил академик АН Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиев. Он указал на важнейшие задачи, стоящие перед диалектологами союзных и автономных республик: в ближайшее время обобщить данные собранных диалектологических материалов и активизировать работу по составлению диалектологических атласов тюркских языков.

Член-корреспондент АН СССР А. В. Десницкая (Ленинград) в докладе «Диалектология -- основа исторического изучения албанского языка» отметила, что история албанского языка неотделима от его диалектологии, так как на протяжении многих веков язык этот существовал в основном в устной форме как совокупность более или менее близких диалектов. Докладчик указал на большое теоретическое значение изучения албанской диалектологии как исторической дисциплины, отметил основные задачи исследований в области албанской исторической диалектологии. К ним относятся: определение исторических основ диалектного членения, установление относительной хронологии фонетических и грамматических явлений, изучение ареального распределения лексики, историческая интерпретация языковых движений, воссоздание социально-исторических контекстов, в рамках которых осуществлялись языковые движения (пути развития инноваций, создание обобщенных типов речи -- койне, взаимодействие диалектов).

Профессор Э. Р. Тенишев (Москва) выступил с докладом «Формирование диалектной системы современного уйгурского языка», состоящей из трех крупных единиц -- диалектов: северо-западного (центрального), южного (хотанского) и восточного (лобнорского), из которых первый является опорным диалектом современного уйгурского литературного языка.

Докладчик остановился на вопросе об источниках для исторической диалектологии, к которым относятся письменные памятники, современные диалекты и говоры, данные родственных языков и диалектов.

С докладом «Приемы ареальной лингвистики в соотношении с другими приемами лингвистического анализа (на материале тюркоязычных ареалов Кавказа и Средней Азии)» выступила Н. З. Гаджиева (Москва). Она охарактеризовала основные критерии для построения тюркской ареальной лингвистики, сосредоточив особое внимание на ее задачах и проблемах. В качестве специфических проблем ареального исследования, порожденных особенностью самого объекта, она отметила пространственную характеристику отдельных групп тюркских языков, вычленение на основе ряда структурных признаков определенных ареалов тюркской языковой общности -- тюркоязычных ареалов Кавказа, Средней Азии, Поволжья.

Н. А. Баскаков (Москва) в докладе «Комплексные изоглоссы (ареалов) тюркских языков и диалектов» изложил историю формирования диалектных систем тюркских языков, отметив, что глубокие следы в формировании тюркских языков оставили: болгарский, огузский, кыпчакский, карлукский и уйгурский союзы. По его мнению, комплексные изоглоссы являются решающими при определении отношения конкретного тюркского языка к исторически существовавшим древним племенным объе-

динениям — болгарскому, огузскому, кыпчакскому, карлукскому и уйгурскому.

К. В. Горшкова (Москва) выступила с докладом «Лингвогеография как источник истории языка», подчеркнув многоаспектность лингвогеографических данных.

Р. Я. Удлер (Кишинев) охарактеризовал типы карт в диалектологических атласах Восточной Романии, в которых нашли свое отражение особенности говоров и диалектов восточнославянских языков.

В докладе И. Б. Кузьминой (Москва) «Данные современных говоров, как источник для построения исторического синтаксиса русского языка» отмечалось, что для изучения синтаксиса в диахроническом аспекте должны быть привлечены диалектные материалы разного типа, причем материалы монографического и лингвогеографического характера обладают в этом плане специфическими особенностями и возможностями.

О. Н. Мораховская (Москва) в докладе «Об исследовании лексики русских говоров методом картографирования» отметила, что картографирование является основным методом, которым пользуется лингвистическая география на современном этапе. Однако его применение само по себе не определяет уровня изученности того материала, который картографируется, хотя и способствует повышению этого уровня, в частности, и в области языкознания. Она остановилась на тех вопросах, которые предстоит решить при составлении диалектологического атласа русского языка о разработке приемов картографирования сложных диалектных лексикосемантических различий,

В докладе А. В. Широковой (Москва) «Данные итальянских диалектов, как источник диалектального членения народной латыни» предлагается методика реконструкции древних диалектных разновидностей народной латыни, разработанная на фонетическом уровне.

На заседаниях секции «Лингвистическая география на современном этапе» (руководитель — И. Х. Ахматов) были прослушаны и обсуждены доклады: А. А. Кривицкий (Минск) «Лингвогеографическая статья в белорусском лексическом атласе», И. А. Дзензелевский (Ужгород) «Межъязыковая интерференция и история системы грамматических категорий языка (говоров) (на материале истории украинского языка)», А. Н. Анеян (Ереван) «Оценка лексических, фонетических и грамматических изоглосс армянских диалектов», В. К. Павел (Кишинев) «К проблеме исследования номинации в лингвогеографическом аспекте», М. Н. Преображенская (Москва) «К вопросу об исторической интерпретации диалектных данных близкородственных языков», Е. Н. Мамсурова (Москва) «Выявление особенностей диалектного членения лингвистического ареала с помощью метода статистических изоглосс», Н. Н. Пшеничнова (Москва) «Мера специфичности говоров и «вес» их

признаков», А. Н. Думбрэвяну (Кишинев) «Из опыта картографирования молдавских антропонимов», В. Л. Гукасян (Баку) «Кавказский языковой ареал и вопрос субстрата», Л. П. Сергеев (Чебоксары) «О чувашском материале в «Диалектологическом атласе тюркских языков», Р. А. Юналеева (Казань) «К вопросу о тюркизмах в лингвогеографическом освещении», А. Видугирис (Вильнюс) «О взаимосвязи синонимии, полисемии и географии слова», М. Г. Волох (Киев) «К вопросу о целях сопоставления национальных и региональных атласов», У. Доспанов (Нукус) «Каракалпакская лингвогеография на современном этапе», А. Б. Брейдак (Рига) «Некоторые вопросы истории латгальских говоров верхнелатышского диалекта», А. Шерматов (Ташкент) «О некоторых картографированных диалектных явлениях узбекских говоров Кашкадарьи», А. Г. Шайхулов (Уфа) «К проблеме выявления антропонимической типологии в именах тюркского и финно-угорского происхождения», Р. Д. Магеррамова (Баку) «Книга моего деда Коркута» — один из источников в построении исторической диалектологии азербайджанского языка», Е. Ф. Журавлева (Таганрог) «Лингвогеографические данные о происхождении морфологических чередований в степных тавро-румейских говорах и их генеалогическая классификация», М. Ч. Чесерчиев (Москва) «Сравнительно-исторические принципы генеалогической классификации южноаварских диалектов (данные фонетики закатыльского диалекта)», А. А. Чеченов (Нальчик) «Материалы по исторической диалектологии тюркских языков по памятнику XIII—XIV вв. «Кодекс Куманикус», И. В. Кормушин (Москва) «К вопросу о древнедиалектном членении тюркской языковой общности», Р. М. Бирюкович (Саратов) «Ареальные черты в строе чулымско-тюркского языка», Т. Максудов (Ленинабад) «Специальные лингвогеографические анкеты как источник построения исторической диалектологии», Т. М. Ахмедов (Баку) «Субстратные элементы как источник определения языковых ареалов».

На заседаниях секции «Теория и источники построения исторической диалектологии» (руководитель — В. Г. Ахвледиани) были обсуждены следующие доклады: С. Б. Бромлей (Москва) «Русский диалектологический атлас как источник изучения истории языка», В. И. Асланов (Баку) «О трех источниках исторической диалектологии», Г. А. Хабургаев (Москва) «Проблема источников в связи с общей проблематикой исторической диалектологии», Д. И. Эдельман (Москва) «Историческая диалектология иранских языков (предмет, источники, методы)», Е. В. Немченко (Москва) «Данные современных говоров по синтаксису как источник для построения исторической диалектологии русского языка», В. И. Собинникова, А. А. Припадчев «Изолированные говоры русского языка как источник изучения диалектов в историческом аспекте», В. Н. Новопокровская (Минск) «О роли современных диалектных данных в построе-

нии истории говора», Х. Т. Таов (Нальчик) «Диалект как источник истории языка на материале кабардино-черкесских диалектов и говоров, А. Е. Хачатрян (Ереван) «Вопросы исторической диалектологии в арменистике», М. З. Закиев (Казань) «Этническая история как источник татарской исторической диалектологии», В. Г. Ахвледиани (Тбилиси) «О некоторых проблемах построения исторической диалектологии арабского языка», Г. Ф. Благова (Москва) «Изучение истории письменнo-литературного языка XI в. в связи с исторической диалектологией (склонение в словаре Махмуда Кашгарского)», Ю. С. Азарх (Москва) «Ономастика как источник исторической диалектологии (на материале русского именного словообразования)», О. С. Широков (Москва) «Источники наших знаний об изоглоссах общенидоевропейского диалектного континуума», Л. Г. Герценберг (Ленинград) «Теория и источники построения исторической диалектологии индоевропейских языков на основе достижений лингвистической географии, Т. Айдаров (Алма-Ата) «Отношение материалов говоров к истории казахского языка», М. А. Мурадян (Ереван) «К вопросу о реконструкции диалектов среднего и древнего периодов развития армянского языка», А. Т. Кясов, Х. Т. Таов (Нальчик) «Некоторые вопросы изолированного развития диалекта (на материале моздокского диалекта кабардино-черкесского языка), А. Л. Хромов (Душанбе) ««Микротопонимия как источник построения исторической диалектологии бесписьменных языков (на материале Таджикистана)», И. Я. Яшкин (Минск) «Иноязычные памятники как источники белорусской исторической диалектологии», С. Я. Байчаров (Черкесск) «Диалекты протобулгарского языка по данным приэльбрусских рунических памятников», Г. Джураев (Душанбе) «К разработке вопросов исторической диалектологии таджикского языка», К. С. Кадыраджиев (Махачкала) «Источники диалектных различий кумыкского языка в историческом аспекте», Г. А. Ахатов (Уфа) «Источники построения исторической диалектологии татарского языка», Т. И. Гаджиев (Баку) «Некоторые вопросы создания исторической диалектологии азербайджанского языка», О. Д. Мурадян (Ереван) «Значение письменных источников для исторической диалектологии», С. П. Лопушанская (Казань) «Разночтения в древнерусских текстах как один из источников построения исторической диалектологии», О. А. Князевская (Москва) «О реабилитации некоторых видов источников изучения исторической диалектологии русского языка», Б. К. Галас (Ужгород) «Рукописные словари I половины XIX века как важнейший источник для украинской исторической диалектной лексикологии», В. Ф. Харпалева (Москва) «Значение материала восточнославянских памятников письменности для изучения истории сложного предложения в русском языке», З. А. Хасиев, Т. К. Кулиев (Баку) «Животноводческие термины азербайджанского языка

как один из источников исторической диалектологии», М. Н. Славянская (Москва) «Функциональная разграниченность элементов различных диалектов в греческом языке доклассического периода», Ф. С. Хакимзянов (Казань) «Отношение волжско-булгарских эпитафий к истории татарского языка», Ш. Х. Халилов (Баку) «Ареал аффиксов будущего определенного времени — ачак/-эчэк в памятниках средних веков», Р. Х. Темирова (Черкесск) «Вопросы взаимодействия языков и диалектов и возникновение черкесских особенностей», И. Д. Велиев (Баку) «О диалектной ориентации языка памятника XV в.», Ф. М. Хисамова (Казань) «Отражение диалектных черт в материалах Старотатарской деловой письменности», Н. Н. Убушаев (Элиста) «Редуцированные гласные в говорах калмыцкого языка», Б. П. Садыхов (Баку) «Древние формы повелительного и долженствовательного наклонений в азербайджанских диалектах в диахроническом аспекте».

На заключительном заседании выступили Б. А. Серебrennikov, Н. А. Баскаков, С. В. Бромлей, Э. Р. Тенишев, Р. Я. Удлер, И. А. Дзензелевский, А. В. Широкова и др.

Совещание отметило значительные успехи диалектологической науки в решении актуальных задач современного языкознания, а также обратило внимание участников совещания на те вопросы, которые стоят перед диалектологами и историками языка по составлению диалектологических атласов русского языка, тюркских языков и других языков народов СССР.

Подводя итоги совещания, ее участники высказали пожелание провести следующее совещание в октябре — ноябре 1979 г. в г. Душанбе.

Л. Ж. Жабелова

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Грамматика	
Об объективном и грамматическом настоящем времени в карачаево-балкарском языке (Х. С. Джанибеков)	7
Образование структурно-семантических типов безличных предложений в карачаево-балкарском языке (И. Х. Ахматов)	25
Конструкции с приложениями в русском языке и их эквиваленты в карачаево-балкарском (И. М. Отаров)	37
Словообразовательная структура парных существительных в современном карачаево-балкарском языке (Л. Ж. Жабелова)	47
Лексика и семантика	
О способах обогащения лексики карачаево-балкарского языка в советский период (Ю. Х. Джабоев)	59
Заемствованная и общетюркская сельскохозяйственная терминология карачаево-балкарского языка (А. А. Жаппуев)	65
Некоторые табу и эвфемизмы в карачаево-балкарском языке (М. М. Текуев)	85
О происхождении гидронима <i>терек</i> (К. А. Мизиев)	93
Лексико-семантические особенности парных существительных (Л. Ж. Жабелова)	97
Роль русского языка в обогащении карачаево-балкарской лексики в советский период (Ю. Х. Джабоев)	109
Орфография	
О принципах орфографии карачаево-балкарского языка (Ж. М. Гузеев)	121
Об отражении закона небного сингармонизма в карачаево-балкарской орфографии (Ж. М. Гузеев)	129
К вопросу правописания русских заимствований в карачаево-балкарском языке (Ж. М. Гузеев)	139
Приложение	
Гипербола в карачаево-балкарском нартском эпосе (Т. М. Хаджиева)	146
Хроника (Л. Ж. Жабелова)	154